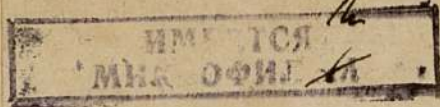
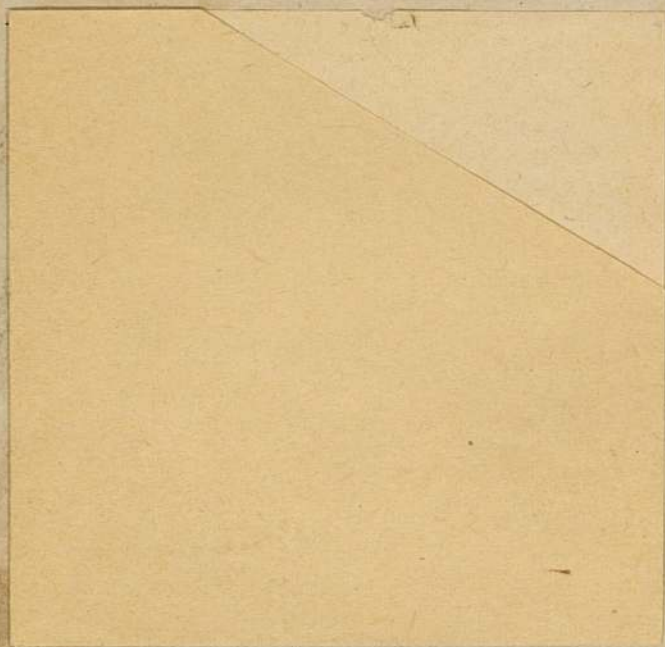

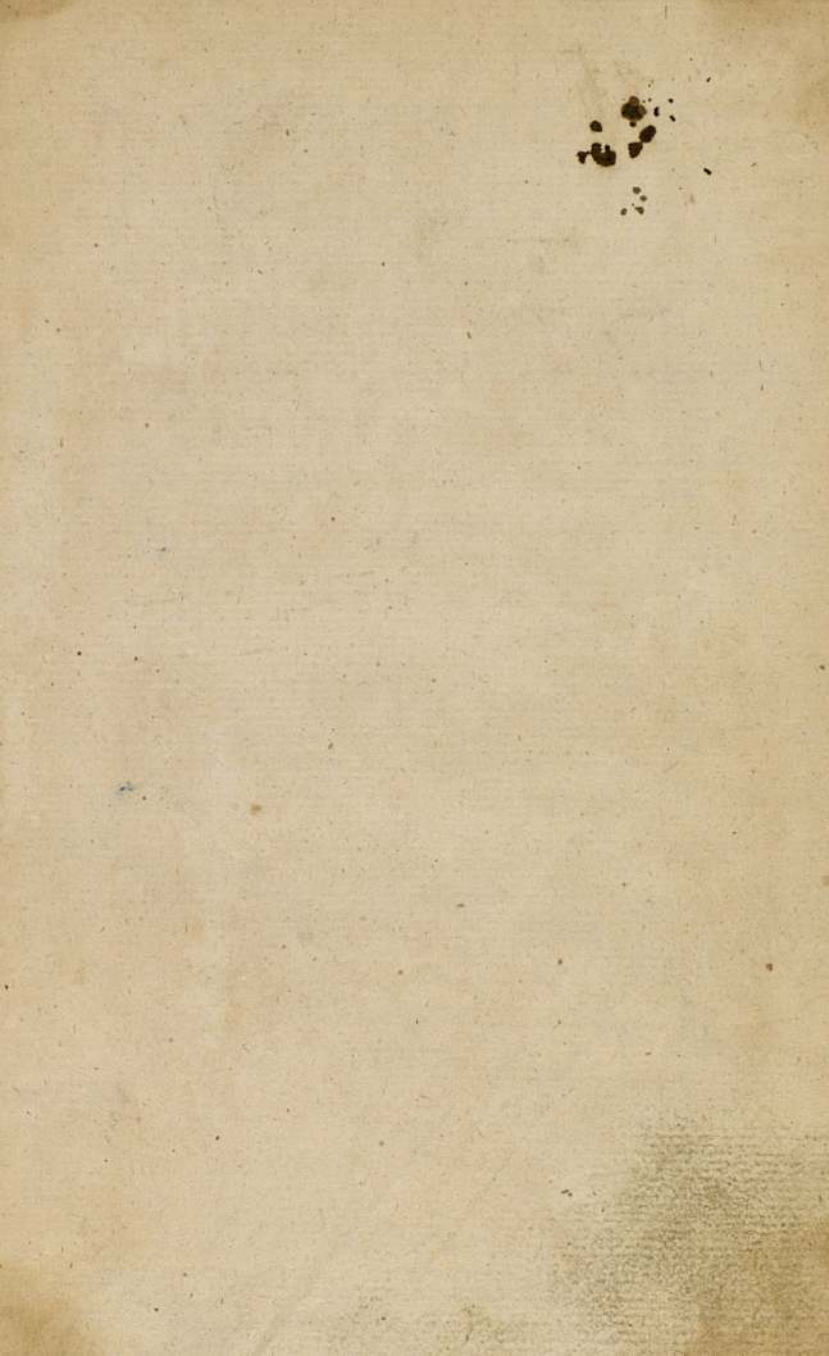

ЗАЛА 19
ШКАФЪ 5
ПОЛКА 9
№ 2. (3.)

7-54

ПОКОЯЩІЙСЯ
ТРУДОЛЮБЕЦЪ,
ПЕРІОДИЧЕСКОЕ
ИЗДАНИЕ

СЛУЖАЩЕЕ ПРОДОЛЖЕНІЕМЪ

ВЕЧЕРНІЯ ЗАРИ,

ЗАКЛЮЧАЮЩЕЕ ВЪ СЕБѢ

Философическія, Нравоучительныя,
Историческія, и Псякаго рода
какъ пажныя, такъ и забавныя
матеріи, къ пользѣ и удополь-
стцію любопытныхъ читате-
лей, состоящія изъ подлинныхъ
сочиненій на Россійскомъ языкѣ
и переподобъ съ лучшихъ ино-
странныхъ писателей въ стихахъ
и прозѣ.

— — — Sibi quis
Speret, idem frustra sudet, frustra que laboret.
HOR.

ЧАСТЬ III.

ВЪ МОСКВѢ,
ВЪ Университетской Типографіи,
у Н. Новикова, 1785 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Матерій , находящихся въ III. части.

спран.

I.	Разсужденіе о безпорядкахъ производимыхъ спрасъми въ челоуѣкѣ , и о средствахъ , какія въ такихъ случаяхъ упошребляшь должно. - -	I
II.	О должности челоуѣка имѣшь особливое попеченіе о своей душѣ. - . - -	56
III.	О Эпшузіазмѣ. - . - -	68
IV.	Ода челоуѣкѣ. - . - -	84
V.	Гимны.	
	1. Соцѣсть - . - -	94
	2. Добродѣтель. - . - -	95
VI.	Ушренняя пѣснь. - . - -	97
VII.	Молишва. - . - -	99
VIII.	Бесѣда съ самимъ собою. -	101
IX.	Ода смерть. - . - -	106
X.	О квакерахъ. - . - -	110
XI.	О таинствахъ Цереры Элевзинской. - . - -	127
XII.	Обхожденіе съ самимъ собою.	135

)

XIII.

XIII. Краткія разсужденія :

I. <i>Полный мѣсяць.</i>	-	250
II. <i>Прогулка пѣ лѣсу.</i>	-	151
III. <i>Море.</i>	- - -	152
IV. <i>Жатва.</i>	- - -	153
V. <i>Болезнь.</i>	- - -	155
VI. <i>Последній судъ.</i>	-	157
VII. <i>Бабочка.</i>	- - -	158
XIV. <i>Ода : гордость.</i>	- - -	166
XV. <i>Гимнъ богинѣ судьбы.</i>	-	163
XVI. <i>Ода : печерь.</i>	- - -	166
XVII. <i>Осень.</i>	- - -	170
XVIII. <i>Елегія челоуѣкъ.</i>	-	175
XIX. <i>Утро.</i>	- - -	177
XX. <i>Ночь.</i>	- - -	180
XXI. <i>Чувствованія великодушнаго въ пустынѣ.</i>	- - -	184
XXII. <i>Уединеніе.</i>	- - -	191
XXIII. <i>Похвала розѣ.</i>	- - -	194
XXIV. <i>Зевксисъ.</i>	- - -	196
XXV. <i>Басни.</i>		
1. <i>Чудопище пѣ солнцѣ</i>		198
2. <i>Волшебница</i>	- - -	201
XXVI. <i>Для дѣтей.</i>	- - -	203
		XXVII.

XXVII.	Письмо съ пого свѣща въ Мо- скву отъ Муміага къ сыну малыя земли живущему въ муравейникѣ.	-	-	-	213
XXVIII.	Красавица къ розѣ.	-	-	-	225
XXIX.	Припча : старуха.	-	-	-	227
XXX.	Басня : осель и спинья.	-	-	-	228
XXXI.	Быль.	-	-	-	230
XXXII.	Письмо.	-	-	-	232
	1. Басенка бабочка и ро- зонь.	-	-	-	234
	2. Плоды алчности ко злату.	-	-	-	—
	3. Сонетъ.	-	-	-	238
	4. Къ стихомарателю.	-	-	-	239
XXXIII.	Мадригалъ гостелюбицей старухѣ	-	-	-	—
XXXIV.	Анаграммы.	-	-	-	240
	1.	-	-	-	—
	2. Наука терпѣнія.	-	-	-	—
XXXV.	Эпиграммы.	-	-	-	—
	1. Непинопатый осуж- денникъ.	-	-	-	—
	2. Всякому ли спое мило?	-	-	-	—
	3. Заптра.	-	-	-	241
	4. Жизнь и смерть.	-	-	-	—

5.	<i>Жизнь и любовь.</i>	-	241
6.	- - - -	-	—
7.	<i>Къ Личу.</i>	-	—
8.	<i>Къ Докукину.</i>	-	242
XXXVI.	<i>Эпиграфи.</i>	-	—
1.	<i>Алхимику.</i>	-	—
2.	<i>Танцмейстеру.</i>	-	—
3.	<i>Нечувствительному.</i>	243	
XXXVII.	<i>Загадка.</i>	-	—
XXXVIII.	<i>О мѣрѣ его началъ и древности.</i>	—	

ПОКОЯЩІЙСЯ
ТРУДОЛЮБЕЦЪ,
ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

I.

РАЗСУЖДЕНІЕ

Обезпорядкахъ производимыхъ страстьми въ челоѣкѣ, и о средствахъ, какія въ такихъ случаяхъ употреблять должно.

Человѣкъ обуреваемый насильственными волненіями различныхъ страстей, бывающими часто въ немъ причиною печальныхъ слѣдствій, заслуживаетъ все наше вниманіе. Отъ укрощенія оныхъ и приведенія въ надлежащее устройство безъ сомнѣнія зависитъ не малая часть блаженства нашей жизни. Чтобъ намъ порядочное разсуждать объ оныхъ, то мы избираемъ четыре предмета, копорые будутъ содержаніемъ сего разсужденія. I. Естество страстей. II. Ихъ безпорядки. III. Средства, какія въ такихъ безпорядкахъ употреблять должно; и наконецъ IV. побужденія, обязывающія насъ оставитъ оныя.

Съ начала мы предложимъ общее понятие о плотскихъ похотяхъ. На другомъ мѣстѣ будемъ разсуждать о брани, копорую онѣ имѣютъ съ душою. Третья часть опредѣлена будетъ на изысканіе средствъ *огрѣваться отъ сихъ плотскихъ похотей*. Въ послѣдней приложено будетъ стараніе сдѣлать всякому чувствительную оныхъ побужденій силу.

Для познанія естества спрасней, надлежитъ сдѣлать нѣкопорыя предварительныя примѣчанія служація къ рѣшенію двусмысленныхъ значеній припомъ встрѣчающихся.

I. Разумное существо должно любить все то, что его возвышаетъ, что вѣчнымъ, что счастливымъ его дѣлаетъ. Разумное существо должно ненавидѣть всего, что его унижаетъ, ограничиваетъ, несчастнымъ дѣлаетъ. Сіе не только не значитъ поврежденія въ человѣкѣ, но паче въ немъ есть совершенство. Онѣ то имѣетъ общее съ небесными силами, и съ самымъ Богомъ. Сіе примѣчаніе опдаляетъ ложныя мнѣнія шѣхъ, копорые воображаютъ, будто бы шѣ, кои совѣшуютъ *огрѣваться отъ плотскихъ похотей*, желая искоренить спрасни, сопротивляющія истинной человѣческой пользѣ. Но сіе мнѣніе можно имѣть только тогда, когда мы, не видякая въ точное значеніе сего правила, будемъ

демъ взирать на одну наружность снаго. Чрезъ *похоти плотскія* никакъ не разумѣютъ они тѣхъ желаній сердца нашего, кои производятъ въ насъ спремленіе къ сущему благу и ко истинной славѣ.

II. Разумное существо соединенное съ тѣломъ, обитая, естли можно такъ сказать, въ нѣкоторой частицѣ вещества съ тѣмъ закономъ, чтобы по разнымъ движениямъ сего вещества получало оно чувствованія радости или печали, должно естественнымъ образомъ съ окошкою внутрь себя возбуждать первыя, и предупреждать вторыя. Таково было учрежденіе Создателя. Его воля была, по святейшимъ причинамъ премудрости его, сохранятьъ чрезъ нѣсколько вѣковъ на земли общество человѣческое. Для сего онъ здѣлалъ, дабы то, что можетъ способствовать къ содержанію нашего тѣла, производило удовольствіе въ нашей душѣ; и то, что можетъ разрушать наше тѣло, причиняло бы намъ болѣзнь, дабы тѣмъ возбудить въ насъ стараніе къ сохраненію себя. Пища пріятна; разрушеніе частей тѣла сего болѣзненно; любовь, ненависть, гнѣвъ въ здоровомъ смыслѣ взятыя до нѣкоторой степени, принадлежатъ къ порядку естества. Стойки, копорые уничтожили страсти, не понимали человѣка, и шѣ учили школьные, кои для ушѣшенія спражду-

А 2

щаго

щаго каменною болѣзнію, или подагрою, сказывающъ ему, что благоразумный человекъ не долженъ взирать на произшествія случающіяся въ грубомъ тѣлѣ, никогда не сыщутъ послѣдователей между благоразумными. Сіе разсужденіе открываетъ намъ другой путь къ разумнѣю, что значить огребашися отъ плотскихъ похотей? По крайней мѣрѣ оно подаетъ намъ впорую предосторожность для отвращенія отъ сихъ словъ ложнаго смысла. Чрезъ *похоти плотскія* не должно разумѣнъшой природной склонности, которую мы имѣемъ къ сохраненію нашего тѣла, и къ выгодамъ нашей жизни. Позволишельно всякому имѣть любовь, ненависть, гнѣвъ, не повреждая вѣщней пользы. Последнее сіе выраженіе: *не попреждая вѣщней пользы*, заслуживаетъ особое вниманіе. Истинна сего примѣчанія зависить отъ слѣдующаго ограниченія,

III. Существо сложное изъ двухъ еществъ, изъ коихъ одно превосходитъ другаго: сіе существо, находясь между двумя пользами, изъ которыхъ одна больше другой, должно предпочитать, когда двѣ сіи пользы встрѣчаются, значнѣйшее подлѣйшему, и меньшему большее.

Сіе преще начало открываетъ намъ прещій путь къ познанію того, что должно раз-

разумѣшь чрезъ сіи *похоти*, чрезъ сіи, говорю, спрасми. Человѣкъ имѣетъ два естества: онъ имѣетъ и двѣ пользы, онъ долженъ по своей возможности, не нанося вреда вѣчной пользѣ, спарашься о временной. Но естѣли обѣ онѣ встрѣчаются вмѣстѣ, то надлежитъ большому жертвовать меньшимъ, *похоти плотскія* сущь то, что мы имѣемъ непорядочнаго и поврежденнаго въ нашихъ желаніяхъ по паденіи; что заставляешъ насъ предпочиташъ тѣлесное поученіе душевному, временную пользу вѣчной. А что шакова мысль заключаешъся въ словѣ: *похоти*, то нишо о томъ не можешъ сомнѣвашься, естѣли шолько приложитъ вниманіе къ наименованію, данному симъ спрасямъ, или симъ *похотямъ*. Онѣ называющься *плотскими*; что значитъ сіе слово? Два наипаче значенія онаго. Иногда беретъся оно за то, что онѣ плоти бываешъ; а иногда значитъ иѣчто испорченное. Здѣсь должно разумѣшь *похоти плотскія* въ томъ и другомъ смыслѣ; не шолько въ первомъ, пошому что многіе происходьтъ онѣ тѣла, какъ то роскошь, гнѣвъ, пьянство: но и въ другомъ, поколику онѣ источникъ имѣющъ въ нашемъ поврежденіи. Почему (*) свяшый Павелъ между дѣлами плотскими полагаешъ не шолько имѣющія въ тѣлѣ свое жилище,

(*) Галат. V. 19.

но и шѣ, копорья весьма мало соединены съ шѣломъ]: явлена суть дѣла плотская, сказуютъ онѣ, яже суть прелюбоудѣяніе, нечистота; къ чему прилагаетъ, и дово- служеніе ереси, заисти; дѣла плот- ская; но естѣ не только имѣющія свое пре- бываніе въ плоти собственно такъ называ- емой (по колику зависи и ересей между такими поспавишь не можно) но и дѣла по- врежденія.

Се естѣ общее понятіе о спрасняхъ, но оно еще неопредѣлено, и очень закрыто; надлежитъ данъ о томъ понятія особенныя и яснѣйшія. Для сего надобно показатъ I. Чшо естѣ спрасни въ разумѣ, II. Въ чув- ствахъ, III. Въ воображеніи, IV. Въ сердцѣ? Четыре изображенія спрасней суть четыре испочника, ведущіе человѣка къ познанію.

Но дабы сократитъ наше разсужденіе: по шамъ, гдѣ будетъ говорено, чшо естѣ *похоти плотскія* относительно чешыремъ онымъ изображеніямъ, вмѣстѣ показано бу- дещъ и то, чшо онѣ въ семъ чешвероякомъ смыслѣ воюющъ *на душу*. Такимъ образомъ вторая часть сего разсужденія, въ которой должно разсуждать о безпорядкахъ спра- сней, смѣшена будетъ съ первою, въ ко- торой предложено будетъ о ихъ естествоѣ.

I. Страсти производяшѣ въ разумѣ сильное нѣкоторое вниманіе ко всему тому, что можешѣ оныя оправдать и удовольствовашѣ. Нѣшѣ предмета споль ненавистнаго, коюрой бы съ какой нибудь спороны не казался любезнымѣ. Нѣшѣ предмета споль любезнаго, коюрый бы съ какой нибудь спороны не казался ненавистнымѣ. Нѣшѣ лжи споль осязательной, коюрая бы съ какой либо спороны не казалась вѣроятною. Нѣшѣ истинны споль доказанной, коюрая бы съ какой либо спороны не была подозрительною. Пристрастный человекѣ вперяешѣ всю внятность разума своего въ шѣ спороны, коюрыя льстяшѣ его спрасямѣ; и сіе то есть источникѣ шюликихѣ ложныхѣ разсужденій, коюрымѣ мы ежедневные свидѣтели и виновники. Кто изслѣдуетѣ всѣ страсти, шюшѣ въ нихѣ увидишѣ сей признакѣ. Что есть мщеніе въ разумѣ опмщевающаго? Оно есть сильное углубленіе во всѣ шѣ пріяшныя спороны, съ коюрыхѣ можно себѣ предсавитѣ мщеніе: оно есть непрестанное усиліе уклоняшѣся ошѣ шѣхѣ ненавистныхѣ споронѣ, съ коюрыхѣ можно бы на оное взглянуть. Съ одной спороны есть нѣкоторой идолѣ въ свѣшѣ, коюрой судишѣ, что надобно опмщевашѣ. Сей идолѣ есть свѣшская честь: предѣ судилищемѣ сего божества забывать обиды есть подлость, прощать оныя есть спыдѣ, не радѣшѣ обѣ опмщеніи за оныя есть малодушіе.

Но съ другой стороны мщеніе возмущаетъ общество, похищаетъ право самодержца, нарушаетъ уставы благочестія. Безприсраспный человѣкъ, который бы безъ предразсужденія разобралъ сей вопросъ: надлежитъ ли мстити за полученную обиду? шаковый человѣкъ, сказываю я, уважилъ бы всѣ сіи побужденія, разсмотрѣлъ бы оныя одно за другимъ, приспалъ бы къ сильнѣйшимъ и справедливѣйшимъ: но присраспный придерживается только первыхъ; не обращая вниманія на другія; онъ всегда говоритъ: честь моя, но никогда не сказываетъ, мое спасеніе, мое благочестіе. Что есть ненависть? она есть сильное вниманіе къ слабостямъ какого либо человѣка? Кто безъ порока? при томъ кто същется, кошораго пороковъ не замѣняли бы какія нибудь добродѣтели? Сей человѣкъ не имѣетъ размѣра въ тѣлѣ, но онъ имѣетъ украшенную душу; не одаренъ быспрошою разума, но искреннее имѣетъ сердце; не можетъ васъ снабдити избыточнымъ богашствомъ; но въ сосноянїи дасть хорошее наставленіе и добрыя примѣры; онъ не вельможа и не властелинъ; но человѣкъ, Хрістіанинъ единовѣрный, и по всѣмъ симъ отношеніямъ достоинъ вашей любви. Человѣкъ присраспный отвращаетъ глаза отъ сей выгодной стороны, и взираетъ только на прошивную. Такъ чему и удивляться, еслии онъ того ненавидитъ, въ комъ онъ примѣчаетъ одни несовершенства. Такимъ по обра-

образомъ и челобитчикъ предлагаетъ свое дѣло съ такимъ ухищреніемъ, что право его кажется бытъ неоспоримымъ: онъ забываетъ одно происшествіе, утаиваетъ одно обстоятельство, умалчиваетъ какую либо причину, которая бы совсѣмъ иной видъ дала его дѣлу, если бы оную приложишь. Такимъ образомъ защищаетъ иной и ложное исповѣданіе, содержа всегда въ мысли доводы, которые по видимому утверждаютъ оное, а не приводя никогда тѣхъ, которые опровергаютъ его до основанія. Онъ перерываетъ какой либо стихъ; опдѣляетъ оный стихъ предыдущаго; беретъ нѣкоторыя только выраженія, которыя будучи представлены опдѣлѣнно, даютъ нѣкоторое убѣжище его погрѣшности; но если ихъ совокупить съ другими, не оставляютъ ни тѣни справедливости, или вѣроятія. И что всего страннѣе, самая любовь къ истинному благочестію, сія любовь, которая, если будетъ управляема разумомъ, открываетъ намъ обширное поле познанія и просвѣщенія; но она приязываетъ насъ и къ ложнымъ мнѣніямъ, когда мы приспаемъ къ онымъ по пристрастію или по предразсужденію.

Се страсти въ разумъ! И можно легко понять съ какимъ основаніемъ говорится что *похоти плотскія поюють на душу*. Безъ сомнѣнія одно изъ лучшихъ преимуществъ

А 5

иму-

имуществъ чедовѣческихъ состоишъ въ умствованіи, въ разсмашриваніи доводовъ, во уваженіи побужденій, въ представленіи предмета подъ всѣми его видами, въ соображеніи различныхъ причинъ, какія могутъ быть представлены для защищенія или опроверженія предложенія; дабы посему располагать свои понятія и разсужденія, свою ненависть и любовь. Человѣкъ пристрастный опмешаетъ се преимущество, человѣкъ пристрастный не умствуешъ; душа его находится въ оковахъ, умъ связанъ; *похоти плотскія поюють на душу.*

Разсудивъ, что есть спраши въ разумъ, посмотри, что оныя суть въ чувствахъ? Чтобы се понять, должно привести на память вышепоказанное, то есть, что спраши имѣющъ начало свое отъ распоряженія Создателя, который насадилъ ихъ въ шлѣбъ нашемъ для сохраненія онаго. Если могъ какой предметъ нанести вредъ здравію нашему или жизни, то нужно было нѣкоторому быль движенію въ нашихъ чувствахъ, которое бы подавало намъ способность къ удаленію отъ сего предмета, и се - то мы находимъ въ страхѣ. Человѣкъ, пораженный воображеніемъ грозящаго бѣдствія, имѣетъ нѣкоторое усуремленіе, котораго бы онъ не имѣлъ въ состояніи спокойнѣйшемъ; онъ пожелалъ только учинить опытъ силъ своихъ.

Надлежало, чтобы, когда неприятель
 приступилъ для испребленія нашего, произо-
 шло въ чувствахъ нашихъ движеніе, которое
 бы подало силу, прошивишься ему. Мы сіе
 видимъ во гнѣвѣ; се есть собраніе нѣкоторое
 духовъ * * * * * но позволше мнѣ заим-
 ствовашъ здѣсь слова одного нынѣшняго фи-
 лософа, который весьма живо изобразилъ дви-
 женіе, производимое страстями въ шлѣ на-
 шемъ: (*) прежде нежели встрѣчается
 какой предметъ страсти, сказываетъ
 онъ, духи бышаютъ разсѣяны по всему
 тѣлу для свереженія обще цѣлхъ частей,
 но въ присутіи чюаго предмета
 все устройство приходитъ въ замѣ-
 шательство, большая часть духовъ
 поступаетъ по цѣлнѣшнія части тѣла,
 дабы его прицестъ въ состояніе, могу-
 щее дать ему положеніе, и нужное дви-
 женіе для пріобрѣтенія какого блага,
 или избѣжанія предстоящаго зла. Есть-
 ли челоѣческія силы не допольны, когда
 оныя ему нужны, то сіи самыя духи
 такъ различаются, что застапляютъ
 его Механическимъ образомъ произно-
 сить нѣкоторыя слова и крики, распро-
 страняютъ по лицу его и по всему его
 тѣлу

(*) Малбраншъ изслѣдованіе истинны I. 5.

тѣлу пидѣ, могущій поколебать дру-
гихъ тою же страстію которою онѣ
одержимъ. Ибо какъ челоуѣки такъ со-
тпорены, что они получаютъ взаимное
печатлѣніе пѣ умѣ посредствомъ глазъ
и ушей, то находящійся пѣ движеніи,
необходимо трогаетъ пѣхъ на него пѣи-
рающихъ, и ему принимающихъ и произво-
дитъ пѣ ихъ поображеніи естественнымъ
образомъ печатлѣніе, которое ихъ трепе-
житъ, и засталяетъ принимать участіе
пѣ его охраненіи. Остальные души опу-
скаются стремительно пѣ сердце, пѣ лег-
кое, пѣ печень, и другія пнутренности,
дабы собрать какъ бы нѣкоторую дань
со пѣхъ сихъ частей, и принудить ихъ
къ доставленію пѣ скоромъ прении
духоу пѣ нужныхъ для содержанія тѣла
пѣ необыкновенномъ дѣйствіи, пѣ ко-
торомъ оно быть должно.

Таковы суть движенія, возбуждаемыя
страстьми въ чувствахъ, все сіе было нужно
до нѣкотораго степени, для сохраненія
нашего тѣла; все сіе до нѣкоторой степени
было въ предопредѣленіи Творца.

Но что бы сіи движенія находились въ по-
рядкѣ, при вещи необходимы были. I. Надле-
жало, чтобы они никогда въ тѣлѣ не были
возбуждаемы безъ управленія воли и разума.

II. Надлежало, чшобы они были соразмѣрны, я разумѣю чрезъ сіе, чшобы на пр. движеніе страха происходило только при случаѣ предмешовѣ, въ самомъ дѣлѣ для насъ вредныхъ; чшобы движеніе гнѣва случалось только при воззрѣніи на непріяшеля, который по-длинно имѣлъ намѣреніе и силу учинишь нападеніе на наше благополучіе. III. Надлежало, чшобы они ошпанавливались, ештли воля пожелаешъ положишь имъ предѣлы. Но спрасши порядокъ сей превращающъ, они нарушающъ при сіи закона споль премудро Создашелемъ учрежденные.

I. Движеніе спрасшми возбуждаемое ешть не свободное. Человѣкъ во гнѣвѣ выходитъ изъ самаго себя, какъ бы прошивъ желанія своего. Человѣкъ сластолюбивый получаешъ въ своихъ чувствахъ впечатлѣніе виѣшняго предмета и предаешся прошиву совѣшовъ разума огню, который его воспаляешъ и снѣдаешъ.

II. Движеніе, возбуждаемое спрасшми въ нашихъ чувствахъ, ешть несоразмѣрное. Я разумѣю чрезъ сіе, что человѣкъ на пр. боязливый, часто блѣднѣешъ равномѣрно при встрѣчѣ мнимаго какъ и дѣйствительнаго бѣдствія: мечта и самая вещь часто его равнымъ образомъ въ боязнь приводятъ. Человѣкъ (*) ему же Богъ чрепо, чувствувешъ, что

(*) Филипис. III. 19.

что вкусъ побуждаетъ его равно на снѣдъ вредную его здравію, какъ и на пищу нужную къ сохраненію его жизни.

III. Движеніе страстями въ чувствахъ нашихъ производимое не останавливается по предписанію воли. Оно есть нѣкошорое разлишніе духовъ, кошорому никакое размышленіе преграды положишь не въ соспояніи. Оно не есть шакой умѣренной огонь, чшобъ могъ подашь крови нужную шеплошу; но пламя пожирающее все, что ни предспавляется ярости его. Оно не шихой пошокъ, кошорой шечешъ спокойно, и по полямъ извиваясь разлишаетъ свои воды для прохлады и орошенія оныхъ. Оно есть выступившая изъ береговъ рѣка, оставляющая по себѣ вездѣ всякой соръ и шину, кошорыми она наполнена, опустошающая жатву, испортающая деревья, рассыпающая съ обѣихъ сторонъ все прошивящееся ея спремленію. Се сушь спраспи въ чувствахъ! Не ясно ли видно, что онѣ по сему вшорому разсужденію *поютъ на душу.*

I. Онѣ *поютъ на душу*, чрезъ непорядки, причиняемые ими во всемъ тѣлѣ, кошорое онѣ должны были сохранять; онѣ рассыпаютъ духи, въ слабость приводятъ память, повреждаютъ мозгъ. Посмотримъ на сіи дрожащія рѣки, на сіи измѣненные глаза,
на

на сіе нагбенное и какъ бы изнуренное тѣло; се суть дѣйствія спрасшей. Но когда тѣло находишь въ такомъ состояніи, трудно и душѣ не спрадась. Между сими двумя частями самихъ насъ есть споль тѣсный союзъ, что премѣна одной части необходимо и другой сообщается. Не лзя бытъ внимательнымъ къ истиннѣ, когда сила душевная болѣзненными чувствованіями ипоощена. Когда духи нужные для подкрѣпленія насъ въ размышленіи разсѣяны, то мы размышлять не можемъ. Мозгъ, которому нужна извѣстная иѣкспорая швердосць для полученія впечатлѣній отъ предметовъ, пошерялъ оную, и болѣе не въ состояніи возвращишь ея.

II. Онѣ поютъ на душу, опровергая все устройство человѣческое тѣмъ, что заставляющъ человѣка почиташъ увеселишельныя чувствованія за счастье досшойное снисканія по себѣ самомъ, но Богъ въ семъ случаѣ повелѣлъ ему ощущашъ онья единственно для того, чтобы онъ бдѣлъ о сохраненіи своего тѣла.

III. Онѣ поютъ на душу потому, что ее дѣлающъ рабой сего тѣла, которымъ она должна была обладашь. Еслии что недосшойнѣе безмерной души, какъ не послѣдовашь никакимъ другимъ правиламъ въ своихъ разсужденіяхъ, кромѣ движенія органовъ

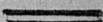
новѣ, горячести крови, и волнованія духовѣ? И не сіе ли случается съ приспраснымъ челоѣкомъ? Кшо разсуждалъ по слѣдствіямъ, когда чувствва его были спокойны; не разсуждаешъ ли безумно, когда чувствва его колеблющяся? Когда его чувствва были спокойны, то онъ разсуждалъ, что не должно употреблять пищи, какъ шолько для того, что она нужна для сохраненія его здоровія и жизни, по крайней мѣрѣ для наслажденія, (*) *со благодареніемъ*, невинными оными забавами, кошорья употреблять дозволяешъ намъ разумъ и благочеспіе: но когда онъ взволновались, то онъ думаетъ, что надлежитъ разныя вымышлять кушанья, пресыщашься оными, упопашъ въ винѣ и предавашься безъ мѣры излишесшвамъ роскоши. Когда чувствва его были спокойны, то онъ разсуждалъ, что довольно благоразумной предосторожности, воспрепятшвованіюко варспвамъ неприятеля, желающаго ему вредъ нанесъ: но при волнованіи оныхъ онъ думаетъ, что надобно гнать его, бросишь на него, пронзишь грудь, лишишь жизни. Когда чувствва его были спокойны, то онъ былъ свободенъ, онъ былъ самовласшенъ: но какъ взволнующяся, онъ уже имъ покоренъ, онъ уже рабъ.

Подлое покореніе, недоспойное рабство! Стыдъ для челоѣчѣской природы, когда

(*) Колосс. IV. 1.

гда мы оную видимъ въ такомъ порабо-
щеніи.

Посмотримъ на сего человѣка, онъ имѣетъ весьма много добродѣтелей, и можеть быть болѣе, нежели прочіе обыкновенно ихъ имѣютъ. Коснемся ли того, что называется умѣнье жить въ свѣтѣ? Онъ разумѣетъ всѣ законы о семъ подробно, и наблюдаетъ ихъ тщательнѣе. О безкорыстїи ли спрашивается? оно въ немъ царствуетъ въ высочайшемъ степеніи, и смотря на способъ, которымъ онъ благодаритъ, можно бы сказать, что онъ умножаетъ свое имѣніе распуская оное. Вопросаенся ли о благочестїи? Онъ почитаетъ онаго важность, произноситъ имя Божіе съ благоговѣніемъ; разсуждаетъ о дѣлахъ его съ удивленіемъ, и о его свойствахъ со страхомъ. Посадите сего человѣка за столъ играшь; предложите ему кости и каршы, онъ себя болѣе не помнитъ; онъ собою болѣе не владѣетъ; забываетъ скромность, безкорыстїе, благочестїе, клеветаетъ на человѣковъ. Изрыгаетъ хулу на небо. Снѣдается сребролюбіемъ въ сердцѣ, тѣло его дрожитъ, мысли мѣшаются, измѣняется нравъ, лице блѣднѣетъ, глаза горятъ, пѣнятъ уста, воспаляются духи: эшо не потъ человѣкъ, что я говорю! эшо не человѣкъ; эшо люшый звѣрь; эшо бѣснующаяся шварь.

Мы не предаемся такимъ образомъ чувствамъ нашимъ, не находя въ томъ услажденія; и что всего пагубнѣе, услажденіе сіе, вкушаемое нами оспается въ памяти, дѣлаетъ глубокія начертанія въ мозгу, поражаетъ воображеніе. И сіе-то приводитъ насъ къ прешьему предложенію, въ копоромъ мы должны разсуждать, что сущь спрасши въ воображеніи?

Еснъли бы дѣйствіе чувствъ возбуждаемо было полько присущствіемъ предметовъ: еснъли бы душа полько дѣйствіемъ чувствъ колеблема была, то одно бы средство довлѣло для сбереженія себя отъ спрасшей; оно бы состояло въ удаленіи отъ предмета ихъ возбуждающаго. Но спрасши причиняютъ еще другіе безпорядки. Къ онымъ принадлежитъ сильное оное впечатлѣніе оспавляемое ими въ воображеніи. Предаясь чувствамъ, вкушаемъ мы нѣкопоре услажденіе; сіе услажденіе поражаетъ воображеніе; а воображеніе будучи поражено такимъ образомъ пріобрѣщенными забавами приводитъ ихъ на память, и принуждаетъ спрасшнаго челоувѣка возвращаться къ шѣмъ предметамъ, копорые ему были сшоль сладки.

По сей причинѣ спарые люди имѣютъ еще иногда несчастные оспатки какой нибудь спрасши, копорая повидимому пред-
спа-

ставляетъ природное нѣкошорое сложеніе, и о которой бы можно думать, что она изчезла, какъ скоро сложеніе перемѣнилось. Разсужденіе что сіи и другіе предметы были причиною ихъ забавъ, еще любезно ихъ душѣ: воспоминаніе оныхъ нравился имъ; они вмѣшивающъ ихъ при каждомъ разговорѣ; дѣлающъ объ оныхъ прелестныя описанія, и разговаривая о своихъ прошедшихъ увеселеніяхъ, награждающъ ю, что старость имъ запретила. Для сего то такъ прудно человѣку приспраспившемуся къ свѣту оцстать ошъ него на одрѣ смертномъ. Правда кажется, что обремененное болѣзнями шѣло, почти изчезшее естество, чувства вовсе умерщвленныя не много способствуютъ, чтобы оставить въ человѣкѣ любовь къ чувствственнымъ услажденіямъ; но воображеніе пораженное впечатлѣніями прошедшихъ забавъ, сказываетъ ему, что свѣтъ есть любезнѣе, что онъ каждой разъ вкушалъ истинныя увеселенія, когда ему предавался, что напротивъ того каждой разъ ощущалъ досаду, когда желалъ себя посвящать добродѣтелямъ и благочестію. Сіе живое впечатлѣніе наводитъ шакому человѣку опъращеніе и омерзѣніе къ добродѣтели, такъ сильно обращающа его душу къ шѣмъ предметамъ, кои похищаютъ ошъ него смерть, что онъ безъ особенной благодати чувствительнымъ бытъ не можетъ къ другимъ предметамъ.

Поступимъ далѣе. Примѣнимъ, что безпорядки страстей въ воображеніи шѣмъ больше превосходятъ причиняемыя оными въ чувствахъ, что дѣйствіе чувствъ есть ограничено; но дѣйствіе воображенія безпредѣльно. Человѣкъ вкушающій дѣйствительно удовольствіе отъ развращенности, чувствуешь оное, однако не увѣряется, что онъ болѣе онаго чувствуетъ, нежели въ самомъ дѣлѣ; но человѣкъ преданный представленіямъ воображенія, начертываетъ ихъ въ умѣ своемъ большими; воображеніе увеличиваетъ предметы; оно охотно составляетъ пусыя призраки, собираетъ одну мечту за другою; дополняетъ отъ себя, чего не достаетъ въ самыхъ веществахъ. Отъ чего происходитъ, что мы часто находимъ болѣе вкуса въ представленіяхъ воображенія, нежели въ дѣйствительномъ наслажденіи того самаго, что воображаемъ, поелику воображеніе, предложивъ безпредѣльныя обѣщанія, услаждаетъ душу сею надеждою болѣе, нежели наслажденіе тѣхъ предметовъ, кои не въ состояніи подать обѣщаннаго воображеніемъ.

Окаяненъ человѣкъ! Скюдость его ума не позволяешь ему инымъ предметомъ занимать кромѣ предмета своей спасенности, когда онъ предлежитъ его чувствамъ, ниже напомнишь объ оныхъ побужденіяхъ, о великихъ оныхъ побужденіяхъ, коибы его привели

ли къ его должности: а когда сей предметъ опдаленъ, то онъ будучи не въ состояніи дѣйствовать на его чувства, представляется еще воображенію его и представляется припомъ окруженнымъ спранными прелестями, которыхъ обманчивыя представленія награждаютъ опдаленіе онаго предмета, и возбуждаютъ въ человѣкѣ сильнѣйшую любовь, нежели каковую онъ обладая имъ въ самомъ дѣлѣ къ нему имѣлъ, чувствуя по крайней мѣрѣ слабость его и щещу. Пагубная брань наводимая душѣ спранными нашими! Запворимъ дверь храмины нашея предмету насъ плѣняющему, онъ увидетъ въ оную съ нами. Пройдемъ для избѣжанія опъ него доли и поля; поставимъ между онымъ и нами, разсѣкая волны океана, проспранныя и глубокія воды; онъ будетъ съ нами плыть; поелику мы куда ни пойдёмъ, будемъ носить себя самихъ, и онъ находящися впечатлѣнъ внупрѣ насъ чрезъ примащивые виды, начертанныя имъ въ нашемъ воображеніи.

Разсудимъ наконецъ, что суть спранны въ сердцѣ съ порядками, которыхъ онъ въ немъ производятъ.

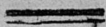
Что можетъ наполнить сердце человѣческое? Нѣкоторой Пророкъ опвѣстивалъ на сей вопросъ, заключивъ все нравоученіе въ одной

почкѣ; (*) *прилѣплятися* Бѣгопи благо
 есть. Но поколику Богъ не соединяется съ
 нами непосредственно, пока мы въ семъ мі-
 рѣ находимся, и сообщаетъ намъ свое бла-
 женство посредствомъ тварей: по онъ далъ
 симъ тварямъ два свойства, кои будучи раз-
 смашриваемы благоразумнымъ человѣкомъ при-
 водятъ его ко Творцу; но спрасшнаго уда-
 ляющъ отъ него. Съ одной стороны твари
 дѣлаютъ насъ счастливыми до извѣстной
 вѣкоторой степени; сіе есть первое свойство
 тварей: съ другой стороны оставляютъ мѣ-
 сто пустое въ душѣ нашей, котораго онъ не
 могутъ наполнить, сіе есть второе свойство
 тварей. Таково было въ семъ намѣреніе Божіе;
 и вошъ какъ намѣреніе сіе спраспи разру-
 шаютъ, вошъ какія заключенія выведетъ
 изъ сего человѣкъ благоразумный; и вошъ
 прошивныя онымъ заключенія человѣка спра-
 снаго.

I. Твари, сказываютъ благоразумный,
 оставляютъ пустое мѣсто въ разумъ моемъ,
 котораго онъ наполнить не могутъ. Но ка-
 кое дѣйствіе должно въ сердцѣ моемъ про-
 изводить сіе свойство, и какое было намѣ-
 реніе Божіе, полагая, естли можно такъ
 сказать, столь шѣсныя предѣлы сей силъ
 тварей учинить меня счастливымъ, которую
 онъ

онѣ имѣ сообщилъ? Дабы чрезъ то меня привлечь къ себѣ, дабы меня увѣришь, что онѣ одинѣ силенѣ сдѣлашь меня щасливымѣ; чшобы я самѣ себѣ могѣ сказаць: мои желанія сушь вѣчны; все чшо невѣчно, недоспойно моихѣ желаній. Спраспи мои безконечны; все чшо ограничено, еспѣ недоспойно моихѣ спраспей, одинѣ Богѣ можешѣ ихѣ удовлешворишь. Вопѣ намѣреніе Божіе. Вопѣ заключеніе благоразумнаго!

Но человекѣ спраспный выводешѣ изѣ сего пустаго мѣста, кошорое онѣ находешѣ въ шваряхѣ, со всѣмѣ прошивныя слѣдствія. Каждая шварь особо, сказываешѣ онѣ, не сильна сдѣлашь меня щасливымѣ. Но еспѣ ли бы мнѣ ихѣ всѣхѣ соединешѣ; еспѣли бы я могѣ извлечь шакѣ сказанъ все, чшо онѣ имѣюшѣ швердаго, шобы безѣ сомнѣнія не доспавало ничего къ моему благополучію. Въ семѣ слабомѣ разсужденіи онѣ забошися, дѣлаешѣ разсѣяннымѣ въ мысляхѣ, собираешѣ, копешѣ. Не довольно нужнаго, надобно имѣшѣ излишнее. Не довольно, чшобы мое имя въ моемѣ округѣ, и въ моемѣ родѣ, надлежитѣ чшобы оно въ городѣ, въ провинціи, государствѣ, и чешырехѣ частяхѣ свѣша извѣсно было. Надобно, чшобы всѣ концы земные, кои солнце освѣщаешѣ, знали, чшо я имѣю бышіе, и одаренѣ опличною природою. Не довольно обладашь нѣкоторыми

сердцами, надобно ихъ всѣхъ плѣнить, надобно мнѣ сыскать чудный способъ соединить каждого вкусъ, и чшобы разсужденія человѣческія, впрочемъ во всемъ различныя, соглашались въ одномъ членѣ, когда дѣло до меня дойдетъ. Не довольно имѣть подчиненныхъ, надлежитъ во все не имѣть господина, не имѣть себѣ равнаго, надобно быть повелителемъ вселенныя, цѣлой свѣшъ надобно мнѣ порабощить: и когда я исполню сіи огромныя намѣренія, то буду искать иныхъ шварей для покоренія, и другихъ міровъ для завоеванія. Такъ спраси опровергають намѣреніе Творца. Такимъ образомъ заключаетъ страстное сердце.

II. Твари способствуютъ къ содѣланію меня щасливымъ до нѣкоторой степени, сказуетъ благоразумный. Сія сила не происходитъ отъ нихъ самихъ. Существа грубыя, чувственныя, вещественныя не могутъ способствовать благополучію разумной швари. Если швари могутъ умножить мое благополучіе, то сіе пошому, чшо Богъ имъ удѣлилъ сію силу, которая въ немъ одномъ обитала. По сему Богъ есть источникъ щасія, а чшо впрочемъ я ни вижу, есть одно только изліяніе сущности его. Но когда пошски споль чисты, каковъ долженъ быть источникъ? Когда дѣйствія споль знашны, какова должна быть причина? Когда лучи споль

споль свѣшлы, по каковому надлежитъ бытъ самому свѣшлу? — Человѣкъ спрасный выведешъ слѣдствія вовсе симъ прошивныя. Твари дѣлаютъ меня щасливымъ до извѣстной нѣкошорой степени, сказываешъ онъ, посему онъ причиною моего щаспія, посему онъ достшойны моихъ обѣщаній; онъ мое божество. Такимъ образомъ спрасный человѣкъ отдаешъ своей пищѣ, своему золоту, серебру своему, своему имѣнію, своимъ лошадямъ значнѣйшее дѣйствіе богослуженія: ибо какое дѣйствіе богослуженія есть значнѣйшее? Созидашъ ли храмы? Сооружашъ олтари? Закалашъ жершвы? Приносишъ всесожженія? Возжигашъ кадило? Нѣтъ; оно состоитъ въ преклонности нашего сердца соединяющей насъ съ нѣкошорымъ существомъ, и возбуждающей въ насъ желаніе онымъ обладать. Оно есть та любовь, по изліяніе нашей души, кошорое заславляешъ насъ говорить: *приляплитися ему благо есть*; жершва, кошорую спрасный человѣкъ приноситъ предмету своихъ спрасней. *Сребролюбіе есть идолослуженіе*; и оно по причиняешъ похоти плотскія въ нашемъ сердцѣ: онъ насъ отдаляютъ отъ Бога, удаляя же насъ отъ него лишаютъ всѣхъ благъ происпекающихъ отъ нашего соединенія съ высочайшимъ благомъ, и производятъ такимъ образомъ *брань* во всѣхъ нашихъ удахъ во все время нашего здѣсь пребыванія. *Брань* въ нашемъ раз-

умѣ: ибо вмѣсто того, чшобы находясь въ соединеніи съ нимѣ мы почерпали въ обѣ-
яшіяхъ его средства, по дѣлашь, что раз-
умѣ оправдаешъ, и что приводится въ дѣй-
ство по одной благодати; мы бываемъ под-
вержены нашимъ прихошямъ, и принужде-
ны по причинѣ спрасшей дѣлашь по, что
разумѣ нашъ осуждаешъ.

Брань въ поступкахъ нашей жизни:
ибо вмѣсто того, чшобы бышь въ соединеніи
съ Богомѣ, носить (*) *благое оное иго, и*
легкое оное бремя, которое благочестіе
намъ налагаешъ; мы дѣлаемся рабами зави-
сти, мщенія, честолюбія. Опягощены бы-
ваемъ игомъ, котораго мы сбросишь не мо-
жемъ, когда и спонемъ подѣ его тяжестію.

Брань въ совѣсти: ибо вмѣсто того,
чшобѣ, будучи въ соединеніи съ Богомѣ
бышь намъ оправданными, *имѣти съ нимѣ*
мирѣ, чувствовашъ радость оную *неизглаго-*
ланную и прославленную, которая есть
нѣкошорымъ предвареніемъ рая, послѣдуя
нашимъ спрасшамъ, подвержены бываемъ
безвременному спраху, безконечнымъ возму-
щеніямъ, жестокимъ угрызеніямъ, кои сунъ
нечаснымъ залогомъ вѣчнаго бѣдствія.

Брань на одрѣ смершномъ: ибо нахо-
дась въ соединеніи съ Богомѣ, превраща-
емъ

емъ мы смертный одръ въ побѣдоносное поле; видимъ начальника жизни, копорый есть побѣдитель смерти и дѣлаетъ насъ участниками своей побѣды: но предавшись спраснямъ видимъ одну шолько ужасающую насъ будущность, одно шолько страшное опредѣленіе, копорого одно воспоминаніе безпокоитъ, въ ужасъ и опчаяніе приводитъ.

Мы видѣли свойство и безпорядки спрастей, разсмотримъ теперъ средства, кои должно имъ прошивополагать! Для предупрежденія и исправленія непорядковъ производимыхъ спрасьями въ разумъ, надлежитъ слѣдующія наблюдать правила:

I. Убѣгать шоропливости, и ошанавливать свое разсужденіе. Ясныя имѣть о всѣхъ вещахъ понятія, не зависить отъ насъ; но въ нашей власши находится, не давать нашего мнѣнія, покуда ясно не познаемъ свойствъ какого предмета, сіе есть одно изъ величайшихъ преимуществъ разумнаго существа.

Икопорый славный Писатель имѣетъ о семъ шоль высокое понятіе, что онъ утверждаетъ иперболическое оное предложеніе вмѣняющее въ грѣхъ каждую ошибку въ самыхъ маловажныхъ вещахъ; поелику, говоритъ онъ, мы въ семъ случаѣ употребляемъ разумъ на

зло, котораго правильное употребленіе состоитъ въ томъ, чтобы намъ брѣваться подлинно тогда только, когда онъ ясно понимаетъ. Но хотя сей учитель вышелъ за предѣлы въ семъ предолженіи; однако извѣстно, что разумный человѣкъ всѣми силами старается пріобрѣсти навѣкъ не прежде давая рѣшительное мнѣніе о предметѣ, не прежде считая его полезнымъ или выгоднымъ, какъ разсудивъ оный подъ всѣми его видами. Пускай, говоритъ одинъ великой философъ, пускай кто проведетъ одинъ только годъ въ свѣтѣ, слушая все, что говорятъ, не вѣря тому, входя ежеминутно въ себя самаго, и осматривая свое разсужденіе, покуда откроется истинна; я почту его ученіе Аристотеля, премудрѣ Сократа, просвѣщеніе Платона.

II. Надлежитъ восходить до самаго источника воспитанія нашего. Нѣтъ такого семейства, въ которомъ бы дѣтскихъ умовъ не соображали на одну какую нибудь сторону. Нѣтъ семейства, которое бы не имѣло своего предразсужденія, и если можно такъ сказать, своей глупости: откуда происходитъ, что люди обыкновенно презираютъ по званію, въ которомъ они не находятся. Послушайте купца, онъ вамъ скажетъ, что ничто столь недостойно раченія благоразумнаго человѣка, какъ упражняться въ торговлѣ, привлекашъ къ

къ себѣ богатство всѣхъ частей свѣта, знать чего сіе, и чего другое спобитъ, братьдесяшину, шакъ сказать, со всѣхъ хипростей художественныхъ, и со всѣхъ произрастѣній есте спвенныхъ. Послушайте ученаго, онъ вамъ скажетъ, что совершенство человѣческое состоитъ въ знаніи и понятіи, что между ученымъ и простымъ есть такое же различіе, какое между разумнымъ человекомъ и несмысленнымъ скотомъ. Послушайте военнаго, онъ вамъ скажетъ, что ученаго должно оставить въ школьныхъ вздорахъ, что купецъ самый презрѣннѣйшій членъ въ обществѣ, что нѣтъ ничего благороднѣе военнаго искусства. Можно бы думать, слушая его, что желѣзо, которое онъ при себѣ носитъ, есть пишло, поставляющее его выше всего, и что родъ человѣчскій имѣетъ нужду только въ людяхъ, знающихъ произить грудь шому, кто первой вспрѣпится, пробится сквозь эскадронъ, или взойти на непріятельскую стѣну. Послушайте спраждащаго болѣзнію благородства, онъ вамъ скажетъ, что прочіе люди суть только маленькіе черви предъ нимъ, что кровь человѣческая впрочемъ вездѣ испорченная сохранилась чиста только въ его жилахъ, что дворянство занимаетъ мѣсто всего разума, воспитанія, имѣнія, а иногда и самаго смысла и совѣсти. Послушайте человека низкаго сословія, онъ скажетъ, что благородные суть иѣкопорый родъ

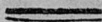
родъ тѣхъ слабыхъ умовъ, которые присвояющъ себѣ добродѣтели предковъ своихъ, и которые ищущъ счастья въ пустыхъ именахъ и бумажкахъ молью полусѣденныхъ, которое сыскивается единственно въ вещахъ постоянныхъ.

Я уже сказалъ, что всякое семейство имѣетъ свои предразсудки: каждое званіе имѣетъ свои глупости, происходящія изъ того начала, что мы разсуждаемъ о предметахъ съ одной только нѣкоторой спорности. Чтобы въ семъ исправиться, надобно обратиться къ источнику, разсуждаешь, что намъ вперилъ въ смыслъ во младенчествѣ; надобно восходить даже до нашего воспитанія.

Наконецъ надлежало бы сколько возможно спараться, о избраніи друга довольно просвѣщеннаго, чтобы познать истинну, довольно великодушнаго, чтобы оную сказать другому; такого человѣка, который бы намъ представилъ предметъ подъ всѣми его видами, когда мы пріобыкли на оный токмо обращать взоръ нашъ. Я сказываю: сколько возможно: ибо въ предписаніи сего правила доразумѣваются двѣ вещи, иногда равно не возможные; первая, сыщется ли такой человѣкъ; вторая, будутъ ли его съ пріятностію слушать. Но когда удалось кому снискашь

сіе

сіе сокровище, шопѣ пріобрѣлъ удивительное
 средство къ воспрепятствованію безпорядкамъ,
 спрасъми въ разумѣ производимымъ. Изслѣ-
 дуемъ сіе. Представимъ себѣ вѣрнаго друга,
 которой бы къ кому нибудь изъ насъ такъ го-
 ворилъ: небо соединило въ пользу твою благополу-
 чивѣйшія обстоятельство, кровь знаменитѣйшихъ
 героевъ тебя оживляетъ, и одно швое имя есть
 нѣкопороая похвала; кромѣ шого ты имѣешь изо-
 бильное богатство и Богъ даетъ тебѣ избы-
 точно, чѣмъ содержатъ свое достоинство, и
 чѣмъ соотвѣтствовать блистанію своего состо-
 янія. Ты также имѣешь хорошей и проница-
 тельной разумъ, пищаемый природными даро-
 ваніями, изощренный добрымъ воспитаніемъ.
 Здравіе швое кажется находится въ безопа-
 сности отъ слабостей жизни, и естли кто имѣ-
 ешь право надѣяшься долгихъ лѣтъ, то ты
 имѣешь причину по себѣ обѣщать. Съ такими
 преимуществами можешь ты ко всему успре-
 мляться; но одна вещь тебя удерживаетъ. Ты
 ослѣпленъ собственнымъ своимъ сіяніемъ, и
 швои слабыя глаза не могутъ стерпѣть шого,
 что блистательно въ швоемъ состояніи. Во-
 ображеніе швое, пораженное мнѣніемъ о Принцѣ,
 которому ты поработенъ, причиняетъ, что ты
 себя самага почишаешь за нѣкопороаго власпели-
 на. Ты спесивъ, величавъ, гордъ. Твой шулъ
 подобенъ престолу, и каждое швое слово заклю-
 чаетъ мнѣнія, копорыми недовольну бышь зна-
 чить преступленіе. Какъ ты не терпишь, что-
 бы

бы тебѣ прошиверѣчили, по съ побою по наружности согласны; но жертва сія щеславію швоему приносится, а не заслугамъ швоимъ, устунаешся одному швоему своенравію, а не швоей справедливости. Опасаясь, чшобы ты не употребилъ своей довѣренности во вредъ прочимъ, всякъ ищетъ тому препятствовашь, и вмѣстѣ всякъ старается не находясь при тебѣ опровергнуть сооруженный тебѣ въ присутствіи швоемъ олшарь, на которомъ по видимому приношенію искренно ими вожжигаемы были. И сіе опносится къ непорядкамъ, кои спраши причиняюшъ въ разумѣ. Непорядки же производимые въ чувстввахъ пребуюшъ слѣдующихъ правилъ.

Мы не можемъ здѣсь прежде, нежели далѣе распросшранимся, не оплакивашь бѣдности шого, котораго непорядки чувствъ и запальчивость нрава влекушъ къ пагубнымъ спрашямъ. Таковый человекъ часшо достоинъ болѣе сожалѣнія, нежели негодованія. Худой нравъ бываетъ иногда совмѣстенъ съ добрымъ сердцемъ. Не можно помыслишь безъ ужаса о неблагодарномъ, объ обманщикѣ, о измѣнникѣ, убійцѣ. Пороки ихъ приводяшъ на мысль свободу разума и согласованіе воли. Но человекъ привлекаемый горячешію крови, разлишіемъ мокрошъ, волнованіемъ и кипѣніемъ духовъ, часто грѣшишъ привужденно, и ешшли можно такъ сказашь,
бьешъ

бьетъ челомъ на свой порокъ и въ самое то время, когда его въ дѣйство производитъ.

По сему - то мы видимъ, что сердитые часто бываютъ исполнены любовію и чело-вѣколюбіемъ, всегда готовы прощать и требо-вать прощенія, какъ между тѣмъ люди хладнокровные, тихіе, спокойные пишають вѣчную злобу въ сердцѣ своемъ, и оставля-ють оную въ наслѣдство своему поколѣнію.

Но хотя неспройство чувствъ уменьшаетъ жестокость порока, однако оно тѣхъ не из-виняетъ, кои не употребляютъ неусыпнаго усилія къ исправленію онаго, познавъ, что мой нравъ склоняетъ меня къ нарушенію бо-жескихъ законовъ, и живъ спокойно, когда онъ воспалился, есть знакъ развратнаго сѣрдца. Сіе значитъ, что зло, которое прикасалось только опдаленнѣйшей части чело-вѣка, вступило во внутренности, и за-разило чистѣйшія части. Сіе - то мы про-шивополагаемъ слабому извиненію нѣконю-рыхъ людей, которые предавъ по подобію несмысленныхъ скоповъ поноснѣйшимъ спра-спямъ, ссылаются на свой несчастный нравъ; сказываютъ, что воля ихъ не имѣетъ участія въ ихъ неумѣренностяхъ; что они не могутъ переменить природы своего служе-нія; утверждаютъ, что и самъ Богъ не мо-жетъ по справедливости требовать отчета въ

тѣхъ , въ копорые они впади по законамъ соединенія души съ тѣломъ ; свидѣшельствуешъ въ рѣчахъ своихъ о своемъ неудовольствіи , что они не имѣютъ при своемъ непорядочномъ сложеніи нѣкопорого рода свободы сложить съ себя безгрѣшно иго , налагаемое закономъ , по ихъ мнѣнію тѣмъ только , копорымъ онъ далъ силу носить оное . Какое бы было нравоученіе религіи , естлибы сіи положенія имѣли мѣсто ? Какое бы было повелѣніе о умерщвленіи и покаяніи ? Но произносящіе такія слова имѣютъ большее намѣреніе покрыть , нежели учиться исправитъ свои погрѣшности . Разсужденіе сіе опредѣленно единственно для тѣхъ , кои ищутъ средствъ прошиву спрасей .

Не можно безъ сомнѣнія дать лучшаго правила человѣку по сложенію къ погрѣшностямъ влекомому , какъ то , чпобы онъ берегся случаевъ и убѣгалъ предметовъ , копорые его движутъ и колеблютъ . Не отъ насъ зависитъ имѣть спокойной духъ при встрѣчѣ предмета вреднаго нашей невинности ; но отъ насъ зависитъ удаляться отъ него . Не зависитъ отъ насъ не возжигаться сердцемъ увидѣвъ игру ; но отъ насъ зависитъ убѣгашъ тѣхъ позорныхъ мѣствъ , гдѣ игра почиается досноинствомъ . Не будемъ полагагашъ много на свои силы , положимъ недоувѣрчивость къ себѣ самимъ на-
ча-

чаломъ нашихъ добродѣтелей. Должно беречься, чтобы пламенья ревностію къ добродѣтели, не почиташь всего возможнымъ благонамѣреннымъ нашимъ спремленіямъ: въ прошивномъ случаѣ высокоуміе наше будешь причиною нашего паденія.

Но добродѣтель, которая должна своею твердостію отсутствію случая къ пороку, была бы весьма слаба; и ешльи бы не можно было прошивишья спрасшямъ, какъ шолько въ отсутствіи предметовъ, оныя возбуждающихъ: шо не далеко бы можно проспирашься въ подвигъ добродѣтелей. Ешльи сіе правило: *берегись предметовъ и убѣгай случаевъ, которые могутъ поколебать твою добродѣтель, понимать отъ слова до слова*: шо признашья должно, что для исполненія онаго должно бы было совсѣмъ удалишья міра. Но не имѣемъ ли мы какихъ средствъ надежнѣйшихъ и пристойнѣйшихъ шой необходимоспи, по которой мы должны жить между людьми? Не можемъ ли мы съ помощію Вожіей благодаши исправитъ непорядки въ своемъ сложеніи, и привешь себя въ такую независимостъ отъ его владычества, чтобы мы могли, ешльи не искашья предмета спрасшей нашихъ, дабы имѣшья славу его побѣдитъ, пренебрегая его; шо по крайней мѣрѣ прошивишья ему и не бышья побѣжденными, когда онъ намъ предспавишья прошивъ нашей

воли? Дабы успѣшь въ семъ прудномъ намѣреніи, при средствѣхъ сушь весьма дѣйствительны: 1.) Оспанавливашь дѣйствія; 2.) Убѣгаешь праздности; 3.) Умерщвляешь чувства.

I. Оспанавливашь дѣйствія. Представимъ справедливое понятіе о сложеніи. Оно состоитъ въ одной изъ двухъ сихъ вещей, или изъ обѣихъ вмѣстѣ; въ расположеніи органовъ, и въ свойствѣ. Человѣкъ бываетъ наримѣръ сердитъ. I. Когда въ немъ органы, служащія къ сей спраси, чувствительнѣе прочихъ. II. Когда его духи легче воспаляются, изъ чего необходимо слѣдуетъ, что для исправленія гнѣвнаго сложенія двѣ вещи потребны: переменить расположеніе сихъ органовъ; переменить свойство духовъ, дабы, когда съ одной стороны духи не будутъ на ходитъ сихъ органовъ расположенными для ихъ проходу, съ другой стороны поперяютъ сію способность къ воспаленію, не имѣшь внутрь себя шѣхъ переменъ въ чувствахъ, копорымъ противиться не можно, когда они возбуждаются. Расположеніе органовъ переменяется оспановленіемъ дѣйствій. Чѣмъ больше духи вслунающъ въ органы, чѣмъ приснупъ къ нимъ удобнѣе и склонность сильнае; шѣмъ больше произойдетъ дѣйствій гнѣва, шѣмъ неудобнѣе гнѣвъ исправитъ: ибо чѣмъ чаще будутъ дѣйствія гнѣва, шѣмъ чувствительнѣе

нѣе бываютьъ его органы, такъ что духи устремлясь въ оныя по собственному своему движенію. Почему надобно удерживать сіи духи. Надлежитъ побѣждать склонность, влекущую ихъ по шѣмъ слѣдамъ, копорыя они себѣ сдѣлали чрезъ упражненіе въ пороки. Надлежитъ приводить себѣ на память оную истинну, копорую намъ желали сполько разъ впечатлѣть, но есть что навѣкъ къ пороку шѣмъ неудобію исправитъ, чѣмъ болѣе учинено дѣйствій порока: но поелику духи пріемлютъ различные пути, когда мы усиливаемся опшрашивать шеченіе оныхъ; то надлежитъ останавливать дѣйствія.

Можно такъ же перемѣнить и свойства сихъ духомъ. Въ семъ можно успѣшь ошановленіемъ того, что ихъ можеть пищать въ номъ непорядочномъ состояніи, копорому мы желаемъ помочь. Что вспомошествоеть свойству духовъ? пища, копорую мы употребляемъ; упражненія, какія мы принимаемъ; воздухъ, копорымъ мы дышемъ, и каждой родъ жизни, копорый мы принимаемъ. Весьма шрудно въ шакомъ краткомъ размышленіи, каково сіе, предшавитъ подробно средства, копорыхъ бы испорченное свойство духовъ и микрощъ шѣлесныхъ могли шребовать. Пришомъ было бы сіе и опасно по причинѣ великаго множества. Въ разсужденіи способа, по копорому большая часть

людей расположены, примѣчанія весьма точныя послужили бы больше поводомъ къ ихъ порокамъ, нежелибы ихъ исправили, но нѣтъ никого, кто бы, желая рачительно размышлять, не могъ въ семъ случаѣ служить самъ для себя лучшимъ наставникомъ. Пусть увидишь человѣкъ въ себя самаго; изслѣдуешь, если можно такъ сказать, послѣдованіе своихъ немѣренностей; пусть испытаетъ ихъ обстоятельсва, пусть примѣчаетъ, что происходило въ разсужденіи его въ шомъ и другомъ случаѣ, пусть помыслишь съ нарочитою внимательностію о шомъ, что его движетъ и порываетъ; онъ получитъ въ шомъ больше наставленія, нежели въ словахъ и въ цѣлыхъ книгахъ Казуистовъ. (*)

Второе средство состоитъ въ шомъ, чтобы убѣгать праздности. Что значитъ праздность? Она есть то состояніе души, въ которомъ мы не дѣлаемъ никакого усилія, дабы остановить печеніе духовъ на одной больше сторонѣ, нежели на другой. Но что тогда должно случиться? Мы сказали, что человѣкъ, въ которомъ сложеніе непорядочно, имѣетъ нѣкоторые органы чувствительнѣе прочихъ. Когда мы праздны, когда не дѣлаемъ никакого усилія останавливать печеніе духовъ, то естествен-

(*) Казуисты такіе богословы, которые умѣютъ рѣшить труднѣйшія падежи совѣсти.

ственнымъ образомъ они должны по собствен-
 ному ихъ движенію избрать пошъ пупъ, гдѣ
 они меньше находятъ препятствій, и слѣдо-
 вать по шому, къ которому спросъ сдѣла-
 ла имъ присупъ легкимъ. Для избѣжанія
 сего безпорядка, надлежитъ бытъ заняту
 какимъ нибудь дѣломъ и бытъ припомъ за-
 няту всегда. Сіе правило ни строгаго ни не-
 удобно, мы не разумѣемъ, чшобы имѣть всегда
 душу вперенную въ глубокія размышленія.
 Невинныя увеселенія, обращеніе непринужден-
 ное, и забавное упражненіе могутъ имѣть мѣ-
 сто въ дѣлахъ сего рода. Почему не можно
 не похвалить шѣхъ, которыя почишаютъ пра-
 вилемъ воспитанія, чшобы или обучать дѣ-
 шей какому искусству, или шѣлеснымъ упра-
 жненіямъ. Мы не предлагаемъ сего правила
 въ такомъ смыслѣ, какъ оно принимается
 въ нѣкоторыхъ фамиліяхъ поставляющихъ
 все достоинство юноши въ ловлѣ, въ ѣздѣ на
 лошадяхъ и другихъ подобныхъ упражненіяхъ:
 а дѣвицы, ештли она себя ошличаетъ въ
 танцованьи, въ музыкѣ или въ какомъ руко-
 дѣліи. Мы разсуждаемъ, что симъ упраж-
 неніямъ должны бытъ предпочтены упражне-
 нія важнѣйшія и достойнѣшія благороднѣйшей
 части челошѣка, что они должны служить
 ошдохновеніемъ; такъ чшобъ мы принимая
 участіе въ невинныхъ забавахъ свѣта, сдѣ-
 лались способнѣйшими къ избѣжанію безче-
 стнѣйшихъ.

Третье средство состоитъ въ умерщвлении чувствъ. Малая часть людей имѣетъ объ ономъ здравыя понятія. Нѣкоторые Казуисты такъ оныя увеличили, что утверждаютъ оное положеніе, по которому возвращенный не можетъ вкушать удовольствія ни въ чемъ, кромѣ порока; ибо по колику порокъ составляетъ его сладости, то болѣзнь должна быть непрестанно его удѣломъ: положеніе, которое тогда только имѣло бы мѣсто, еслибы разсмащивать человека въ благодушнаго соспоянія; да и о шѣхъ можно сказать, что они не имѣютъ здравыхъ понятій о умерщвлении чувствъ, которые оное полагаютъ въ пустыхъ дѣйствіяхъ и бесполезныхъ по себѣ самихъ, неимѣющихъ никакого отношенія къ великому предмету добродѣтели и благочестія.

Но ежели нѣкоторые испортили и увеличили понятія о умерщвлении чувствъ, то многіе другіе оныя умалили подѣ шѣмъ видомъ, что благочестіе есть духовное, они пренебрегли шщаніе и наблюденіе сей священной должности. Но надобно слѣдуя прославленныхъ мужей примѣрамъ умерщвлять шѣло, надобно оное поработать, надобно дѣлать насиліе чувствамъ, надобно ихъ обуздывать, запрещать часно имѣ самыя невинности, чтобы обладать оными, когда пожелають непопозволеннаго, надобно постыдиться; надобно
убѣ-

убѣгащѣ забавѣ, когда они на роскошь походятъ. Все сіе шрудно, я въ томѣ признаюся. Но есѣли предпріятіе спобитѣ шруда, по слѣдствіе его славно. Тридцать, сорокъ лѣтъ упошребленныя для поправленія нешорядочнаго сложенія, не должны насѣ приводить въ раскаяніе. Сколь славно поработишь чувства, сколь славно возврашишь своей душѣ первошыннее преимущество, распяшь сіе порочнымѣ склонношьямѣ подверженное шѣло, шоржестшвовашѣ надѣ нимѣ, *упразднить его*, шакимѣ образомѣ уподобляшѣся чистымѣ онымѣ духамѣ, кошорымѣ движенія вещьсшва вреда нанесшѣ не могутѣ.

Нешорядки причиняемые спрашьями въ воображеніи, шротиву кошорыхѣ мы должны шакже находить средствя, подобны спекшимся болѣзнямѣ вмѣстѣ, кои имѣя шротивныя причины, шребушѣ и лекаршвѣ шротивныхѣ; шакѣ что спараніе пріемленое для излеченія одной части зла, заражаетѣ иногда ядомѣ другую. Сѣ самага начала кажется, кшо наилучшее и возможное средство для нешорядковѣ, кошорые какой либо предметѣ произвелѣ въ нашемѣ воображеніи, ешѣ довольное разсужденіе о свойшствѣ предмета спрашья нашей, и досташочное познаніе свѣта. Но сѣ другой шпороны можно шакже сказать, что не имѣшь и поняшій о семѣ свѣтѣ, ешѣ надежнѣшій шущѣ, дабы въ томѣ успѣшь. Есѣли вы

познали забавы свѣща, ешлы опышомъ извѣдали, какое услажденіе причиняюшъ спрашпи, шо вы впадете въ несчастіе, копорато бы мы желали вамъ избѣгнушь. Вы получите пагубныя оныя впечатлѣнія. Вы будете имѣть сіи скучныя напоминанія, сію обольщающую память, сіи приманчивыя покушенія, кои подаюшъ новыя случаи къ пороку. Но ешлы вы не познали забавъ свѣща; шо можешъ бышь сосшавите объ нихъ понятія чрезмѣрно лестныя; призраки будущъ вамъ предшавляшъ лучше самыхъ вещей, и полагая неумѣренную цѣну побѣдѣ, копорой вы можешъ бышь еще не одержите, положите намѣреніе принесть имъ сію жершву.

Такимъ образомъ видимъ мы, что тѣ люди, копорыхъ суевѣріе или сребролюбіе фамліи ихъ заключило во уединеніе прежде времени ускоренное, хопя бы оно и оправдашь можно, сіи, говорю, люди незнающіе свѣща, желаютъ забавъ его съ бѣльшею горячестію, нежели когдабъ они дознали ихъ самимъ дѣломъ. Такимъ образомъ неимѣвшіе обхожденія съ знатными людьми, воображаюшъ обыкновенно, что обращеніе ихъ наполнено прелестями, что въ обхожденіи ихъ все играетъ и что собраніе сосшавленное изъ богатыхъ и во всемъ изобилующихъ особъ, ешь гораздо живѣе и веселѣе, нежели собранія людей посредственнаго достатка, и чина

не

не столь высокаго. Такимъ образомъ углубившіеся въ свѣтскія забавы, когда имѣюшъ рѣдкое щастіе оныя оплощить, поступаютъ въ семъ съ большою искренностію, нежели неизвѣдавшіе опытомъ ихъ щещы. Такая смѣсь находится въ средствахъ, какіе можно прошивоположить не порядкамъ воображенія. Но какъ разумный врачъ въ болѣзняхъ, съ которыми мы ихъ сравнили, долженъ приступать къ жесточайшей; и въ распоряженіи своихъ лекарствъ избирать тѣ, коихъ слѣдствія менѣе вредительны: то и мы въ семъ случаѣ подобной способъ наблюдать должны. Безъ сомнѣнія опаснѣйшее средство къ пренебреженію свѣтскихъ забавъ есть желаніе дознашь оныя самимъ опытомъ; чшобы усмотрѣвъ собственными глазами суешу какого предмета, тѣмъ лучше опшшать ошъ него. Въ такой близости разсматривая зло, легко можно подвергнуться оному, и свѣтъ такое часно беретъ надъ нами преимущество, чшо мы не можемъ и въ то время оставишь его, когда понимаемъ мерзость онаго. Почему приложимъ усиліе сохранишь воображеніе наше неповрежденнымъ, воздержаніе ошъ забавъ да упредишь воспоминаніе оныхъ; собраніе мыслей и упражненіе оныхъ непрерывное, есшли можно, ошъ часа уступленія нашего въ свѣтъ, даже до шго, въ которой должно изъ него выходишь, да упредимъ впечатлѣнія ихъ, и да нечувствуя никогда сладостей

возбуждаемыхъ спрасъями не познаемъ мы таковыми оныхъ въ самомъ дѣлѣ.

Но сей способъ столь надежный и дѣйствительный, бесполезенъ и неудобенъ для получившихъ уже въ воображеніи тѣ пагубныя впечатлѣнія, отъ коихъ мы стараемся отъвертываться прочихъ. Таковые должны слѣдовать вторымъ показаннымъ путемъ. Обращая свой уронъ въ пользу, и пользоваться своимъ урономъ. Пусть представляя напоминаніе порока, приводящъ на мысль щещу онаго и горестъ. Пусть придворный, котораго воображеніе еще поражено суешнымъ зрѣлищемъ какого либо пышнаго двора изчислишь хищности, кои тамъ видны, коварства, какія тамъ происходятъ, несправедливости тамъ прешерптываемыя, умыслы тамъ производимые, беззаконные заговоры, въ ономъ чинимые.

Паче всего совѣщовалъ бы я, чшобы таковой человекъ занималъ свое воображеніе какимъ либо инымъ понятіемъ, и призывалъ бы оное на помощь, когда мысли о его спрасъяхъ начнутъ порывать его къ пороку; пусть беретъ изъ истинъ нравственныхъ или благочестія, какая покажется ему способнѣею пріять власть надъ его душою; пусть сыщеть способъ въ случаи имѣть оную предъ глазами, и противоположатъ

ша-

такимъ образомъ впечатлѣніе впечатлѣнію,
 и виды видамъ: пусть обращаетъ напр.
 взоръ свой на смерть, на судь, и адъ;
 пусть говоритъ часто самъ къ себѣ; я дол-
 женъ умереть, скоро мнѣ должно будетъ
 предстать предъ спрогимъ судилищемъ,
 и явишься предъ лицомъ спрашнаго судіи;
 пусть низходишь часто мыслію въ сіи безд-
 ны, гдѣ несчастные награждаютъ вѣчными
 мученіями маловременныя забавы, пусть не-
 пресшанно гремишь въ ушахъ его звонъ ужа-
 снаго вопля жершвъ оныхъ, кои мщеніе боже-
 ское закаляетъ себѣ во адъ; пусть раз-
 мѣряетъ часто въ своемъ разумѣ (*) *пле-*
ницы муки обременяющія осужденныхъ;
 пусть приближается часто къ одному огню,
 кошорой ихъ поядаетъ; пусть обоняетъ
 шакъ сказашъ, дымъ исходящій изъ глуби-
 ны бездны; проходишь часто размышленіемъ
 сіи вѣчные круги, обращается въ семъ ужа-
 сномъ учрежденіи, кошораго (**) *Ангель*
клялся Богомъ живущимъ по пѣки пѣ-
копъ; яко лѣша уже не будетъ: проспран-
 ныя размышленія, кошорые послѣдуютъ изъ
 сихъ неисчерпаемыхъ источниковъ да будутъ
 вмѣсто запасныхъ войскъ всегда готовыми
 ему помочь, когда нападешъ иепрiашель, и
 надобно будетъ съ нимъ вступишь въ сра-
 женіе.

На-

(*) 2. Петр. II. 4. (**) Апокалип. X. 6.

Наконецъ для излеченія непорядковъ ; кои спраси причиняютъ въ сердцѣ , надлежитъ I. всѣ пвари почестъ въ числѣ суетъ. И по для того , чтобы врачевать желанія наши , подсмотрѣть и соединишь оныя всѣ вмѣстѣ и дабы замѣнишь щещу , какую оставляешь въ насъ каждая изъ нихъ въ особливости. II. восходишь отъ пварей ко Творцу , а сіе для того , дабы помѣчь пому не порядку , по которому приписываемъ мы щасіе , происходящее отъ единого Бога ; предметамъ сего міра.

I. Употребимъ средство противу рвеній и непостоянства сердца нашего , прошивъ сея жадности къ новымъ предметамъ , употребимъ къ пому средство , считая всѣ пвари въ числѣ суетъ. Надобно признахся , что непостоянство и любовь къ новости въ нѣ-которомъ разумѣ суть весьма основательны. Естественнымъ образомъ существо спрадущее всегда перемѣняетъ состояніе свое поелику то , въ которомъ оно находилось , было для него непріятно , по крайней мѣрѣ для того , чтобы испытать будешъ ли оно щасливѣе въ иномъ ? Естественнымъ образомъ самой пошъ человекъ всегда ищетъ новыхъ предметовъ , который въ прежнихъ находилъ одно несовершенное щасіе. Великія дѣши , высоеіе умы , неудовлетвореніе сердца , по-большей части имѣютъ въ себѣ непостоян-

ство и любовь къ переменамъ; ибо самая сія великосць разума, самая сія обширносць понятій, самая сія сила желаній, сіе самое заставляешъ ихъ живо чувствовашъ недостатокъ всѣхъ состояній, въ коихъ они находились; но сожалительно, что человекъ зная переменяешъ свое мѣсто только для того, чтобы всунуть въ иное почти сходное съ нѣмъ, котораго онъ снесъ не могъ, что въ шваряхъ нѣтъ ничего постояннаго, что всѣ состоянія, сверхъ признаковъ щещы, общихъ имъ со всѣми дѣлами человеческими, имѣютъ еще особенныя, и имъ однимъ свойственныя. Если вы вышли изъ низкаго состоянія, то лишитесь попеченій низкаго состоянія, но получите попеченіе знаменитаго состоянія; всякъ о васъ начнетъ говорить, вы будете подвержены зависти, и должно будетъ дать каждому отвѣтъ въ вашихъ поступкахъ. Если вы оставили уединеніе, то вы не будете имѣть попеченій уединенія, однако получите попеченія, съ обществомъ соединенныя; вы будете жить принужденно; потеряете свою свободу, дражайшую оную свободу, величайшее для человека сокровище; вы будете обязаны сносить погрѣшности шѣхъ, съ которыми небо васъ совокупитъ. Если небо даруетъ вамъ дѣтей, то вы будете свободны отъ попеченій безчадныхъ, однако получите попеченія неминуемо отъ сего происходящія, ваше неблагополучіе раздѣлится на столько частей,

сколько

сколько вы будете имѣть любезныхъ вамъ дѣшей; вы будете крушиться о ихъ состояніи, здоровьи и жизни. Увѣримъ себя вторично, что нѣтъ ничего постояннаго въ жизни, что всякое состояніе имѣетъ свои трудности, общія ему со всѣми человѣческими вещами, и ему одному свойственныя. Если въ нѣкоторомъ смыслѣ меньше всего заслуживаетъ удивленія непостоянство человѣческое, и любовь къ переменамъ; то съ другой стороны нѣтъ ничего удивительнаго, по крайней мѣрѣ ничего нѣтъ безразсуднаго и несмысленнаго. Человѣкъ, который думаетъ помочь щещѣ благъ земныхъ, переходя отъ предмета къ предмету, подобенъ тому, кто желая узнать, естьли между кучами камней такой, который бы могъ его поддержать, захопѣлъ бы ихъ глашеть одинъ за другимъ. Сократимъ нашъ трудъ. Почтемъ всѣ швари въ одномъ съ прочими числѣ, скажемъ, что все въ свѣтѣ семъ суеша. Если мы хотимъ успрямляться къ новымъ предметамъ, то развѣ только къ тѣмъ, кои насъ удовольствовать могутъ. Да не ищемъ оныхъ на земли. Мы не увидимъ ихъ на сей вѣшней землѣ; на сихъ древнихъ небесахъ, проклятыхъ Богомъ. Оныя суть на тѣхъ (*) *нопыхъ небесахъ и на той нопой земли*, которыя вѣра намъ обѣщаетъ. Словомъ: щитать всѣ

шва-

(*) Исаі. LXV. 17.

твари въ числѣ суешъ, есть превосходное правило для излеченія непорядковъ, производимыхъ спрасъми въ сердцѣ.

II. Надлежитъ восходить часто отъ тварей ко Творцу, и такимъ образомъ сердце наше прешаетъ оныя почитать за истинное наше благо. Мы здѣсь разумѣемъ благочестіе, которое бываетъ во всякое время, во всякомъ мѣстѣ и во всякихъ обстоятельствахъ. Ибо главнѣйшій источникъ развращенности и въ самыхъ добродѣтельнѣйшихъ душахъ происходитъ отъ ослабѣнія духа благочестія въ какое либо время, въ какомъ либо мѣстѣ, или обстоятельствахъ. Средство же сохранить благочестіе и хвалить на всякомъ мѣстѣ Бога есть, какъ говоритъ Св. Павелъ, то, что бы все творить во славу Божию. Вкушаемъ ли вы чувственныя увеселенія? говоримъ ли мы къ себѣ самимъ, сіе увеселеніе происходитъ отъ Бога; сія пища, которую я вкушаю не имѣла природной силы привести въ движеніе жилы мои: Богъ ей оную сообщилъ; сіе движеніе моихъ чувствъ не могло бы естественнымъ образомъ производить пріятнаго ощущенія въ моей душѣ; но Богъ учредилъ сіе согласіе движенія и ощущенія: сія часпица, которая цвѣтокъ сей испускаетъ, не возбуждалибы естественнымъ образомъ движеній въ жилахъ обонянія моего: но Богъ учредилъ сей законъ. Сіе движеніе моего обо-

нянія не возбуждало бы естественнымъ образомъ въ душѣ моей пріятности запаховъ; но Богъ устави́лъ сей законъ, и шакъ далѣе. Богъ есть высочайшее благо. Богъ есть средоточіе, отъ котораго происходятъ всѣ пріятности шварей. Онъ есть блиспаніе солнца, сладость пицей, пріятность благовоной, согласіе голосовъ; онъ все то, что можешъ намъ принести истинное счастье, ибо онъ имѣетъ въ высочайшей степени всякое благополучіе, и всякой родъ счастья произтекаетъ отъ него, какъ отъ своего источника. Для того самаго, что мы любимъ забавы, должны мы любить Бога, отъ котораго утѣшеніе произтекаетъ; для того самаго, что мы любимъ увеселеніе, должны мы отъ нихъ воздерживаться, когда Богъ намъ оное запрещаетъ, ибо онъ довольно можешъ наградишь жершвы принесенныя нами его повелѣніямъ. Восходишь отъ шварей ко Творцу, есть послѣднее средство, которое мы да противопологаемъ непорядкамъ спрасшей. Вошъ важныя должности. Онѣ основаны на великихъ побужденіяхъ. Одно только то, что мы пришельцы и странники на земли, можешъ замѣнишь все. Я сказалъ: мы странники и пришельцы, и сіе есть самая истинна. Мы шаковы по необходимости и по естеству, какъ человекѣ, и какъ смершныя. Еслилибы шеченіе жизни сей было вѣчно, ещебы оставалось разсуждать, полезнѣе ли

для

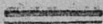
для челоуѣка удовлешворяеть спрасни свои, или побѣждаеть оныя; тогда оставалось бы еще разсуждаеть, не предпочпшительнѣе ли порабощенному смущеніямъ рвенію, волнованію и спраснямъ спокойствіе, равнодушіе и пишина неподверженнаго онымъ челоуѣка. Но оставляя сей вопросъ, мы охотно признаемъ себя привязанными ко свѣшу такъ; что естлибы жизнь сія была вѣчна, то благоразуміе и самолюбіе, въ хорошемъ смыслѣ взятыя, требовали бы послабленія спраснямъ своимъ. Въ семъ случаѣ было бы неизмѣримое нѣкошорое разспояніе между богатымъ и убогимъ, и надлежало бы еще искаеть богашства; было бы неизмѣримое нѣкое различіе между знатнымъ и поселяниномъ, и надлежало бы искаеть знатности; было бы чрезвычайное различіе между угождающими чувспвамъ своимъ и умерщвляющими оныя, и надлежало бы искаеть чувспвенныхъ услажденій.

Но смерть, смерть все сіе уравниеть; она дѣлаеть столь малое различіе между однимъ и другимъ, что и узнаеть его не можно. Такимъ образомъ самое лучшее побужденіе воздерживаеться отъ спрасней есть смерть. Самый лучший въ правоученіи наспавникъ есть гробъ. Пойдемъ на гробъ сребролюбиваго, пойдемъ и научимся познаеть сребролюбіе, посмошримъ на сего челоуѣка, который собиралъ многія кучи богашства; видимъ его заключеннаго въ

немногихъ доскахъ и малой горсти земли. Пойдемъ на гробъ честолюбца, научимся познашь честолюбіе; посмотримъ на сіи великія намѣренія, сіи огромныя предпріяшя, сіи безпредѣльныя чаянія уничтоженными, и какъ бы сокрушенными о сей камень претыканія и сокрушенія жизни человѣческой. Пойдемъ на гробъ гордаго, научимся познашь гордосшь; посмотримъ на сіи уста произносившія прегордыя рѣчи, осужденныя на вѣчное молчаніе; на сіи огненныя очи, копорыхъ взгляды были спрахомъ вселенныя, покрышыя шеперь мрачною шьюю; и на сію ужасную десницу, копорая рѣшала судьбу народовъ безъ движенія и жизни. Пойдемъ на гробъ благороднаго, научимся познашь благородство, посмотримъ на сіи великолѣпныя шипла, на сихъ знаменитыхъ предковъ, на сіи гордыя надписи, на сіи родословія, выведенныя изъ древнихъ лѣтъ; посмотримъ какъ онѣ смѣшаны въ одномъ гробѣ. Пойдемъ на гробъ сластолюбца, пойдёмъ научимся познашь сластолюбіе; посмотримъ на сіи разваленныя чувства, на сіи разрушенныя органы, на сіи кости *разсыпанныя при адѣ*, и на сей храмъ роскоши опроверженный до основанія.

Въ заключеніе всего сего не бесполезно кажешся упомянуть о томъ, что сіе или подобное размышленіе о страстяхъ, весьма

опмѣнно отъ разсужденія о какомъ либо умозрительномъ положеніи. Въ послѣднемъ случаѣ довольно того, чшобы оное выразишь и приводишь себя на мысль слѣдствія, какія изъ оныхъ вывести можно: но что касается до страстей, сіе имѣетъ употребленіе всеобщее, и исправленіе непрерывное. Поколику мы источникъ сихъ страстей всегда носимъ внутрь себя: то надобно имѣшь и въ умѣ всегда то, чшобы могло помогать къ побѣжденію оныхъ; поелику мы предметами спрасней нашихъ всегда окружены: то всегда пошребно, чѣмъ бы прошивъ ихъ вооружаться. Надобно о семъ напоминать при встрѣчѣ какого либо счастья, дабы отъ него можно было удалиться при встрѣчѣ пышностей человѣческихъ, дабы презрѣшь при встрѣчѣ поражающихъ предметовъ, дабы свободиться отъ нихъ при встрѣчѣ нашего непріяшеля, дабы ему проспишь при встрѣчѣ самаго нашего друга, нашихъ дѣшей и нашихъ родспвенниковъ, дабы, естли то нужно, удалиться отъ нихъ. Надобно всегда разсуждать кошорою частію насъ самихъ спраси овладѣли: разумомъ ли, чувствами ли, воображеніемъ ли, или сердцемъ. Надобно изслѣдовать: сердце ли они разврашили, или осквернили воображеніе, чувства ли или разумъ ослѣплень оными. Надобно непрестанно себя напоминать, чшо мы странники на земли, чшо наше сосшояніе зоветь, чшо

Благочестіе наше приглашаетъ , что естество
наше къ тому насъ принуждаетъ. Такимъ
образомъ мы укротимъ свирѣпство нашихъ
спрашней , возможемъ возвратитъ душъ на-
шей первобытное ея преимущество и эту вожа-
делѣнную блаженную пищу , которую возму-
щающъ и коюрой лишаютъ насъ сіи домаш-
ніе наши враги.

Еще осталась намъ подпора
Твоя , о Боже , благодать ;
Не отвращай пречиста взора ,
Попищися помощь намъ подашь.

Хоть часто въ скверну предлагали
Свяшую благодать сію ,
Хотя въ безумствѣ отвергали
Всесильну помощь намъ Твою :

Но нынѣ мы о ней дерзаемъ
Молишь Тебя на всякой часъ ;
Къ Тебѣ , Творецъ нашъ , прибѣгаемъ ;
Ты нашъ отецъ , Ты милуй насъ.

Когда въ воинскомъ ополченѣ
Во брань вступаемъ со врагомъ ;
Къ тебѣ приносимъ мы моленье ,
Ты насъ покрой своимъ щитомъ.

Когда градъ крѣпкій осаждаемъ,
 Врагу прошивясь своему;
 Къ тебѣ прилѣжно припадаемъ:
 Ты намъ опверзи входъ къ нему;

И какъ молебный гласъ взлешаетъ
 Къ тебѣ на вѣшреннихъ крылахъ;
 Сопренъ прошивникъ убѣгаетъ,
 Тогда мы всюду мещемъ страхъ.

Съ швоимъ кивотомъ отъ Сіона
 Когда левишы приидутъ;
 Твердѣйши спѣны Ерихона
 Отъ гласа нашихъ шрубъ падутъ. —

Но тамъ спрашнѣе ополченье,
 Гдѣ вешкій человѣкъ живетъ;
 Спрашней прошивныхъ возмущенье
 Не укропшъ и цѣлый свѣшъ.

Сей есть нашъ врагъ, сего низвергни;
 Во сердцѣ нашемъ, Боже, онъ;
 Сіи Ты спѣны испровергни
 Какъ Ты низринулъ Ерихонъ.

Возшоржеспвуй на вѣкъ надъ нами,
 Спаси насъ, Боже, Ты отъ насъ,
 Управи нашими спрашнями
 И покоряй ихъ всякой часъ!

Въ Сионѣ семѣ , Твоей избранномѣ ,
 Въ священномѣ храмѣ , въ сердцѣ , въ насѣ ,
 Воздвигни , какѣ на полѣ бранномѣ ,
 Десницу сильную по насѣ .

Самѣ даруй намѣ узрѣшь небесны
 Твои преславныя шоржества ,
 Вложи въ уста крайнѣйшия пѣсни ,
 Хвалу , достойну Божества . (*)

II.

*О должности челоѣка имѣть особливое
 попеченіе о своей душѣ .*

Человѣкъ состоитѣ изѣ шѣла и души .
 Изѣ сихѣ составляющихѣ его частей шѣло
 не иное что есть , какѣ небольшая глыба
 земли разнымѣ переменамѣ , а наконецѣ
 и самому разрушенію подверженная . Но не
 смотря на то о сей подлой нашей части
 мы весьма рачительно стараемся ; еже-
 минушно почти безпокоимся , чѣмѣ бы его про-
 питать

(*) Издатели чрезѣ се доставившей имѣ се
 разсужденіе достопочтеннѣйшей особѣ свидѣ-
 тельствуютѣ искреннюю свою благодарность .

пишашъ и нѣжишъ; а душу гораздо драгоцѣннѣйшую шѣла у многихъ вошло ужè вѣ обыкновеніе презирашъ, какъ бы вещь совсѣмъ для насъ ненадобную.

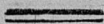
Такое нерадѣніе о душѣ есть источникъ всякаго грѣха. Почему всякъ принявшій твердое намѣреніе быти истиннымъ христіаниномъ; во первыхъ долженъ искоренити сей порокъ. Къ истребленіюжѣ онаго нѣшѣ нужды вѣ высокихъ знаніяхъ, или вѣ превосходныхъ дарованіяхъ. И неученый можетъ быти къ сему весьма способенъ, еспли и вѣ семъ случаѣ посшупашъ спашетъ сѣ такимъ же благоразуміемъ, сѣ каковымъ исполняетъ мірскія дѣла. Сшарашъ о вещахъ обыкновенно возбуждаешъ насъ 1.) *Доброта* печи, 2.) *Полезь* изъ наслажденія оною происходящая, 3.) *Опасность*, которой вещь бываешъ подвержена, и 4.) *Надежда* получиши хорошій успѣхъ вѣ попеченіи о помѣ, что служитъ къ сохраненію благосостоянія нашего.

Во первыхъ возбуждаешъ насъ къ бдѣнію доброта вещи. Ибо вещи дорогой цѣны мы бережемъ гораздо рачительнѣе, нежели малостояція. Не навозъ, но деньги, или другое чтолибо драгоцѣнное запираемъ мы вѣ сундуки; а посему душа наша достойна большаго попеченія, нежели все прочее сущее вѣ мірѣ, для того,

что она всего драгоценнѣе: во первыхъ потому, что она создана по образу и по подобію Божію; Богъ бо въ лице человѣка вдунулъ дыханіе жизни. А какъ Богъ, яко Творецъ шварей достоинствомъ и высочайшими совершенствами неизреченно превосходитъ все, посему и то, что больше Богу сообразно, большаго почтаванія достойно; но нѣтъ ни одной вещи, которая была бы сколько подобна Богу, сколько душа человѣческая; слѣдовательно о душѣ больше всего должны мы спарашься. Сверхъ сего душа наша существо безсмертное. Вещи же по долговременности обыкновенно почтаются, чѣмъ что древнѣе, тѣмъ почтеннѣе; чѣмъ что долѣе сохраниться можетъ, тѣмъ оно въ большемъ уваженіи. Богатство, красота, сила и самое тѣло человѣческое въ скорости должны погибнуть: но душа наша и послѣ гибели тѣлѣнныхъ благъ, и послѣ исполненія тѣла въ земли, нетѣленною останешся; какоежъ безуміе неимѣть о душѣ своей никакого попеченія! Многіе, не говорю дни, часы или мѣсяцы, но годы и цѣлыя вѣки шеряютъ на собраніе скорогибнущаго богатства, предавая на расхищеніе непримиримому врагу свою душу, вѣчное сіе и драгоценнѣйшее сокровище.

Второе, имѣть попеченіе о какой либо вещи зашавляетъ насъ польза оныя,
или

или вредъ, который по потерянїи той вещи
 возслѣдовать можеть. Сіе подтверждаетъ
 намъ опытъ. Когда видимъ на примѣрѣ,
 что у насъ лѣзуть волосы, то мы не очень
 о томъ печалимся для того, что не
 имѣемъ ихъ не великой урои; естли же
 болятъ у насъ глаза, или другіе нужные
 сосавы тѣла нашего, тогда мы всѣми си-
 лами стараемся отвратить такое зло.
 Но надобно знать, что всякое зло не такъ
 пагубно, какъ то, которое происходитъ изъ
 вреда душевнаго. Правда, что дѣши наши
 совсѣмъ погибнуть не могутъ, то ест, не
 можемъ мы душъ нашихъ такъ погубить,
 чтобъ онѣ совсѣмъ не существовали; но уни-
 чженіе ихъ сноснѣе бы было, нежели то,
 что онѣ могутъ, ослучены будучи отъ бла-
 женнаго того состоянїя, для котораго соз-
 даны, подвергнутъ себя вѣчному мученію
 адскихъ фурій; а въ семъ участвовать дол-
 жно и самое то тѣло, которое почи-
 аемъ мы увеселеніемъ своимъ и о кото-
 ромъ споль рачительно печемся: ибо тѣ-
 ла наши по воскресеніи въ послѣдній
 день съ душами нашими опять совоку-
 пясь съ оными будутъ подвержены одно-
 му жребію. И такъ естли мы совсѣмъ
 пренебрегши душу имѣемъ попеченіе
 объ одномъ только тѣлѣ: то не токмо ду-
 ша; но и самое тѣло должно подвергнуться
 неокончаемымъ мученіямъ. Помысли О! чело-
 вѣкъ,

вѣкъ, можешьли ты стерпѣшь вѣчныя огненныя мученія, когда малѣйшей огненной искры упавшей на нѣкоторую часть тѣла чрезъ краткое время терпѣшь тебѣ трудно? Но не гораздо ли труднѣе претерпѣвать, когда цѣлое тѣло ввержено будетъ въ огонь неугасаемый, въ огонь, говорю, вѣчный, не чрезъ нѣсколько часовъ, или дней продолжающійся; но такой, въ которомъ безчисленныя тысячи лѣтъ въ неизреченныхъ мученіяхъ проведенныя покажутся будшобы въ сей день еще начинающіяся, и сему злу не будетъ никогда конца. О смертный! не преставай помышлять, что за нерадѣніе о душѣ своей ты непременно понесешь сіи вѣчныя наказанія, и сжалившись по крайней мѣрѣ надъ тѣломъ, имѣющимъ терпѣшь вѣчныя бѣдствія вмѣстѣ съ душою возымѣй хотя малое о ней стараніе.

Третье, прилѣжное имѣть попеченіе о какойлибо вещи поощряетъ насъ опасность, въ которой находишься оная вещь. Вещь подвержена можетъ быть опасности, или отъ вѣшнихъ непріятелей, или отъ внутренняго нѣкакого зла. Отъ вѣшнихъ непріятелей, по подобію того, что приключается овцамъ отъ хищныхъ волковъ, нечаянно нападающихъ на сихъ безсильныхъ животноныхъ, и что оповрашшь пастырь употребляетъ всевозможную предосторожность. Сіе самое случаетъ

ся и съ душами человѣческими. Ежедневнымъ и несказанно великимъ опасностямъ подвергаютъ душу непріятели ея *миръ, плоть и діяволь*, почему съ сими, какъ бы съ присяжными врагами душъ нашихъ, обязуемся мы еще при крещеніи нашемъ безпрерывное имѣть сраженіе и всевозможно спарашься о спасеніи души. И такъ кпо только съ копорымъ нибудь изъ сихъ непріятелей хопя на малое время примирился, попъ и душъ своея измѣняетъ, и не сохранивъ обѣшовъ своихъ подвергаетъ себя винѣ преступленія кляшвы, которую всѣми мѣрами безъ нарушенія наблюдать должно. И чѣмъ лучше понимаемъ мы опасности, коимъ душа бываешъ подвержена, тѣмъ больше разсуждаешъ мы должны, сколь сильны тѣ непріятели, съ коими душамъ нашимъ сражашься надлежитъ.

Премногія находящяся причины, по копорымъ непріятель спрашенъ. 1) *хитрость и обманъ* главнѣйшія орудія къ полученію побѣды, а въ семъ то и гораздо превосходитъ всѣхъ непріятелей діаволь; почему и почиается онъ самымъ страшнымъ врагомъ. Очевидный олышъ своего ухищренія изъявилъ онъ тогда, когда прародителей нашихъ гораздо премудрѣйшихъ, нежели каковы мы, прельстилъ своею хитростію. 2) Непріятеля страшнымъ дѣлаешъ *бодрствованіе*

паніе и раченіе его о своемъ предметѣ. И по сей причинѣ долженъ бытъ спрашенъ діаволъ. Ибо онъ всегда бодрствуетъ, и безпримѣрно рачитъ о шомъ, дабы погубить насъ. Онъ не упускаетъ ни одного случая, при которомъ бы можно только было намъ вредить. 3.) *Въ близости находящагося непріятеля больше опасаться должно, нежели въ отдаленности.* Ибо естли онъ находишь въ отдаленности, то намъ еще доспаетъ время вооружиться противу онаго и принявъ нужныя мѣры; естли же онъ ужè близокъ, то можетъ нечаянно на насъ напасть: такой непріятель *плоть* наша, домашній и на лонѣ нашемъ почивающій врагъ. Она неотступно пребываетъ съ нами и всегда ищетъ времени свергнуть насъ въ бѣдствія; слѣдовательно никогда не допускаетъ насъ бытъ спокойными. 4.) Больше всего должны устращать насъ непріяТЕЛЬСКАЯ *ласкопость* и *скрытная злоба*. Ибо всегда удобнѣе вредитъ намъ шомъ, который подъ видомъ дружества сокрываетъ злобу свою. Таковой непріятель нашъ *плоть* наша. — Она съ нами поступаетъ не инако, какъ въ древности Іоавъ съ Авениромъ. *Плоть* наша ко изобрѣшенію и доставленію намъ всякихъ удовольствій очень скоро. Но во всѣхъ своихъ увеселеніяхъ скрытно влупываетъ удицу, которую естли мы проглотимъ, то непременно должны

жны будемъ погибнуть. 5) *непріятели страшны выпають по множеству своему.* Но міръ сей не что иное естѣ, какъ безчисленный полкъ прошиву насъ вооруженный. Нѣтъ ни единого сосоянія въ міръ, ни единой вещи въ свѣтѣ, копорая бы когда либо не вооружалась прошиву души нашей. Чести мірскія, богатство, великое счастье служитъ намъ къ забвенію Бога, несчастіе производитъ въ насъ ропханіе на Творца своего. Спошь нашъ служитъ намъ къ невоздержанію, пищи къ пресыщенію а пишье обыкновенно къ пійанству. Товарищи, а нерѣдко и самые друзья наши, дѣлають прошиву насъ заговоры либо примѣрами своими, либо совѣсами приводяшь насъ ко грѣху.

Сіе все обстоятельно разсудивши, думаешь ли ты о! человекъ, что должна покоишься душа пвоя, спошь многими и шолкими опасностями окруженная? Мы живемъ посреди хищниковъ, копорыхъ коварствъ всякой часъ должны опасаться. И шакъ не побережемъ ли драгоцѣннѣйшаго сокровища души нашей хотя съ шакowymъ бдѣніемъ, какое употребляемъ къ сохраненію дома нашего, или другой какой либо подлѣйшей вещи. Берегись, чтобъ душа пвоя достойно не сдѣлала шобъ шакого выговора, какой сдѣлалъ нѣкогда Христосъ ученикамъ своимъ: *не позмогосте ли и единого нас*

побѣти со мною. Ибо многіе изъ насъ ничего не могутъ отвѣчать, естлибъ спросишь : употребилили мы когдалибо хотя одинъ часъ на попеченіе о душахъ своихъ, окруженныхъ споль многими непріятелями? Какоежъ можетъ быть бѣднѣйшее сопомяніе душъ нашихъ, къ погубленію которыхъ употребляють шщаніе непріятели наши, а мы и защищаемъ ихъ ни мало не стараемся! Въ семъ случаѣ жребій душъ нашихъ таковъ, какова участь шой крѣпости, въ которой нѣтъ никакихъ спражей. А по сему безъ всякой шрудности могутъ ея разорить непріятели. Но должно помнишь, что писаніе для предосторожности всѣмъ сказуетъ : *Разумѣйте сія забывающіи Бога, данекотгда похититъ шасъ и небудетъ избавляяй.*

Разсуждая также о внутреннемъ злѣ можно узнать различіе между душою и шѣломъ. Расположеніе шѣлъ нашихъ таково, что оныя не только наружному вреду подвержены, но и внутренними болѣзнями часто бывають удручаемы. Въ семъ случаѣ нѣтъ нужды намъ, чтобы кто напоминалъ о опасности, или побуждалъ насъ къ исканію врачества. О душахъ же своихъ, хотя оныя гораздо большимъ опасностямъ подвержены, весьма рѣдкіе помышляють. Тѣ части шѣла нашего мы почишаемъ больными, которыя въ дѣйствіяхъ своихъ неисправны. Испорченъ вкусъ,
когда

когда пищи опличить не можетъ. Не здоровъ желудокъ, когда порядочно ея не свариваетъ. Подобно сему можно заключать и о душѣ нашей, елики способности душевныя въ своихъ дѣйствіяхъ не совсѣмъ порядочны.

Всякому извѣстно, что при части со-
спавляютъ душу. *Разумъ, воля и склон-*
ности, копорыя всѣ испорченными и пороч-
ными бытъ удобно могутъ. Пускай всякъ
самаго себя безпристрастно испытаетъ, мно-
голи онъ искусенъ въ духовныхъ дѣйствіяхъ,
то безъ сумнѣнія узнаетъ, что разумъ его
ослѣпленъ. Пускай разсмотритъ безпристра-
стно, сколько онъ къ дѣланію зла склоняе-
тсѣ, нежели къ упражненію въ добрыхъ дѣлахъ
и шопъ часъ примѣшитъ, что воля его испор-
чена. Пускай всякъ разсудитъ сколько онъ
спремилеленъ къ беззаконію, и сколько слабъ
въ любви къ Богу и богоудной добродѣтели;
то удобно уразумѣетъ, что склонности его
порочны и воля совсѣмъ не повинуется его
разуму. Но какъ въ тѣлесныхъ болѣзняхъ
первый шагъ къ выздоровленію есть знашь
причину болѣзни: такъ равно и въ семъ слу-
чаѣ болѣе всего должно знашь, какимъ обра-
зомъ душа пришла въ такое болѣзненное со-
стояніе. Нѣтъ нужды объяснять просиранно
въ коль великой опасности находишь душа
наша; надлежитъ только беречься почищать
то невозвратнымъ, дабы не возъмѣтъ причи-

ны къ извиненію своего о душѣ нерадѣнія; къ избѣжанію чего служимъ *четвертое средство*, возбуждающее насъ къ попеченію о душѣ, швердая ш. е. надежда, что трудъ, на сіе употребленный, не будетъ щетенъ; ибо безъ надежды многіе, оставя все шщаніе не рѣдко приходятъ въ опчаяніе: оставяетъ лекаръ больного, какъ только начнешъ примѣчать, что нѣтъ надежды въ выздоровленіи его. Естлиже какая либо надежда покажется къ приведенію больного въ прежнее состояніе; тогда, усугубляя шщаніе свое о немъ, не престаешь врачевать его. По сей самой причинѣ и о душѣ своей должны мы имѣть непреспанное попеченіе. Она не въ шакомъ еще состояніи, чтобы о спасеніи ея должно было опчаяваться. Она можетъ достигнуть блаженнаго состоянія, естли мы долгъ свой совершенно исполнимъ.

Сколь великой гибели ни подвергнуло весь родъ человѣческой паденіе перваго человѣка: однако труда сія для возрожденнаго человѣка не невозрашима. — Но какъ мы разсуждаемъ здѣсь натурально и касаясь всего только исторически, то и не будемъ сего вдаль изслѣдовать, поколику сіе принадлежитъ болѣе къ богословскимъ, нежели философическимъ истинамъ.

Теперь сего крашкаго нашего разсужденія предметъ уже показанъ, ш. е. четвере

шнѣре оныя побужденія, поощряющія смертныхъ къ рачительному старанію о всѣхъ вещахъ вообще уже представлевы, и показано; что не только разумъ, но и самая нужда того пребуешъ, чтобы мы сими побужденіями возбуждались къ большому раченію о самой душѣ нашей; чтоже нужно еще присовокупить къ сему?

Надлежитъ на послѣдокъ сказать, что мы должны стараться исполнять сіе съ крайнимъ благоразуміемъ. Сего пребуешъ самая справедливость. Ибо самый разумъ, который руководствуетъ насъ во всѣхъ другихъ дѣяніяхъ, заимствуетъ мы отъ души. И пакъ справедливо ли будетъ, естли она отъ разума сего не будетъ вкушать никакихъ плодовъ? Въ семъ случаѣ произошло бы съ нею тоже, что съ тѣмъ домостроителемъ, который доставивъ семейству своему всѣ потребности, наконецъ отъ нихъ же лишенъ будучи пищи, съ голода умеръ.

Все сіе разсудивъ внимательнѣе, помыслимъ о самихъ себѣ, пока имѣемъ еще время употребить всевозможное стараніе о сей драгоценнѣйшей части нашей. Да будетъ всѣхъ нашихъ стараній единственнѣмъ предметомъ духовное блаженство наше!

III.

О ЭНТУЗИАЗМЪ.

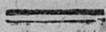
Чтобы узнать точно истину; должно впервых почувствовать любовь къ ней. Не возможно, чтобы употребил всевозможное раченіе къ изслѣдованію истинны шопъ, кто не воспламененъ къ ней желаніемъ и любовью. Между учеными не лзя почти сыскать ни одного, который бы совершенно преданъ былъ истинѣ: однакожъ ничего нѣшъ для нихъ досадиѣ, какъ то, когда кто не почиаетъ ихъ ревностными ея хранителями. А сіе явно подтверждаетъ, что между шѣми, которые имѣютъ особливый долгъ наблюденіе справедливости, весьма малое число найдется такихъ, которые бы старались придерживашься оной по одной любви къ ней.

При наблюденіи справедливости обыкновенно предложеніе почиается неподверженнымъ сумнѣнію тогда только, когда оно основывается на однихъ неколебимыхъ доводахъ. Кто соглашаясь на какое нибудь предложеніе преступаетъ сіи предѣлы; шопъ безъ сумнѣнія принимаетъ истину не по любви къ ней, но водимъ будучи какимъ нибудь пристрастіемъ. Ибо не лзя спасться, чтобы любовь къ истинѣ возбудила гораздо

больше

Большее согласіе, нежели убѣжденіе доводовъ удосповѣряющихъ о справедливости вещи; и чшобы одна сія любовь подѣйствовала шакъ сильно, чшобы можно было согласиться на шакое предложеніе, кошорое ни мало невѣрояшно; сіе было бы шоже, что естли бы кто полагалъ, что извѣстную вещь должно принять за истинную, пошому что она имѣетъ нѣкоторую вѣроятность, и можешъ быть истинною. Во всѣхъ истиннахъ ни природою ни размышленіями намъ не открытыхъ, одно средство къ измѣренію правдоподобія ихъ доводы, убѣждающіе насъ согласиться въ шомъ; и мы должны ихъ принимать не иначе какъ шолько шакими, каковыми ихъ представляють разуму нашему доводы. Излишнее уваженіе предложенія, превышающее всѣ начала и доказательства, на которыхъ оно основывается, рождаешся опъ однихъ спрасней нашихъ, почему и предположить можно, что при шакихъ случаяхъ мы не спараемъ сохранить истинны. Ибо увѣришься въ истиннѣ по однимъ пристрастіямъ и корысполубію ни мало не сходно съ истинною.

Сіи-шо самыя спраси и припомъ зараженный разумъ рождаютъ въ нѣкоторыхъ охоту предписывать другимъ свои правила къ изслѣдованію истинны. Но можно ли надѣяться; чшобы шомъ не подвергнулъ другихъ обману, кошорый самъ себя обманываетъ?

Можно ли вѣрить, чтобы потѣ при доказа-
тельстввахъ своихъ почто и вѣрно открывалъ
истинну, который самому себѣ невѣренъ,
котораго способности и умъ поработены спра-
снѣмъ и который отъменяя главнѣйшее сред-
ство къ познанію истинны, *ясность* ш. е. и
силу доводовъ старается употреблять вмѣ-
сто того одну *пажностъ* свою.

Кромѣ сихъ двухъ ложныхъ путей къ
истиннѣ, кромѣ *пристрастій* ш. е. и *паж-
ности* не малую силу также у нѣкошорыхъ
имѣетъ и *Энтузіазмъ*. Онъ отъ мно-
гихъ столькоже уважается, какъ *пѣра* и *ра-
зумъ*: но чрезъ сіе они противорѣчатъ раз-
уму и откровенію, и вмѣсто того во мнѣніяхъ
и поступкахъ своихъ полагаютъ за правило
одни нѣкошорыя сумозбродства.

✓ *Разумъ* есть природное *откровеніе*, по-
средствомъ котораго вѣчное существо, источ-
никъ всего свѣта и премудрости сообщаетъ
человѣческому роду нѣкошорую часть истин-
ны, соразмѣрную понятіямъ ума нашего.
Откровеніе напрошивъ того есть природный
разумъ, обогащенный новыми нѣкошорыми от-
крытіями, непосредственно дарованными отъ
Бога, объ истиннѣ которыхъ увѣряетъ насъ
разумъ чрезъ свидѣтельство и доводы. По-
чему кто старается уменьшить силу *разума*,
съ шѣмъ намѣреніемъ, чтобы возвысить от-
кро-

кропение, шотѣ угашаетѣ свѣшѣ обоихѣ и какѣ бы лишаетѣ человѣка очей для того, чшобы удобнѣе посредствомѣ Телескопа примѣшишь вдаль просширающіеся лучи невидимой планешы.

Поелику *откропение* есть гораздо крашчайшій пущь кѣ подтвержденію мнѣній, нежели шрудѣ, который должно употребить для снисканія правильныхѣ доказательствѣ, который хотя великѣ но не всегда удачливѣ; шо и неудивительно, чшо многіе охотно пришворяются будшобы они получили опкровение, увѣряя чшо они подлежатѣ особливому божіему провидѣнію вѣ дѣлахѣ своихѣ и мысляхѣ, особливо вѣ шѣхѣ, которыхѣ они не могутѣ изъяснить причинѣ просшимѣ способомѣ познанія и по законамѣ разума; изѣ чего довольно можно примѣшишь, чшо во всякомѣ вѣкѣ не недоставало сихѣ людей мучимыхѣ Иппохондріею и весьма склонныхѣ кѣ суевѣрію, которые много мечшая о себѣ, думающѣ, чшо они предѣ прочими гораздо большій имѣютѣ союзѣ съ Богомѣ, и увѣрены о себѣ, чшо они часто имѣютѣ непосредственное сообщеніе и разговорѣ вѣ высочайшимѣ существомѣ. — Не можно сумѣванься, чшо Богѣ силенѣ непосредственно просвѣтитѣ разумѣ человѣка; ибо все сіе отѣ Бога обѣцано и возможно. Но чшо можешѣ надѣянься, чшо онѣ имѣетѣ

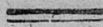
больше права получить сие, и что Богъ предъ всѣми прочими избралъ его, а не кого другаго для открытія своихъ обѣщаній. —

Такъ о себѣ мечтающіе часто и при самыхъ нечестивыхъ своихъ мысляхъ, даже при самомъ стремленіи къ чемулибо непристойному, безъ сомнѣнія увѣрены бывающъ, что они къ сему побуждаемы Богомъ и думающъ, что шѣ прошившія его волѣ, кои дерзающъ лишать ихъ сего права.

Я говорю о томъ шочно Энпузіазмѣ, (*изступленіи*) который хотя есть не что иное, какъ одно сумозбродство, и который не основывается ни на разумѣ, ни на опкровеніи; но какъ онъ происходитъ отъ воображенія пылкихъ умовъ, и многіе при самомъ произведеніи мыслей и дѣяній, гораздо больше уважающъ его нежели самый разумъ и опкровеніе, хотябы они взяты были порознь или вмѣстѣ; ибо шѣ, которые судяшъ о всемъ по собственнымъ чувствамъ, скоро предающся всякимъ побужденіямъ. Воображеніе сихъ Энпузіастовъ будучи не ограничено разумомъ и не привязано къ общему смыслу, столь сильно въ ихъ дѣйствуешь, что они по безумной ревности своей присвояющъ себѣ божественную силу управляющую ихъ побужденіями; и въ такомъ расположеніи соглашающся на все то, къ чему

побуждаютъ ихъ склонности и что сходственно съ ихъ темпераментомъ. —

Хотя иелѣпыя мнѣнія и неприспойныя дѣйствія, копорыхъ не рѣдко причиною была сія безумная ревность, должны бы напомнать о шой оспорожности, копорую нужно имѣть въ разсужденіи сего неистовствующаго пламени, подвергнувшаго безчисленное множество людей заблужденію и въ мысляхъ, и въ дѣянїяхъ: однако сіе вдохновенное познаніе споль много обольщаетъ Эмпузїастовъ нашихъ и превосходитъ въ шомъ другихъ кажешся шоль великимъ, что подпавши однажды сему новому способу непосредственнаго *открѣпенія*, неизслѣдовавъ шочно ли оно просвѣщеніе и истинное ли, навсегда почти законсѣваюшъ въ ономъ. Всѣ доводы другихъ презираюшъ, почиая побужденія свои выше естественнаго разума. „ Они говоряшъ, что „ они не могушъ заблуждаться, пошому что „ умъ ихъ совершенно озаренъ свѣшомъ, ко- „ шорый они такъ ясно въ себѣ видяшъ какъ „ солнечные лучи, и что кромѣ собственнаго „ вѣдѣнїя, не нужны для нихъ никакіе „ доводы, и думаюшъ, что они внутренне чув- „ ствуюшъ побужденія высочайшаго Суще- „ ства, и сіе кажешся имъ споль вѣроя- „ шно, какъ бы они не могли въ шомъ об- „ манываться . —

Такимъ образомъ обольщая себя нисколько не стараются рачительно разумомъ измѣрять встрѣчающихся съ ними побужденій. „ Да и не „ глупо ли, говорятъ они, постушилъ бы шомъ, „ кто для доказательства, что солнце бываетъ „ на горизонтѣ и что его и теперь видимъ по- „ требовалъ бы еще доводовъ? Ибо какъ скоро „ духъ Божій просвѣтитъ умъ свѣтомъ своимъ, „ то уже недлячего сомнѣваться, чтобъ вся „ мрачнасть не была разогнана. — Свѣтъ низ- „ шедшій съ небесъ чистъ, прозраченъ и „ столь много важенъ, что всѣ доказатель- „ ства вмѣщаетъ въ себя, почему столь же „ глупо было бы присоединять слабой свѣтъ „ нашъ, разумъ, то есть, къ происпекающимъ „ отъ Бога лучамъ, сколь щепотно употре- „ блять свѣтъ лампы, для узрѣнiя солнца „.

И такъ Энтузіасты доказываютъ что познание ихъ потому истинно, что истинно, и что они совершено удѣрены въ истиннѣ оного. Сіе можетъ быть причиною что слова ихъ по большей части переносныя, занимаемыя ими отъ видимыхъ вещей и сими подобіями столь много они обольщаются, что принимая ихъ сами за истинныя и для другихъ не сумнѣваются употреблять ихъ въ доказательство.

Разсмотримъ въ кратцѣ сей внутренній свѣтъ и оное чувствованіе, на которомъ
столь

споль надежно полагающся Эпитузіасты. Они говорятъ : „ что они имѣютъ ясный свѣтъ , и видятъ оный , что чувство ихъ возбуждено и они въ себѣ ощущаютъ его стараясь симъ доводомъ преклонить всѣхъ на свое мнѣніе ; ибо кто говоритъ о себѣ , что онъ видитъ и чувствуетъ , то уже трудно въ такомъ случаѣ держать противную сторону. — Но я хочу ихъ спросить , что понимаютъ они : истинну ли предложенія , или вещь открытую Богомъ ? — Также чувствованіе оное есть ли понятіе внутренняго желанія къ произведенію чего либо , или понятіе божественнаго духа , возбуждающаго въ нихъ сіе желаніе ? Сіи понятія весьма несходственны между собою , и потому , чтобъ не обмануться въ нихъ , должно съ великимъ вниманіемъ изслѣдывать ихъ порознь. Я разумѣю на пр. истинну какого либо предложенія въ Эвклидѣ или другой какой книгѣ : но не ужѣ ли должно изъ сего , заключаешь что откровеніе онаго не посредственно произведено во мнѣ Богомъ ? Но положимъ , что познаніе онаго получилъ бы я сверхъестественнымъ образомъ , что и доказало бы откровеніе онаго , но почему еще извѣстно , что виновникъ онаго Богъ ? — Есть и такіе духи , копорые вслѣніемъ Божиимъ могутъ въ умѣ нашемъ понятія располагать такъ , что связь ихъ будетъ казаться весьма явственною. Когда какое либо предложеніе по неизвѣстнымъ мнѣ началамъ

сдѣлалось для меня, вразумительнымъ; но изъ того еще не слѣдуетъ что оно открыто Богомъ, шѣмъ менѣе истинну и произхождение онаго отъ Бога должно выводиться изъ одного родившагося во мнѣ сильнаго увѣренія.

Нужно всегда обстоятельно знать то побужденіе на которомъ долженъ я основываться. Безъ познанія же сего, все увѣреніе, родившееся во мнѣ, тщетно, и весь мечтаемый оный свѣтъ будетъ одно пустое восхищеніе. Ибо хотя бы предложеніе, приемлемое за откровеніе казалось совершенно истиннымъ, или вѣроятнымъ, или по крайней мѣрѣ весьма мало сумнительнымъ; но при всемъ томъ я долженъ еще знать, точно ли оно откровеніе Божіе; не обманъ ли причиненный нѣкопорымъ духомъ, или не одно ли суешное мечтаніе собственнаго моего разума? — Мы тогда только должны почищать истиннымъ откровеніе какойлибо вещи, когда не сомнительно увѣримся, что виновникъ тому Богъ. — А безъ сего мы будемъ имѣть излишнее надѣянiе на свои мнѣнія, и свѣтъ, поражающій блескомъ своимъ очи разума нашего будетъ одинъ мечтательный огонь, которому послѣдуя, мы всегда будемъ основываться на семъ ничего незначащемъ предписаніи: *откровеніе есть то, что мы признаемъ таковымъ, а признаемъ потому что оно есть откровеніе,*

Во всякомъ Божіемъ откровеніи нужно только доказать, что оно Богомъ вдохновено, а по уже несумнительно, что Богъ не можетъ ни обмануться, ни обманывать другихъ. Но какъ можно узнать, что предложеніе впечатлѣнное въ умъ нашемъ есть истинна Богомъ вдохновенная? При семъ вопросѣ знаніе Энтузіастовъ нашихъ показывается весьма слабымъ; ибо сіи богодухновенные мужи ничего о семъ не говорятъ. Еслили знаемъ истинну то должно знать ее или по ясному увѣренію и по согласованію ея съ свѣтомъ разума нашего, или по естественнымъ причинамъ подтверждающимъ оную; употребляя сей способъ познанія тщетно превозносятся они откровеніемъ. И познають они такъ какъ и тѣ, которымъ и непомоществуетъ откровеніе, ибо всѣ люди и не имѣющіе сего откровенія познають истинны такимъ же образомъ. Но еслили они скажутъ, что они истинну свою признають истинною поному, что она имъ Богомъ открыта; то откуда то еще знаютъ они, что она открыта Богомъ, а не другимъ къмъ. — Они скажутъ въ отвѣтъ, что доказываетъ то свѣтъ сіяющей въ самой той истинѣ и освѣщающей разумъ ихъ, которому они не въ состояніи противиться: но пусть со вниманіемъ разсмотрятъ отвѣтъ сей, не то ли самое онъ заключаетъ, что мы выше уже упомянули, *т. е. что истинна она есть откровеніе*

потому

потому что они увѣрены въ истиннѣ того. Но весь оный свѣтъ, представляемый ими, есть не что иное, какъ одно сильное, безъ всякаго истиннаго основанія, принятое увѣреніе объ истиннѣ вещи. Они почищаютъ опроверженіемъ пошуму только, что они такъ думаютъ, но что можетъ удобнѣе подвергнуть насъ заблужденію, какъ не то, когда мы, послѣдую мечтаніямъ своимъ, всякое предложеніе будемъ принимать за истинное, пошуму что мы такъ вѣримъ. Сильное увѣреніе ни мало не можетъ быть доводомъ справедливости вещи: Ибо безъ сомнѣнія извѣстно что нерѣдко и самыя ложныя понятія также сильно впечатлѣваются въ умъ нашемъ, какъ и справедливыя, и что люди не менѣе закоснѣваютъ во лжи, какъ и въ истиннѣ. Да и откуда бы могли родиться не согласныя оныя мнѣнія и столь непреоборимое упорство между людьми придерживающимися различныхъ сектъ? Если бы свѣтъ оный, котораго пребываніе всякъ кажется въ себѣ ощущаетъ, и который есть не что иное, какъ одно родившееся въ умъ нашемъ увѣреніе, былъ доказательствомъ божественнаго побужденія; то изъ сего должно бы заключить, что всѣхъ противныхъ между собою мнѣній виновникъ Богъ, и пошуму Богъ былъ бы не только отецъ свѣтовъ, но и несогласій возмущающихъ человѣка по подобію мечшательнаго пламени такъ, что против-

ныя предложенія почитались бы божественными истиннами, какъ только сильное увѣреніе, хотя безъ всякаго основанія въ насъ родившееся, могло бы подтвердить, что предложеніе оное есть откровеніе Божіе.

Нѣтъ не лзя никакъ принять, чтобы одно сильное увѣреніе могло бытъ довольно основательнымъ доводомъ къ утвержденію истинны какой либо вещи. Самъ божественный Павелъ почиталъ себя ни мало не заблуждающимъ, но паче согласующимся съ вдохновеніями Бога, когда Христіанъ, предавшихся по мнѣнію его сильнымъ заблужденіямъ, ввергалъ въ жестокия мученія; однако извѣстно, что тогда не Христіане заблуждались, но онъ самъ. Благочестивые люди также подвержены заблужденіямъ, но не рѣдко съ великою упорностію принимающъ оныя за истинны, открытыя Богомъ, изливающія чистѣйшій свѣтъ въ ихъ разумъ.

Истинный и неложный свѣтъ въ умѣ есть нечто иное, какъ явная и точная истинна какогото предложенія, кошорая не будучи сама по себѣ ясна получаетъ свѣтъ свой отъ доводовъ, на которыхъ она основывается. Кто принимаетъ прошивный сему свѣтъ, тотъ помрачаетъ разумъ и какъ бы подвергаетъ себя власти начальствующихъ тѣмою, заставляющихъ насильно вѣрить жи; ибо естли одно упорство
вѣ

въ мнѣніи будешь приниматься за свѣтъ, коперому мы должны послѣдовать, по ка-кимъ образомъ можемъ мы различать слѣды Сапанины отъ вдохновенія Духа Святаго? Ибо и діаволъ можетъ преображаться въ свѣтлаго Ангела, и послѣдующій наважденію его, сколько же увѣренъ будешь о непосредственномъ управленіи своемъ отъ всевышняго существа, какъ и пошъ, копорый озаренъ духомъ святымъ. Судя по сильному собственному увѣренію не будемъ мы подозрѣвать сего ложнаго свѣта, но еще съ великимъ удовольствіемъ спараться будемъ послѣдовать ему, почитая поступки свои благо-разуміе всѣхъ прочихъ. —

Слѣдовательно всякъ, кто не хочетъ под-пасть заблужденію и послѣдовать нечѣпнымъ мнѣніямъ; пошъ во первыхъ долженъ при всѣхъ своихъ дѣяніяхъ рачительно изслѣдовать вну-тренній оный свѣтъ по законамъ разума. —

✓ Богъ наставляя пророковъ ничего человѣче-скаго не упразднялъ въ нихъ. Онъ оставилъ всѣ способности ихъ въ естественномъ со-стояніи невредимыми, чрезъ копорыбы они могли разсуждать: почно ли вдохновенія ихъ были отъ Бога? — Сверхъестественный свѣтъ изливаясь въ нашъ разумъ не можетъ угашать ничего естественнаго. Богъ изволяя, чшобы мы приняли какую нибудь вещь за справедливую являетъ намъ истинну оной или посред-

посредствомъ разума; или употребляя къ тому такія средства, которыя бы довольно сильны были по одной важности своей привлечь наше согласованіе. Почему мы во всѣхъ случаяхъ въ первыхъ должны прибѣгать къ разуму, какъ главнѣйшему нашему судѣ. — Я не говорю, что всякое предложеніе должно изслѣдываться по правиламъ разума такъ рачительно, чтобы не понявъ онаго чрезъ естественнаго начала совсѣмъ отвергать. Но должно подробно узнать только, Богомъ ли оно открыто, или нѣтъ? — Если разумъ подтвердитъ, что оно Богомъ явлено, то безъ сумнѣнія оно какъ и другія должно приняты за истинны нисколько непротивныя законамъ разума. Если же мы вещь какую пошумо только будемъ почитать истинною, что мы такъ объ ней увѣрены; то и всякое мнѣніе вкорененное въ умъ нашъ пошумо будетъ за вдохновеніе Божіе; и въ такомъ случаѣ не позволяя разуму нашему изслѣдываться внутреннихъ и почныхъ оныхъ свойствъ, мы совсѣмъ сдѣлаемся несильными опровергать истинны отъ лжи и опроверженій Божіихъ отъ наважденій діавольскихъ.

Какъ скоро внутренній оный свѣтъ, или предложеніе какое почитаемое нами вдохновеннымъ въ разумъ нашъ, согласно будетъ съ законами разума, или съ словомъ Божіимъ свидѣтельствующимъ опроверженіемъ; то тогда

вдохновеніе оное будетъ основательно, и мы безъ сумнѣнія можемъ приниматьъ его за истинное. Но еспли оно пропивно будетъ симъ началамъ; то мы неблагоприятно поступимъ, принявъ его за истинное а шѣмъ паче за откровеніе Божіе, не имѣя къ тому кромѣ собственнаго мнѣнія новыхъ откровеній. — Всѣ святыя мужи удостоившіеся получитьъ нѣкогда откровеніе воли Божіей, кромѣ впечатлѣннаго въ умъ ихъ мнѣнія, имѣли особливые еще виды увѣряющіе ихъ въ откровеніи, иаружные п. е. знаки. Посему когда старались они и другихъ привлечь къ истиннѣи оной, то имѣли силу подтверждать чудесами истинну посланія Божія. — Видѣлъ Моисей горящую но незгараемую купину, и слышалъ гласъ исходящій изъ середины оной и повелѣвающій ему явиться къ Фараону и извести людей Израильскихъ изъ Египта. Сей знакъ безъ сумнѣнія гораздо вѣрояннѣе былъ, нежели чувствованіе внутренняго движенія; при всемъ томъ до шѣхъ поръ казался несовершеннымъ Моисею, пока Богъ чрезъ другое чудо, чрезъ преобравшійся п. е. жезлъ въ змія не показалъ ему, что онъ шѣмъ же чудодѣйствіемъ можетъ и Израильщанъ увѣрити о посланіи своемъ отъ Бога. — Гедеонъ до шѣхъ поръ не исполнилъ велѣнія Ангела посылавшаго его для избавленія Израильщанъ отъ плѣна Мидянъ, пока не испросилъ знаменія, которое бы удостоивило его, что по-

сланія онаго былъ виновникомъ Богъ. Сіи и другіе примѣры откровенныя въ писаніяхъ Пророческихъ весьма ясно доказываютъ намъ, что одно внутреннее въ умѣ нашемъ увѣреніе совѣмъ несильно докажетъ Божію откровенію.

Не подумайте, чтобы сіе говорено было въ шѣхъ мысляхъ, яко бы Богъ никогда не изливаешь свѣта въ умы человѣческія для познанія истинны, и что онъ не силенъ безъ другаго какого либо орудія чрезъ одно вдохновеніе святаго духа возжечь въ челоуѣкѣ пламень къ дѣланію добра. Боже сохрани меня отъ нихъ. Я только хочу чрезъ сіе напомнать, что въ такомъ случаѣ должно вещь оную изслѣдывать по законамъ разума и священнаго писанія, чтобы чрезъ сіе совершеніе можно было уразумѣть, Божіе ли явленіе оно или нѣтъ? А какъ скоро истинна принимаемая нами согласна съ Божіимъ откровеніемъ, и законами разума; то мы нимало не сумнѣваясь должны вѣрить, что въ такомъ случаѣ, почиая оную вдохновеніемъ Божіимъ, не подвергнемъ себя никакой опасности. Ибо хотя бы она не была непосредственное откровеніе, явленное въ умѣ нашемъ чрезъ необыкновенныя Божія дѣйсвія; но по одной сходственности своей съ Божію истинною оно можетъ быть безопасно. И сіе совѣмъ уже не то, что чувствуемая нами

сила особливаго увѣренія доказывающаго воз-
 жженный свѣтъ или Божіе въ насъ побужденіе ;
 ибо въ семъ случаѣ мы за начало принимаемъ
 опкровеніе слѣва Божія и разумъ, общія намъ
 со всѣми людьми основанія. А какъ скоро миѣ-
 ніе какое, или дѣйствіе ясно подтверждено свя-
 щеннымъ писаніемъ или разумомъ ; но уже
 безъ сумнѣвія можно принимаешь ихъ отъ
 Бога происпекающими. Своему же одному миѣ-
 нію-никогда не должно приписывать подобной
 силы. Разумъ нашъ склоняясь на внутреннее
 наше увѣреніе можетъ доказать, что извѣ-
 стная оная вещь должна быть предметомъ
 нашей любви, но чрезъ одно увѣреніе онъ
 никакъ не силенъ утвердить, что она во-
 спріяла свое начало отъ самаго Бога, отъ
 испочинка всѣхъ благъ.

IV.

О Д А .

Ч е л о п ѣ к ъ .

О пы , что всякой день являешь
 Природы новы красоты ,
 Всю шварь съ собою обновляешь ,
 Какъ видѣ пріемлешь новый пы !
 Земля , покрыта небесами ,
 Исполненная чудесами

И прелестными одарена!
 Познай великость человека;
 Ты для него в началѣ вѣка
 Изъ ничего сотворена!

Изъ тьмы, изъ бездны изведенна
 Ты свѣтомъ вдругъ озарена,
 Въ воздушну сферу облеченна
 И влагою напоена,
 Украшена правой, цвѣтами,
 Лѣсами, доломъ и горами,
 Источниками хладныхъ водъ,
 Имущихъ души всяка рода.
 Тобой украсила природа
 Живущихъ тварей всѣхъ народъ.

Но все, что ты в себѣ ни носишь,
 Все человеку по дано,
 Ему, ему ты плодъ приносишь,
 Ему скопы даютъ руно.
 Твоя краса, твое пріятство,
 Обиліе и все богатство
 Его рукъ покорено;
 Сокровища въ утробѣ скрыты
 Изъ нѣдра твоего изрыты,
 Оно ему отворено.

Во всемъ , что онъ въ себѣ находить ,
 Онъ зрять величество свое ,
 Все то собой онъ превосходить ,
 Онъ украшеніе швое !
 Какая прелестъ не заимихся ,
 Когда во славѣ онъ явихся ?
 Зри съ удивленьемъ на него !
 Какою чесни лѣлошюю ,
 Величїемъ и красошюю
 Увѣчано чело его ?

Въ величественномъ семъ ошашкѣ
 Грѣхомъ померившей красоты ,
 Зерцай ужѣ и по упадкѣ
 Великихъ совершенствѣ черты ,
 Тѣнь челошческой природы !
 Въ немъ духъ небесныя породы
 Свободной волей одаренъ ,
 Духъ присно дѣйствующій , бдящій ,
 Духъ присно къ вѣчношпи парящій
 Премудрошню озаренъ .

Черты сіи . что въ немъ сіяють !
 Что сохранилъ въ себѣ Адамъ ,
 Подобіе швое являють
 Тобою , Боже , данно намъ .
 Безъ діадимы , безъ порфиры ,
 Преклоншимися зрять онъ міры ;

Зрять

Зришь всю себя подвласну шварь.
 Онъ образомъ швоимъ украшенъ,
 Помазанникъ онъ швой, онъ шрашенъ.
 Онъ Иерархъ, онъ естъ всѣхъ Царь!

Такъ гордый верхъ свой воздымаетъ
 Дубъ; шрашный исполинъ лѣсовъ,
 Гдѣ буря ярость изрыгаетъ
 Бросая стрѣлы съ облаковъ.
 Перуномъ грома пораженный,
 Ударомъ молнии зажженный,
 Еще, еще онъ не исчезъ.
 Хоть шебель изсохшій увядаетъ,
 Сваленный съ вѣшви листъ спадаетъ;
 Но верхъ касается небесъ.

Пусть шмы ударовъ онъ пріемлетъ
 Сѣкиры острой, и падетъ,
 Падетъ; но падая колеблетъ
 Всю землю, швердыхъ горъ хребетъ.
 Пусть сей гигантъ поверженъ зрится,
 Прешанемъ ли ему дивишься?
 Сей пень, скрываетъ что земля,
 Гоповишъ мощная природа
 Подпорой позлащенна свода,
 Иль мачшой горда корабля.

Смѣсимъ съ живошными другими:

Пусть будешь человекъ водимъ,
 Въ единомъ чинѣ бывши съ ними,
 Лишь побужденіемъ однимъ!
 Да будешь такъ! — Но лъзя ли сбышься?
 Не можешь зракъ нашъ ошибиться;
 Онъ въ нихъ владыку узнаешь.
 Звѣрь человека убѣгаетъ. —
 Но шѣмъ почшеніе являетъ,
 Сей звѣрь Царя въ немъ признаетъ.

Сойдемъ въ святилище съ чертога,
 Земля храмъ Господа во вѣкъ.
 Въ семъ храмѣ славословишь Бога
 Единый можешь человекъ,
 Возрیمъ на землю, воздухъ, воды
 На жишелей ихъ разны роды:
 Способныль шѣ къ сему концу?
 Кто въ нихъ то чувство ощущаетъ,
 Что въ сердцѣ нашемъ обитаетъ?
 Сіе служеніе Творцу.

Единъ за Божеску щедроту
 Благодареніе изрекъ,
 Даровъ его позналъ доброту
 Единый ты, о человекъ!
 Познай могущество и слабость
 Величіе свое и малосію,

Внуши вѣщающій мой гласъ.
 Твой духъ есть даръ даровъ всѣхъ краше:
 Блаженство въ немъ сокрыто наше,
 Имъ Богъ одушевляетъ насъ!

Сей разумъ, коимъ ты отличенъ,
 Что онъ? Онъ къ истинѣ есть ключъ:
 Безсмертнымъ лишь однимъ приличенъ,
 Премудрости небесной лучъ!
 Коль дѣйствія твои тѣ красны,
 Которы съ свѣтомъ симъ согласны!
 Искусство дивное есть твое!
 Ты вещество одушевляетъ,
 Ты имъ умершихъ оживляетъ,
 Даешь имъ паки бытіе.

Твой духъ духъ горній, неведимый,
 Стремящійся въ небесну твердь,
 Сей духъ непламенный, недѣлимый
 Не испребитъ и сама смерть,
 Твой разумъ по тебѣ вѣщаетъ,
 Святая вѣра общаетъ
 И нѣкій гласъ изъвнузрь гласитъ,
 Что все сіе съ тобой случится,
 Твой духъ отъ тѣла оплучится
 И къ вѣчности перелетитъ.

Теперь грѣху ты плашишь дани,
 Повнень смерти сталъ грѣхомъ;
 Душа твоя есть мѣсто брани,
 Гдѣ зло сражается съ добромъ,
 Гдѣ вся воюешь тьма со свѣтомъ.
 Но все то рушится завѣтомъ,
 Когда предѣлъ тому придетъ,
 Все вновь къ началу возвратишься,
 И зло въ добро преобратишься,
 Какъ мгла ошь глазъ, оно, спадетъ.

Честь, роскошь, блага преходящи
 Богатство, пышность и чины,
 Веселья, суеносныя льстивцы,
 Мечта, — какъ только вкушены!
 И выль держаете безсмыдно
 Насытитъ то, что ненасытно,
 Наполнитъ сердца пустоту?
 Утѣхи вашей гибель, тлѣнность
 Его являетъ безпредѣльность,
 Являетъ вашу суешу.

Какая вещь изъ васъ едина
 Довольство можетъ въ немъ раждать,
 Всегда бытъ радости причина
 И непрерывно наслаждать?
 Премѣчивость въ забавахъ наша
 Ялитъ, что намъ утѣха ваша

Не можешъ пользы шой принестъ.
 Какъ сей насъ призракъ обольщаетъ,
 Лишь больше сердце возмущаетъ;
 Вамъ въ вѣкъ шого не произвестъ!

Души сіе швоей лишь свойство,
 Жаждашъ чшобъ вѣчнаго во вѣкъ,
 Познай швое въ немъ превосходство
 О безндобный человекъ!
 Желай, или, найди блаженство,
 Познай въ довольствѣ совершенство,
 Да вѣчно душу усладишъ
 Источника всѣхъ благъ вкушенье!
 Сіе едино наслажденье
 Твое блаженство совершишъ.

Но коей ты хвалою прославилъ
 Безмѣрность благости сея
 Творца, который въ чинъ поставилъ
 Оппадшихъ Ангеловъ шебя?
 О Боже! и Адамъ отступникъ!
 Неблагодарный! ты преступникъ,
 Ты грѣшникъ спалъ, ты спалъ злодѣй!
 Но чшожъ лишенъ ли вѣчной славы,
 Кшору божески усшавы
 Опредѣляли для людей?

Нѣтъ. — Всеу грѣшный къ Богу ропщешъ,
Адамъ сей чести не лишенъ,
Господь его возсавишь хочешъ.

— Адамъ! ты паки спалъ блаженъ.
О грѣшный! злобствуй, сколько хочешь,
Любви Творца не переможешь,
Не меркнешъ свѣшъ отъ темноты.
Колико бы ты ни былъ злобенъ,
Пусть весь ты зло, лишь къ злу удобенъ:
Богъ больше благъ, чѣмъ злобенъ ты.

Въ душѣ, его святѣйшемъ храмѣ
Сей образъ вѣчно да живетъ!
Любви его примѣръ въ Адамѣ,
Любви его примѣра нѣтъ.
Что есть, о Боже, предъ тобою
Сей бранный червь, швоей рукою
Отъ вѣка созданный на вѣкъ?
Что онъ? — Онъ червь — но червь не-
(шлѣнный;
Онъ прахъ: — но прахъ живошворенный;
Онъ связь міровъ; — онъ — человекъ!

Творецъ! швой сынъ за насъ спрадаешъ!
За грѣшныхъ праведникъ закланъ;
Твоей онъ праадѣ угождаешъ;
Тобой намъ сей Спасишель данъ,

Самъ

Самъ жрецъ , священникъ самъ , и жертва
 Зря солнце сына Бога мертва
 Лице свое скрываетъ мглой !
 Безцѣненъ человекъ , о Боже ,
 Безцѣненъ , онъ всего дороже
 Когда сіе его цѣной !

Сіе-то , смершній , благородство ,
 Величіе швое и санъ ;
 Сіе швое естъ превосходство
 Единъ симъ шипломъ шы вѣчанъ ,
 Чшобъ рушишь всѣ къ тому препоны ,
 Храни премудрости законы ,
 Твоимъ опвершые очамъ.
 То сердце подло и низпало ,
 Того достоинство естъ мало ,
 Кшо не взлетаетъ къ небесамъ.

Вся слава міра переходяща ;
 Не унижай себя предъ ней.
 Весь міръ мечта мечшою льстяща :
 Не запинайся мыслью сей.
 Всю душу , разумъ , чувства , мысли
 Своими болѣе не числи ;
 Но шщись ихъ Богу покорись.
 Когда въ его законъ ходишь ,
 Ты Царь , вѣнецъ державный носишь ,
 Служишь Творцу естъ вѣкъ царить !

V.

Г И М Н Ы.

I.

С о л ъ с т ѣ.

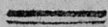
О! совѣсть! бозпристрастный судія чело-
вѣковъ! — Ты гласъ испытующаго глубины
непоспизимыхъ сердець и правіло моихъ дѣя-
ній. — Тебѣ сооруженъ пресполъ Спроише-
лемъ всяческихъ во свящилищѣ челоѣка, да-
бы ополченна швоя десница оружіемъ раз-
ума предохраняла меня ошъ дерзкихъ напа-
дений непріятелей моя души. — Тебя из-
брала премудрость спражемъ истиннаго моего
благополучія. Тобою шокмо возмогу я доспичь
моего предопредѣленія, а безъ шебя моя
учасъ бышь вѣчно игралищемъ суешы. —
Нѣжный швой взглядъ воспаменяетъ меня
вящше къ достойнымъ челоѣка предпріяті-
шіямъ. А знакъ швого неудовольствія си-
ленъ удержашъ мое стремленіе къ оцущи-
тельнымъ велѣпосшіямъ. Счастлиѡ шотъ,
кто посвящаешъ швоей рѣшимости природную
свою склонность къ исканію истиннаго чело-
вѣческаго блага. — Основательному предпріятію
ненеприсупна возможность обрѣшенія
ослабляющейя истинны предѣ достойными

ея смертными. — А пошѣ уже совершенно блаженѣ, кшо по разрѣшеніи ошѣ заключащей насѣ въ сей жизни бренности вкушаешѣ шеперь въ вѣчности плоды своего повиновенія спасительному швоему суду. — О! совѣсь! крѣпкая подпора моя надежды! ушли мою жажду изѣ источника спасенія, изѣ кладязя воды живыя! — Проспри ко мнѣ свои обѣщанія и заключи въ нихѣ желающаго вѣчно внимашѣ швоему хошѣнію. Я не сомнѣваюсь; чшо гласѣ швой еспѣ гласѣ истинны, доколѣ заимствуешѣ ты свой свѣшѣ ошѣ свѣша освѣщающаго всякаго правовѣрнаго. — я не сомнѣваюсь, чшо языкомѣ швоимѣ, языкомѣ справедливости вѣщаемѣ миѣ самѣ Богѣ, вина всякой спройности. . . . О! неповрежденная совѣсь! буди вѣчно моимѣ душеводителемѣ! и я не пресману шесшвовашѣ по открываемой миѣ шобою спезѣ!

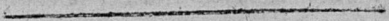
2,

добродѣтель.

О добродѣтель! источникѣ человеческого блаженства! Ты воспринимая человекѣ ошѣ чрева матерня подаешѣ ему млеко жизни, и препровождаешѣ непорочную юность сквозѣ страшныя полчища свирѣпствующихѣ страшей:

стей! подѣ шримъ щиномъ споитъ безвредно
 невинность; ты держишь вѣсы правосудія, съ
 копорымъ вмѣстѣ вѣснися и благо обществѣ;
 ты связываешь сердца и подаешь имъ чув-
 ство небесныя сладости; твой гласъ повелѣ-
 ваешь воину безпрепятно умереть на войнѣ
 за отечество, а въ отечествѣ всякому за-
 чешность. Тщешно порокъ украсися наруж-
 ными знаками счастья, спарается ингда
 подавишь себя; — когда ты и рубищемъ
 одѣнешь свой свѣшъ, но шрепещетъ предъ
 тобою шираниѣ на престолѣ. Блаженъ чело-
 вѣкъ посвятившій тебѣ свое сердце; его
 счастье въ немъ; и сила добродѣтели защи-
 тишь его отъ всѣхъ нападеній форшуны!
 Блаженно то общество, въ кошоромъ добродѣ-
 тель владычествуетъ надъ сердцами, оно
 пребудетъ навсегда непоколебимо, спокойно
 и благополучно. О добродѣтель! дщерь преще-
 драго неба данная земнороднымъ въ залогъ
 Божія благоволенія! да ушвердишя твой
 престолъ въ сынахъ человѣческихъ, и законъ
 твой да будешъ свѣщильникъ и свѣшъ сто-
 памъ ихъ.

VI.

УТРЕННЯЯ ПѢСНЬ.

Міровѣ безчисленныхъ Строишель,
 Внуши пѣснь упренню мою,
 Ты Царь, Господь и Вседержишель!
 Тебя отъ сна воставѣ пою.

Къ Тебѣ я пѣснь мою склоняю
 Благоговѣя къ небесамъ,
 Тебя заупра прославляю
 Твоимъ внимая чудесамъ.

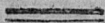
Ты свѣтъ свой всюду разливая
 Природу всѣхъ существъ живишь,
 И руку силы простирая
 Небесные круги хранишь.

Твоею мѣрѣ держимъ рукою
 Несчетны зиждетъ шмы чудесъ;
 Ты правишь тварей всѣхъ судьбою,
 Творецъ земли и Царь небесъ!

Твоя по благость сохраняетъ
 Дни крашкой жизни моя;
 Твой свѣтъ мой разумъ озаряетъ,
 Я весь отъ воли Твоея.

И грусть и радость обрѣшаю
 Твоимъ содѣйствіемъ мой Богъ ;
 Тебя опцемъ я почитаю,
 Хоть благъ явишься ты, хоть спрогъ !

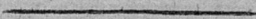
Ты вѣченъ Боже, непремѣненъ,
 Ты Богъ. . . Ты все. . . Ты — Нашъ отецъ,
 Во благости Ты неизмѣненъ,
 Оспрада вѣрная сердець.

Творецъ ! Ты мой и искупитель,
 Тебя заупра я пою,
 Источникъ смысла утѣшитель,
 Тебѣ живомъ мой предаю.

Ты въ испиниѣ мой духъ насшави
 И отъ блужденій опвращай.
 Ты всей моей судьбою прави
 И свѣшомъ упра просвѣщай ;

VII.

МОЛИТВА.

Творецъ мой! я къ Тебѣ любовію горю,
Тебя единого всегда богушворю.

Спятелище твое во мнѣ Тебѣ отверзю,
Созижди въ немъ свой тронъ, да будешь
(свято мѣсто.

Живи во мнѣ мой Богъ, въ душѣ моей живи,
Она хранилище моей къ Тебѣ любви. . . .

Но ахъ! возможно ли ласкать себя надеждой!
Кто внутренность покрылъ приговорною одеж-
(дой,

Въ комъ истинной любви къ Тебѣ, о Боже!
(нѣтъ,

Кто мыслилъ о любви какъ весь развращенный
(сѣтъ. . .

Возможноль призывать тому шого словами,
Кто приглашается едиными дѣлами?

О! испытующій сердечну глубину!

Помилуй грѣшника просни мою вину! . . .

Просни! — я истинну предъ всѣми открываю,
Что я любовію приговорство называю. . . .

Судите: любите ли пошъ челоуѣкъ Творца,
Кто признаетъ его за своего отца,

Не дѣлая припомъ, чего отецъ желаетъ,
Къ чему и долгъ его и совѣсть призываетъ?

Ахъ нѣтъ. . . Онъ знаетъ лишь по имени
(любовь

Но чувство въ немъ сіе не обратилось въ кровь.

Онъ можетъ лишь сказать *любовью пла-*

(*менью*

Любовію дышу, любовію я тлѣю. . .

Но дѣйствія любви не знаетъ онъ совсѣмъ. —

Оно не сходствуетъ съ названіемъ во всемъ . .

Именную любовь и я довольно знаю,

Но *дѣятельной* я совсѣмъ не понимаю . . .

Что я люблю Творца, я всѣмъ это говорилъ

Но какъ люблю? сіе и опъ себя шайлъ. . . .

О живой человекъ! ты зришь по предъ

(*собою,*

Что міръ и плоть всегда владѣющъ надъ то-

(*бою;*

Познай и укрѣпись надеждой на того,

Кто зреть хотѣнія созданья своего,

Кто всѣмъ исправится хотѣющимъ помогаетъ,

Кто *плѣрою* искашь всѣхъ благъ повелѣваетъ.

О Богъ мой! я добру внимаю хочу всегда:

Но исполненія не вижу никогда.

Участвуй, Боже, Ты, участвуй въ семъ

(*хотѣнни,*

Да узриши слѣды любви во исполненіи.

Участвуй миѣ во всемъ; Творецъ! Тебя молю!

Къ Тебѣ взываю я, Тебя всегда пою!

Съ Тобой-я возмогу содѣлашся блаженнымъ

Престану бытъ на вѣкъ грѣху порабощеннымъ.

VIII.

БЕСѢДА

СЪ САМИМЪ СОВОЮ.

Всѣмъ сердцемъ чловѣкъ пыкъ Богу обратися,
 Наружность презирашь разумно научися,
 Оставь сей бѣдный мѣръ, и обрѣнешь покой,
 И царство Божіе Ты узришь предъ собой;
 Блаженство обрѣнешь, что злобнымъ не дается,
 Блаженство оное внутри насъ познается.
 Когда во шьмѣ веществѣ тебя осѣнишь свѣшъ,
 Твой духъ вокругъ себя ничтожнымъ все най-
 (дешъ:

Душѣ швоей тогда пошлешся ушѣшишель,
 Коль въ сердцѣ шь ему содѣлаешь обишель.
 Во внутренности сей онѣ любишь обишашь
 И душу онѣ швою пошщися испыташь,
 Войдетъ въ нее и въ ней пребудетъ онѣ до
 (вѣка.

Такъ внутренняго онѣ, не рѣдко чловѣка
 Въ часы благіе чшишь присушствіемъ своимъ,
 Приносишь мѣръ ему и радуешся съ нимъ,
 Бесѣда сладкая, пріятно ушѣшенье,
 Симъ прекращается душевно возмущенье.
 Отверзи, чловѣкъ, во сердце Богу входъ,
 Внимай: коль радости и благъ его приходъ.
 Когда шь Господа въ себѣ носиши будешь,
 Во омраченіи грѣховномъ шь не будешь,

Ты счастливъ въ бѣдспвіяхъ, въ напастяхъ
(ты блаженъ,

Богатъ въ убоженствѣ, въ презрѣннй возвышенъ,
Въ ничтожествѣ великъ и бывъ рабомъ свобо-
(денъ,

Ты будешь яко Царь, ты будешь всѣмъ до-
(воленъ.

Онъ твой промыслишель, онъ пушеводецъ твой
Ведущій въ пропастьяхъ невидимой рукой!

Не нужны въ помощи безсильны челоѣки,
Съ вождемъ пребудешь симъ безпеченъ ты
(во вѣки

Они измѣнчивы: кто нынѣ другъ тебѣ,
На завтра ты того врагомъ найдешь себѣ.

Слабъ смертный въ силахъ вождь; онъ вдругъ
(оскудѣваетъ,

Но сей швердъ до конца и въ вѣкъ не отступа-
(етъ.

Разумный челоѣкъ! покорносшь окажи;
Все упованіе на Бога возложи,

Оприни суешносшь, оспави всю надменносшь;
На что надѣяться, коль все въ семъ мірѣ
(слабносшь?

Господь да будетъ вѣкъ любовь швоя и страхъ!
Предъ нимъ весь міръ мечта, ничто, и самъ
(ты прахъ.

Кто ты? Откуда ты? Что? гдѣ и какъ родил-
(ся?

Ты странникъ и пришлецъ, гдѣбъ ты ни на-
(ходился.

Во всемъ , что въ мѣрѣ зришь , что естъ во-
(кругъ тебя,

Покоища нигдѣ не сыщешь для себя.

Покоя нѣтъ тебѣ , ты тщетно суешишься ,
Коль съ Богомъ ты тѣснѣй Христомъ не
(сѣдинишься.

Блаженъ , спокрашъ блаженъ священный сей
(союзъ!

Но ахъ ! ты отъ плотскихъ не свободился узъ ,
Еще прельщаетъ мѣръ , еще на все взираешь ,
Пристрастнымъ окомъ всѣ ты вещи пожираешь ,
Ты хочешь все привлечь и преселишь въ себя ;
Но знай , что въ сихъ вещахъ нѣтъ вещи для
(тебя.

Преходишь въ мѣрѣ все , и ты равно преходишь ,
Вселенную сію ты мимо лишь обходишь ;
Не живешь ты ея , ты странникъ въ сихъ мѣ-
(стахъ,

Твое опечесство съ тобой на небесахъ.

Брегись , о человекъ , земнымъ ты не плѣняйся :
Но къ высочайшему ты мыслью устремляйся ,
Трудись , сноси , шерпи , будь постояненъ , швердъ ,
И ты получишь мзду ; швой вождь естъ ми-
(лосердъ.

Когдажъ ты слабъ еще въ трудѣ великомъ ,
(новомъ ,

Ищи спокойствія въ страданіи Христовомъ .
Онъ все переносилъ , онъ раны прешерпѣлъ ,
Однихъ противниковъ , клевешниковъ имѣлъ .
А ты ли съшовашь на бѣдствія дерзаешь ,

И въ смертныхъ лишь однихъ друзей имѣшь
(желаешь?)

Какъ можешь наконецъ награду обрѣсти,
Коль малыхъ ты прудовъ не хочешь понести?
Когда въ недѣйствіи ты хочешь оспаваться,
Какъ можешь ты вѣнцемъ блаженнымъ увѣн-
(чашься?)

Крѣпись, мужествоуй, терпи съ вождемъ своимъ,
Коль хочешь въ небесахъ ты царствовать съ
(нимъ?)

О если бы его позналъ ты совершенно,
И сердце пламенной любви твое лишено.
Когда бы искру сей нашло въ себѣ любви:
Тогда бы новый огонь пылалъ въ твоей крови,
Тогдабъ о выгодахъ своихъ ты не крушился
И большебъ въ бѣдствіяхъ ты духомъ веселил-
(ся?)

Не спалъ бы такъ пещись о счастья всемъ,
Безславіемъ терпѣлъ, и радовалсябъ въ немъ.
— Свободный человекъ и истинны любитель!
Другъ сердца твоего Христосъ есть твой
(учитель?)

Онъ истинну въ тебѣ и силы возродишь,
Онъ безпорядочныхъ страстей освободишь;
Коль чистой волею ты обратишься къ Богу,
Къ блаженству своему ты обрѣнешь дорогу,
Познаешь истинну и будешь просвѣщенъ,
Ты будешь вѣще мудръ, отъ Бога наученъ,
Ондася ключъ тебѣ: — все узришь предъ
(побокъ?)

Но прежде духомъ ты возвысься надъ собою.
Кше

Кто внутренно премудръ, все явно для него ;
 Но онъ въ наружности неизъявипь того ;
 Не уважаетъ онъ наружные предметы ,
 Наружный лоспенъ блескъ ; — но не его по
 (меты ;

Онъ оставляетъ все , такъ какъ дѣла текутъ
 И не препятствуетъ ему наружный трудъ ,
 Ни мѣсто въ томъ ему , ни время не мѣшаетъ ,
 Во внутреннихъ трудахъ ничто не возбраняетъ .
 И естли тако кто въ себѣ расположенъ ,
 Онъ внѣшностию бытъ не можетъ развлеченъ ;
 Всегда наружность насъ шѣмъ больше развле-
 (каетъ ,

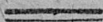
Чѣмъ болѣе къ себѣ вещей кто привлекаетъ .
 О естлибъ чистъ и правъ былъ въ дѣйствіи-
 (яхъ шы всѣхъ :
 Тогдабъ во всѣхъ дѣлахъ благой шы зрѣлъ
 (успѣхъ :

Коль многое себя , о человекъ , смущаетъ ,
 Не нравится себѣ и духъ швой возмущаетъ .
 Ты самъ виновенъ въ томъ ; спокойнѣбъ шы
 (былъ ,

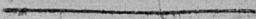
Когдабъ отъ внѣшности себя шы отдѣлилъ ;
 Отпоргни мысль свою шы отъ всего земнаго ,
 И шы почувствуешь въ тебѣ живуще благо ;
 Коль хочешь шы себя блаженнымъ вѣчно зрѣшь ,
 То долженъ шы себѣ и міру умереть .

Ничѣмъ такъ своя душа не омрачаешь ,
 Какъ шѣмъ , коль спросашю шы нечисною
 (пылаешь ;

И ежели шы тварь мѣняешь на Творца ,

Душевному ты не жди мученіямъ конца :
 Но есѣли внѣшнія опвергнешь упѣшенья ,
 То можешь возлещашь въ духовныя селенья ,
 Духовныя мѣры возможешь созерцашь ,
 Въ восторгѣ радостномъ ты будешь воскли-
 (цашь ;
 Тогда съ спокойствіемъ навѣкъ соединишься ,
 Воскреснешь въ новый мѣръ ; — тогда воз-
 (веселишься !

IX.

О Д А.

С м е р т ь .

Владычица всѣхъ смертныхъ рода ,
 Царица шварей всѣхъ земныхъ !
 О смерть ! . . . Созданная природа
 Во узахъ связана швоихъ .
 Все цѣпь швою на выѣ носишь ,
 Все смертная сѣкира косишь ,
 Все , что ни есшь сошворено !
 Что отъ руки швоей избавишь ,
 Что въ жизни сей меня оставишь ,
 Коль все шибѣ покорено ?

Ужасный Свѣтоносецъ мѣру ,
 Плѣнивъ собой свой гордый зракъ ,
 Коснясь чистѣйшему ээиру ,

Разшоргнулъ свѣтъ! — и спалъ бышь мракъ,
 Родился Хаосъ, ночь наспала
 И верхъ надъ свѣтомъ одержала,
 Покрыла бездну ону мгла,
 Родилось зло, и свѣтъ со шьюю
 Сражашься стали межъ собою,
 И брань скончашься не могла.

Такъ въ мысляхъ злосью зараженныхъ
 Онъ мракъ извнушрь себя извлекъ,
 Ошшоргнулъ часть духовъ прельщенныхъ
 И въ шло бренное облекъ.
 Но да приѣмши совершенштво
 Обряцущъ вѣчное блаженштво,
 Возшедь въ небесну паки швердь,
 Да тамо царшвуютъ на вѣки,
 Тѣ духи спали человѣки,
 И къ жизни шой дана имъ смерть.

Съ шѣхъ поръ вселенну ты обдержишь,
 Люциферъ въ мѣрѣ шѣбъ далъ входъ,
 Съ шѣхъ поръ во власти все содержишь
 И пожинаешь смершныхъ родъ;
 Какъ пала оная денница,
 Съ шѣхъ поръ, о смерть, швоя десница
 Предѣлы ешшесшву кладешъ.
 Все зришь пошранно предъ собою,
 Вся шварь раждаешься съ шобою,
 Тобой и гибнешъ и живешъ.

Въ одеждѣ мрака облеченна
 Сидишь ты въ безъизвѣстной мглѣ,
 Звѣздами риза испещренна
 И черныя твои крылѣ,
 Нахмуренно чело и очи
 Являшъ, что дщерь ты мрачной ночи,
 Что страшный Хаосъ твой отецъ;
 Коса въ рукахъ твоихъ являетъ,
 Что жизнь передъ тобою вянешъ,
 Что ты даешь всему конецъ.

Полешъ твой всюду угошованъ,
 Течешъ во все концы земли,
 Престолъ твой въ естество основанъ,
 Спихии вои суть твои.
 Твой скипетръ всюду досязаетъ,
 Державствуетъ, преодогаешъ,
 Творишъ всемъ спрашенъ твой приходъ
 Какъ будто бѣдствие какое. —
 Но что на свѣтѣ ты такое?
 — Отъ жизни къ жизни переходъ!

Когда тобою здѣсь мы вянемъ,
 Не живъ тогда мы переспаемъ;
 Въ другой мы жизни вновь возспаемъ
 Отъ тѣмы ко свѣту перейдемъ.
 Тобой мы смершь, живошворимся,
 Не умираемъ, но родимся;

Окончивъ наше житіе,
 О смерть! Сокровище драгое!
 Ты преселяешь насъ въ другое
 Непреходяще бытіе.

Не къ сей мы жизни сотворенны,
 Она готовишь насъ къ другой,
 Мы въ мірѣ семъ на шо рожденны,
 Прейши чшобъ къ вѣчности драгой,
 Чшобъ здѣсь найши себѣ дорогу
 Отъ міра вознесиши къ Богу;
 Прогнавши тьму, опшряши мракъ,
 Съ творцемъ своимъ соединишься,
 Во свѣтломъ небѣ воцарисься
 И свѣтомъ свой насытишь зракъ.

Тамъ въ щцаніи своемъ успѣемъ,
 Плоды раченій соберемъ,
 Чшо въ жизни здѣшней мы посѣемъ,
 Въ грядущемъ вѣкѣ шо пожнемъ.
 Тамъ почный образъ свой увидимъ,
 Не смерть, но жизнь возненавидимъ,
 Кшора нынѣ насъ плѣнишь.
 Отъ здѣшней жизни все зависить:
 Добро насъ въ вѣчности возвыситъ,
 Зло вѣчно насъ унижитъ.

Блаженство наше здѣсь начашься,
 Свершишьяся долженствуетъ тамъ;
 Дѣламъ небеснымъ поучашься
 Вошли мы въ міръ, сей Божій храмъ;
 Земля есть мѣсто опкровеній,
 Небесныхъ вышнихъ поученій,
 Ведущихъ къ жизни оной насъ.
 Предвѣстникъ вѣчности любезный
 Внушаетъ въ слухъ сей гласъ полезный.
„Послѣдній помни, смертный, часъ!“

Мой духъ! . . . ты можешь восходиши
 Въ мѣста, что населяетъ Богъ,
 Въ сей жизни восхищеннымъ быши
 Къ Творцу, подобно какъ Энохъ!
 Ты можешь! — И о семъ спарайся,
 Проси, ищи, не отвращайся,
 Воспламеняйся симъ огнемъ!
 Коль въ семъ прудѣ не облѣнишься.
 Ты вѣчно съ Богомъ соединишься
 Твой Богъ въ тебѣ, ты будешь въ немъ!

 X.

 ОКВАКЕРАХЪ.

Кнакеръ есть слово Аглинское и значить *дрожащаго*. Такое имя дано сектѣ сей 1650 года Гервасіемъ Венешомъ Дервешскимъ,

скимъ, попому ли, что Квакеры въ собраніи при начатіи поученія слова Божія всеѣмъ шѣломъ дрожашъ, или попому, что основатель секты сея Фоксъ съ единомышленниками своими утверждалъ, что всякому при слушаніи слова Божія должно шрепешать, за подлинно неизвѣстно. Впрочемъ сіе названіе имъ непрощивно, шолько бы въ прямомъ смыслѣ принимаемо было, хотя зъ прочемъ они въ обществѣ своемъ именушъ себя *испопѣзниками, сынами сѣта, друзьями и братьями.*

Начало свое секта сія воспріяла въ шремя, когда Англія, раздираема будучи несогласіями и междуусобною войною, подавала случай неспокойнымъ умамъ явно и безбоязненно по своей волѣ зашѣвать и вводилъ разныя новости въ гражданскіе и церковные законы. Первымъ основателемъ Квакерскаго общества, какъ-шо мы уже выше сказали, почиается *Георгій Фоксъ*, бывшій сапожникъ человекъ Меланхолическаго сложенія, уклоняющійся отъ обхожденія и къ мечшашельнымъ вымысламъ весьма склонный. Въ 1647 году, будучи 23 лѣтѣ, странствуя по нѣкопорымъ провинціямъ проповѣдывалъ онъ о себѣ, что онъ исполненъ Духа Свяшаго и увѣщевалъ народъ внимать гласу слова Божія, въ сердцѣ каждаго вопіющему; послѣжъ несчастной кончины Карла I. когда все гражданскіе и цер-

церковные законы казались бытъ поправными, онъ съ большею еще отважностію началъ распространять свое ученіе. Сбравъ множество обоего пола единомышленниковъ своихъ привелъ онъ въ возмущеніе почти всю Англію, и въ 1650 году предпріялъ даже разрушать церкви, якобы христіанамъ не нужныя и во все безполезныя. За что какъ самъ, такъ и послѣдователи его не однократно пюрьюмою и другими мѣрами наказываемы были.

Въ самомъ началѣ секты сію соспавляли люди по большей часи сумазбродные и суевѣрные; почему и поступки ихъ нынѣшніе ихъ потомки извиняють только, а одобрять и похвалять не осмѣливаются. Ибо многіе изъ нихъ какъ мужчины, такъ и женщины явно учили проповно христіанскимъ законамъ, публичныя богослуженія и священныи чинѣ опвергали; гражданскую власть и законы, какъ будто по непосредственному Божію вдохновенію, уничтожили: словомъ они во все опвергали и свѣтское и духовное правительство: почему и не удивительно, что многіе изъ нихъ за такую дерзость примѣрно были наказаны. Кромвель, будучи ко всякимъ сектамъ благосклоненъ, однихъ Квакеровъ не могъ не ненавидѣть, и когда ни милостями, ни строгостію усмиришь ихъ не могъ: по старался строго наблюдать, чтобы сіе отъ часу

спвіямъ. При Іаковѣ II. Судьба къ нимъ начала бытъ нѣсколько благосклоннѣе, особливо съ 1685 года, чѣмъ они должны *Вильгельму Пену*, славному опправленіемъ возлагаемыхъ на него опъ Короля разныхъ весьма важныхъ должностей. На послѣдокъ *Вильгельмъ III.* примирившій всѣ расколы въ Англіи съ господствующею церковію, дозволилъ и сей сектѣ пользоваться публичною свободою и спокойствіемъ.

Будучи гонимы и утѣсняемы въ своемъ опечествѣ, Квакеры старались разпространить ученіе свое у другихъ народовъ и между ними ушвердить безопасное себѣ пребываніе. На сей конецъ путешествовали они въ Германію, Пруссію, Францію, Италію, Грецію, Голландію, Голшпинію и пр. но по большей части тщетно. По многократнымъ стараніямъ наконецъ Голландцы дозволили нѣсколькимъ ихъ семействамъ у себя поселиться, гдѣ они и понынѣ пребываютъ. Вскорѣ по открытіи, многіе изъ сея секты переселились въ Америку, и въ сей части свѣта къ счастью ихъ удалось имъ ушвердить совершенно безопасное свое пребываніе и свободное опправленіе своей вѣры. Карлъ II. и парламентъ *Вильгельму Пену* сыну Аглинскаго Вице-Адмирала, всшупившему въ секту сію въ 1668 году, въ награжденіе за его и опцовкія заслуги, пожаловали пространную, но тогда еще необра-

Ботаниую, землю въ Америкѣ. Въ сіе новое свое владѣніе спарался онъ переселить значное число изъ своихъ братьевъ, или единомышленниковъ и основалъ тамъ спокойную, во всемъ сбилную и донынѣ процвѣтающую республику, кошорой въ разсужденіи образа ея правленія, законовъ, учреждений и прѣнѣшъ подобной въ новомъ семъ свѣтѣ. Въ ней главное начальство имѣютъ Квакеры, но гражданами принимаюшя изъ всѣхъ сектъ и народовъ, кшо только исповѣдуешъ единое всевышнее существо, промышляющее о мірѣ, и почитаешъ оно не сполько шѣлесными движеніями, сколько добронравіемъ и непорочностію жизни. Сія провинція естъ главная въ числѣ опложившихся отъ Англии шринаццати соединенныхъ Американскихъ провинцій и получила отъ имени своего основателя названіе *Пенсильпаніи*, сполничной же городъ ея называется *Филаделфія*.

При жизни еще Фоксовой, особливо въ 1656, 1661, и 1683 годахъ у Квакеровъ съ противниками ихъ нерѣдко происходили жестокіе споры, хопя не о вѣрѣ, а о нравоученіи ихъ, обрядахъ и другихъ особливоствяхъ; но такіе раздоры вскорѣ были прекращаемы: по смертшижъ Фоксовой, воспослѣдовавшей въ 1691 году, возстали величайшіе раздоры; и распри, кошорыя имѣлъ ученѣйшій изъ Квакеровъ Георгій Кейшъ и дру-

тіе съ своими прошивниками, причинили великія возмущенія. Пенсильванскіе брагья примѣня, что Кейтѣ какъ о всѣхъ догматахъ, такъ наипаче о воплощеніи Христовомъ, неправо мудрствовалъ, ибо онъ утверждалъ во Христѣ два человѣческія естества: одно *небесное духовное*, а другое *земное тѣлесное*, запретили ему учить. Мнѣніе его было бы можеть быть и шерпимо, естли бы онъ не восспавалъ прошиву ученія Пенсильванцовъ, особливо въ томъ, что они всю исторію Спасителя нашего обратили въ Символическое, или иносказательное толкованіе должностей, кои опъ человека перебующа закономъ. Квакеры, въ Европѣ не опровергають истинну бытія Христова на землѣ: но въ Америкѣ, какъ сказывають, опкровенно бытія Христова въ человека не признають. О прѣвнѣ, восставшемъ между Кейтомъ и прочими Квакерами, во многихъ общихъ всей секшы собраніяхъ въ Англіи разсуждаемо было, и наконецъ представлено сіе на разсмотреніе въ парламентъ. На послѣдокъ споръ сей въ 1695 году прекращенъ тѣмъ, что Кейтѣ съ сообщниками своими изъ общества сего былъ исключенъ. Симъ будучи раздраженъ, по прошествію нѣсколькихъ лѣтъ, онъ присоединился къ Аглинской церкви и умеръ ея членомъ. Послѣдователи его долго имѣли приватныя собранія: но нынѣ, естли вѣрить слуху, съ секшою сею примирились.

Ученіе Квاکеровъ по наружности кажешся новымъ, но въ самомъ дѣлѣ не таково. Оно естъ ничто иное какъ древняя оная, такъ называемая, *тайнственная Богословія*, которая извѣстна спала во второмъ вѣкѣ, и которая Оригеномъ была распротранена и введена въ употребленіе. Она, посредствомъ различнаго состоянія и мудрованія людей, дошла наконецъ до нашихъ временъ, въ обширнѣйшемъ только нѣскольکو разположеніи и умноженная слѣдствіями древле непредвидѣнными. И такъ Фоксъ ничего отъ себя не изобрѣлъ и не выдумывалъ, и по, что онъ училъ о *Словѣ*, или *пнутреннемъ свѣтѣ*, почерпнулъ безъ сомнѣнія или изъ книгъ *тайносказателей* оныхъ, коихъ въ Англіи переходило изъ рукъ въ руки великое множество, или изустно отъ кого либо предавашагося оному *тайномуудрію*. Все, что сей грубый и никакимъ свѣтскимъ ученіемъ непросвѣщенный человекъ проповѣдывалъ смѣшенно, *Барклай*, *Кейтъ*, *Фишеръ* и *Пенъ* исправили, вычислили, и привели въ порядокъ, такъ что ученіе его имѣетъ нынѣ хорошую свою систему. И такъ по справедливости, Квاکеровъ должно почитать начальниками *тайномуудростелей*, которые не только основываются на правилахъ таинственной оной мудрости: но припомъ точно знаютъ предметъ, къ которому ведутъ сіи правила,

вила, и что ими требуется, все исполняютъ.

Главный ихъ догматъ, ошѣ котораго всѣ прочіе зависяшъ, есть извѣстный древній таинственнейшей науки стихъ: „ въ душахъ „ человѣческихъ кроется нѣкоторая часть ра- „ зума и естества Божія, или нѣкая искра „ шой премудрости, которая есть въ самомъ „ Богѣ. Сію Божественную искру, бременемъ „ шѣла и мракомъ плоти, въ которой душа „ наша заключена, подавленную и погашен- „ ную, всякъ хощай истиннаго блаженства и „ вѣчнаго спасенія причастникомъ быти, укло- „ нившись ошѣ вишнихъ предметовъ самъ „ въ себя, (или отвлекши ошѣ вишнихъ „ предметовъ мысли внутрь себя,) прилѣж- „ нымъ размышленіемъ и ослабленіемъ вну- „ шреннихъ чувствъ оживишь, возбудишь и „ возпламенишь долженствуешь. — Кшо сіе „ исполнишь, шотъ ощутишь изъ глубины „ сердца своего исходящій неизреченный свѣтъ „ и гласъ небесный, яко непосредственное „ руководство ко всякой истинѣ и несомнѣн- „ ный залогъ соединенія съ всевышнимъ суще- „ ствомъ. „ Божественный сей рода человѣче- „ скаго даръ нарицають они не однимъ име- „ немъ; обыкновенныя его названія суть: *Свѣтъ* „ *Божественный*, *лучъ предвѣчной премуд-* „ *рости*, а не рѣдко и *небесная премуд-* „ *рость*. О таинственномъ бракѣ съ человѣ- „ комъ

комъ сея облеченныя плотию невѣсны и въ-
копорые изъ нихъ поню и высоко мудрствую-
ющъ. Употребишельнѣйшіяжъ выраженія ихъ:
Внутреннее Слово, внутренній Христосъ;
ибо они, по мнѣнію *тайносказателей* и
самаго Оригена, утверждающъ Христа быти
самый разумъ и премудрость Божію, всеже
человѣки по естеству своему имѣющъ въ себѣ
частицу, или искру премудрости Божіей: и
такъ заключающъ они, что Христосъ, или
Слово Божіе во всѣхъ обитаетъ, глаголетъ
и дѣйствуетъ.

Все, что ни примѣчается въ ученіи ихъ
особливаго и удивительнаго, отъ онаго до-
гмата, яко отъ обильнаго источника, про-
исшекаетъ; ибо они утверждающъ: „ поне-
„ же Христосъ во всѣхъ смертныхъ, отъ чре-
„ ва материя рожденныхъ, человѣкахъ оби-
„ таетъ, того ради: (I.) Все благочестіе
„ состоитъ въ томъ, чтобы человѣкъ мы-
„сли свои отъ внѣшнихъ вещей отвлекать,
„ обладаніе чувствъ ослаблять, самъ въ себя
„ входилъ и съ величайшимъ благоговѣніемъ
„ внималъ гласу и побужденіямъ живущаго
„ въ сердцѣ Христа, или *внутренняго спѣ-*
„ *та*. (II) Внѣшнее слово, т. е. Св. писаніе
„ не приводитъ человѣка ко спасенію; ибо
„ буквы и начертанныя слова, яко неодуше-
„ вленные вещи, не могутъ имѣть силы про-
„ свѣщать сердца человѣческія и соединять

„ ихъ съ Богомъ. Св. книги приносятъ ту
 „ полько пользу чшущему, чшо возбуждаютъ
 „ и наставляють сердце его внимашь вну-
 „ шреннему *Слоду*, и приуготовляютъ оное
 „ къ приняшю ученія внушрь Христомъ пре-
 „ подаемаго; или, чшо все одно: Св. писаніе
 „ ешь нѣмый наспавникъ показующій зна-
 „ ками живаго учителя, обитающаго вѣ серд-
 „ цѣ. (III.) Всѣ лишены писаннаго слова,
 „ какъ-шо Варвары, Жиды, Язычники и
 „ Магомешане, лишены полько средства
 „ нѣкоего и пуши ко спасенію, а не самаго
 „ ученія ибо ешьли они обращашь ви-
 „ маніе свое къ внушреннему наспавнику,
 „ учителю и слову, который, молчащу пок-
 „ мо человѣку, не молчитъ: шо отъ него
 „ нужное ко спасенію обильно почерпнуть
 „ могутъ. (IV.) Безпредѣльна убо ешь Цер-
 „ ковь Іисуса Христа, заключающая весь
 „ родъ человѣческой. Ибо всѣ смершныи имѣ-
 „ ють вѣ сердцѣ своемъ Христа обитающа;
 „ и чрезъ него, вѣ какой бы грубости и не-
 „ вѣденіи христіянскаго закона ни обрѣша-
 „ лись, могутъ бышь вѣ сей и будущей
 „ жизни премудрыи и блаженныи: Жиды
 „ ли, Магомешане ли, или язычники, ешьли
 „ полько препровождаютъ жизнь добродѣшель-
 „ ную и воздержную, и здѣсь и вѣ будущей
 „ жизни чрезъ Христа, вѣ сердцѣ ихъ оби-
 „ тающа, пребудутъ вѣ совершенномъ съ
 „ Богомъ соединеніи. (V.) Чшо человѣки не

„ явственнѣ Христу , въ сердцѣ ихъ пребы-
 „ вающа , видятъ и слышатъ , пому весьма
 „ претягиваютъ грубое , дебелое и плѣнное
 „ сіе плѣло , которымъ они облечены : для
 „ сего всемирно пещись должно , дабы соеди-
 „ неніе съ онымъ не разслабило и не распро-
 „ шило силы душевныя , и чувствованіями внѣш-
 „ нихъ вещей не подавило бы во все . Почему
 „ невѣроянно , чтобы Богъ души единожды
 „ изъ темницы плѣши свободенныя , паки
 „ нѣкогда заключилъ въ оную ; что же въ
 „ писаніи о воскресеніи плѣль упоминается ,
 „ по или иносказательно , или о новыхъ небе-
 „ сныхъ плѣлахъ разумѣть должно . „

Все сіе доказываетъ , что ученіе Ква-
 керовъ чуждо Христу пнѣ сущаго и всего
 того , что Христіане о его воплощеніи , дѣ-
 лахъ , спрадани и удовлетвореніи за грѣхи
 человѣческіе , по словамъ Св. писанія , вѣру-
 ютъ ; ибо все ихъ ученіе соспоитъ во Хри-
 стѣ пнутреннемъ , и въ немъ полагаютъ
 они свое спасеніе . Многіе изъ нихъ , какъ-
 то мы во многихъ писателяхъ находимъ ,
 всю Евангельскую испорію о воплощенномъ
 сынѣ Божіи почишаютъ иносказательною по-
 вѣстію о внутреннемъ Христѣ ; и сіе мнѣніе ,
 по свидѣтельству достовѣрныхъ людей , ме-
 жду ними не шло до сего времени не истре-
 билось , но еще въ Америкѣ явно утверждаец-
 ся и повсюду господствуетъ . Европейскіе же

Квакеры, испинною или опасеніемъ будучи убѣждаемы, говоряшъ, что премудрость Божія въ сына Маріина вселися, да въ немъ научитъ родъ человѣческій, и что сей Божественный человѣкъ все то, что читаемъ мы въ Евангеліи, самую вещь шворилъ и шертѣлъ; хотя въ прочемъ о многомъ въ разсужденіи бытія на земли Хрисшова, а особливо о плодахъ шпранія и смерши его, говоряшъ шполь крашко и сомнишельно, что каковы и колики, по миѣнію ихъ, оныя плоды, повяшъ не можно. Также и шайномудршвеннаго онаго шолкованія Евангельской Ишпори они не шшмешаюшъ; ибо они за нужное признаюшъ учитъ, что все то, что со Спасишелемъ нашимъ на земли пожившимъ случилось, ешъ знакомъ и доказательшвомъ шого, что со Хрисшомъ внушреннимъ для спасенія человѣческаго случитъся и можетъ и долженшвуетъ; и шакъ слѣдуя шайношказашелямъ, предшешвенникамъ и учишелямъ своимъ, высокопарными словами, и шонкими выраженіями обшкноленно проповѣдуяшъ о Хрисшовомъ въ сердцахъ Праведниковъ шоплощеніи, пребываніи, шпраніи, смерши, шоскресеніи и пр.

Изъ сего шю начершаннаго нами шшочника шроизошли всѣ ихъ обряды и самый образъ жизни. Хотя они для благочешивыхъ дѣлъ и собираюшся въ шѣже дни, въ кошорые и прочіе Хрисшціане; но не имѣюшъ ни праз-

праздниковъ , ни церемоній , или обрядовъ церковныхъ и никакими правилами , или уставами закона своего не ограничивающъ , поставляя его всего въ почианіи Христа въ душахъ пребывающаго. Поученія въ собраніяхъ говорящъ они по произволению , какъ мужчины , такъ и женщины : ктоже можешъ воспяшишь имѣшь свободу глаголаніи слово браши , человѣку , въ немъ же Христосъ живешъ и глаголенъ? — Молившъ , пѣнія и пр. чѣмъ публичныя прочихъ Христіанъ собранія ошличающся , они не принимаютъ : ибо не шощъ , говорящъ они , истинно молишся , кто сердечныя свои чувствованія и желанія красносложенными словами изъясняетъ ; но шощъ который собравъ въ себя помышленія свои и ошвелши оныя ошъ всѣхъ внѣшностей , углубляешся въ единомъ Богѣ , всегда въ немъ пребывающемъ. Также они не креспящъ приемлемыхъ въ ихъ законъ , ни же совершающъ шаинство Св. вечери въ воспоминаніе смерти и благодѣяній Христовыхъ : ибо оба сіи шаинства , по миѣнію ихъ , суть установленія Іудейскія , Спасителемъ для того только принятыя , дабы видимымъ нѣкимъ образомъ изобразишь и какъ бы глазамъ предшавишь въ крещеніи шаинственное душъ очищеніе , а въ свяшой вечери Божественное душъ насыщеніе.

Нравоученіе ихъ , кажется , съ лишкомъ шпрого и заключаешся почти въ двухъ поль-

ко сихъ правилахъ: (I.), „Всего того, что
 „увеселяшь и въ душѣ удовольствіе, а въ
 „чувствахъ услажденіе произвеси можешь,
 „надлежишь или во все убѣгать, или, есш-
 „ли по всеѣмъ еспешивеннымъ законамъ оп-
 „нюдѣ избѣжать того не возможно, по пра-
 „виламъ разума и размышленія упопрелять
 „умѣренно и воздержно, дабы не помрачить
 „души, копорая по елику должна бышь един-
 „ственна вперена въ послушаніе гласа и ве-
 „лѣній внушренняго Учишеля; шо во пер-
 „выхъ надлежишь спарашься, чшобы она
 „союзомъ плоти и наслажденіемъ внѣшнихъ
 „вещей не была опѣ того опвлечена. (II.)
 „Не прилично сообразовашься съ общенарод-
 „ными обычаями. „ Опѣ сихъ-шо правилъ
 происходитъ, что ихъ съ одного виду и
 поведенія пошчасъ узнашь можно. При встрѣ-
 чѣ шляпы они ни передъ кѣмъ не снима-
 юшъ; ласковыми и учпивыми словами ни ко-
 го не привѣстивуюшъ: чиновнымъ и начальни-
 камъ ни шѣлодвиженіями ни пишупованіемъ
 почшенія не свидѣшельствуюшъ; жизни, здо-
 ровья, чести, имѣнія опѣ нападенія и обидѣ
 не защищаютъ; ни въ чемъ не клянущся и
 не присягаютъ, никогда не судятся и въ
 обидахъ не просятъ; сверхъ сего оплича-
 юшъ себя опѣ всеѣхъ осанкою, поступками,
 рѣчью, самымъ просшымъ одѣяніемъ, суро-
 вою пищею и пр. словомъ сшрогою и презвою
 жизнию. Но нынѣшніе Квакеры, особливо Ан-
 лин-

линскіе, ошѣ строгости правилѣ сихѣ довольно, сказывающѣ, опшпустили и прилѣжа къ купечеству, часто и ошѣ ученія предковѣ своихѣ непринужденно уклоняются. Также примѣнно, чшо многіе изѣ нихѣ исповѣданія своего, преданнаго имѣ ошѣ предковѣ, въ почности не разумѣющѣ.

Вѣ началѣ Секта сія никакого правленія и подчиненности не перпѣла: но по времени руководители ихѣ, усмотря, что общество безѣ начальства и безѣ своихѣ законовѣ никоимѣ образомѣ спояшѣ и инвердымѣ бышѣ не можешѣ, учредили особливья собранія старшихѣ братьевѣ, которые разсуждающѣ о случающихся сомнѣніяхѣ и замѣшательствахѣ и рѣшатѣ оныя, бдяшѣ о прекращеніи вредныхѣ обществу пошупокѣ, надзирающѣ за нравами и поведениемѣ братьевѣ, строго смотрятѣ за брачными союзами, вѣдающѣ о родившихся и умершихѣ; разсмашривающѣ поучительныя слова, даже и вѣ другихѣ мѣстахѣ сочиненныя, прежде нежели они предложены будущѣ народу къ рожденію вѣ душахѣ просвѣщенія; ибо когда усмотрено, что многихѣ нескладныя и странныя поученія разлили на всю секшу ненависть и посмѣяніе: шо сѣ шѣхѣ порѣ не позволяется уже всякому безѣ разбора лицѣ и мѣста, какѣ-шо было прежде, проповѣдовашѣ къ народу. Вѣ знашнѣйшихѣ

собраніяхъ , особливо въ Лондонѣ , опредѣлены нарочныя особы , коимъ однимъ поручено учить народъ , въ случаѣ естли изъ числа собравшихся не явится достойный желающій наставникъ брѣтїи ; и сіе для того , чтобы собраніе безъ слушанія слова Божія не разходило въ дома свои щещно. Правда дальней нужды они въ помѣ и не имѣють , ибо они собираются не для того , чтобы слушать *пнѣшняго учителя* , но чтобы внимать гласу *пнутренняго* ; или , какъ они обыкновенно говорятъ , *пходитъ пь самихъ себя* : но какъ безмолвныя сіи бесѣды подали непріятелямъ поводъ къ разнымъ клеветамъ и насмѣшкамъ , то нынѣ за небольшое награжденіе опредѣляются у нихъ особливые проповѣдники. У Лондонскихъ Квакеровъ бываетъ ежегодно за недѣлю до праздника пятидесятицы сборное всеобщее собраніе , или церковный ихъ сеймъ , на который спешающа опѣ всѣхъ прочихъ собраній Депутаты ; и тутъ-же разсматриваютъ и рѣшатъ всѣ случающіяся важнѣйшія дѣла , касающіяся до всего ихъ Ордена. — Квакеры понынѣ жалуются на различныя дѣлаемыя имъ припѣненія , что случается съ ними пошому , что они опрекаются опѣ плашежа подашей.

XI.

О таинствахъ Цереры Элепзинской.

Во время величайшаго народнаго суевѣрїя, которое едва не преобратило родъ человѣческій въ жестокосердыхъ звѣрей, одно спасительное учрежденіе возпрепятствовало части людей погрузиться въ совершенное невѣжество и звѣрообразность; я говорю объ установленныхъ таинствахъ. — Между полкиимъ множествомъ невѣжествующаго народа были еще мудрые и крошкіе умы; были еще такіе философы, которые старались вернуть людямъ разсудокъ и воздѣлать ихъ нравственность.

Сии мудрецы самое суевѣрїе употребили средствомъ къ исправленію вкравшихся гнусныхъ злоупотребленій, подобно какъ употребляютъ сердце ящерицъ къ излеченію отъ ихъ жала; многіи басни смѣшали они съ полезными истинами, и истины сохранились единственно чрезъ сокрытіе ихъ въ баснословіи.

Неизвѣстны намъ таинства Зороастровы, мало также знаемъ мы и объ Изидиныхъ; но мы не можемъ сомнѣваться, чтобы они не заключали въ себѣ высокнхъ понятій будущей жизни; какъ-то видно изъ сихъ Цельсовыхъ

совыхъ словъ къ Оригену (кн. 8.) о христіянахъ: *пы зналитесь, что пы пѣрите будущей жизни, пѣчному наказанію и пѣчной наградѣ; но и псѣ спященноудѣстпующіе пѣ таинствахъ не позпѣщали ли того поспященнымъ пѣ онья? И пр.*

Единство божества составляло великій догматъ всѣхъ таинствъ; мы видимъ по изъ молишвы Изидиныхъ священницъ, копорую сохранилъ намъ Апулей, и копорая соспоитъ въ сихъ словахъ: — *Тевѣ служатъ небесныя силы, адъ Тевѣ покоренъ; пселенная есть шаръ, катящійся пѣ Тпоей десницѣ; ноги Тпои попираютъ тартаръ; звѣзды попинуются Тпоему гласу; времена проходятъ и позпращаются Тпоемъ манопеніемъ; стихіи покорстпуютъ Тевѣ.*

Обряды въ таинствахъ Цереры были подражаніемъ таинственнымъ Изидинымъ обрядамъ. Вступая въ сіи общества должно было раскаяшся, признашся въ своихъ порокахъ и принести жершву; надлежало постипшся, очищашся и раздавать щедрія милосшныи! всѣ обряды содержаны были въ тайнѣ, и всякъ къ тому кляшвенною присягою обязывался, дабы чрезъ то оныя сохранены были въ большемъ уваженіи. Таинства отправлялись въ ночное время, для вдо-

жновенія священнаго ужаса. Присущивующимъ при семъ представляемы были нѣкотораго рода трагедіи, и сіи зрѣлища извѣяляли благополучіе праведныхъ и мученія грѣшныхъ. Великіе въ древности люди, Плашоны, Сокрашы и Цицероны превозносили похвалами сіи общества, когда оныя не потеряли еще прежней своей чистоты, правосудія и непорочности,

Нѣкоторые ученѣйшіе мужи доказывали, что шестая книга Виргиліевыхъ Энеидъ есть ничто иное, какъ изображеніе того, что происходило, на сихъ споль славныхъ и споль скрытыхъ зрѣлищахъ. Въ самомъ дѣлѣ Виргилій не говоритъ шуть о Деміургѣ (который представлялъ Творца) но показываетъ въ предхрамїи, т. е. выводилъ на театрѣ дѣшеі ославленныхъ опцамъ; и это было извѣщеніемъ ихъ опцамъ и машерамъ. *Continuo audita voces, vagitus et ingens etc.* Пешомъ выходилъ Миносъ судія мертвыхъ. Злые низвергаются въ шартаръ, а праведные опводятся на Елисейскія поля. Это были сады, споль прекрасныя, что ничего не можно было вздуматьъ лучше для обыкновенныхъ человекъ; ибо честь, восходилъ на небо, опдавали они однимъ шокмо Героямъ, или полубогамъ, т. е. которые рождены были, или происходили отъ Боговъ, хотя сіе можетъ быть и въ особливомъ какомъ смы-

слѣ разумѣть должно. Всѣ вѣры приняли садѣ жилищемъ праведныхъ, такъ что когда Иессеане въ Израильскомъ народѣ приняли догматъ грядущей жизни, то и они полага-ли, что добродѣтельные по смерти отходятъ въ сады на берегу моря: чпсжѣ касается до Фарисеевъ, то они принимали преселеніе душъ, а не воскресеніе; да и самое понятіе, какое обыкновенно имѣемъ мы о раѣ, упоминаемомъ споль часто въ вѣпхомъ и новомъ заѣштѣ, подтверждаетъ сіе всеобщее согласіе всѣхъ Религій.

Элевзинскія шайнства учинились всѣхъ славнѣйшими; примѣчанія при семъ достойно то, что оныя принимали начало Санхоніапонова Боговъ родословія (*); чѣмъ доказываеишя, что и Санхоніапонъ исповѣдовалъ единого верховнаго Бога, Создателя и Правителя міра. Сіе то ученіе преподавали они вшайнѣ посвященнымъ своимъ, воспитаннымъ въ вѣрѣ многобожія; что сокрывашъ было для нихъ необходимо. Возобразимъ себѣ между нами какой нибудь суевѣрный народъ, привыкшій съ младенчества своего опдавать Апостоламъ, мученикамъ и святымъ равное съ Богомъ почитаніе, неопасно ли будетъ за-

(*) Санхоніапонъ древнѣйшій Финикійскій Исторіографъ; о немъ сообщено будетъ послѣ.

захотѣть вдругъ општоргнуть его отъ сего предрасудка и извесни изъ заблужденія. И не гораздо ли разумнѣе поступлено будешъ, когда откроемъ мы сперва разсудительнѣйшимъ и умѣреннѣйшимъ людямъ безконечное разстояніе между Творцемъ и шварями. Сіе-шо всегда точно наблюдали Мистагоги. Участвующие въ шаинствахъ собирались въ храмъ Цереринъ и Іерофантъ ихъ научалъ, что вмѣсто обожанія Цереры давшей Тришолемъ запряженную драконами колесницу должно почитать Бога питающаго человѣковъ, и благоволившаго, чтобы Церера и Тришолемъ ввели земледѣліе въ уваженіе.

Справедливость сего свидѣтельствуешъ и то, что Іерофантъ прочитывалъ имъ и сіи стихи древняго Орфея: *шестпуй по пути истинны, чти единого Господа поселенныя; онъ есть единъ, и единъ отъ себя; всѣ существа ему должны споймъ вытѣмъ; онъ дѣйствуетъ въ нихъ и чрезъ нихъ; онъ все шидитъ, но самъ никогда не былъ шидимъ отъ очей смертныхъ.*

Ученый Епископъ Варбуиншонъ сколь ни несправедливъ часто въ смѣломъ и рѣшительномъ утвержденіи своихъ мнѣній, однако и онъ подшверждаетъ все сказанное мною о нуждѣ скрывать догмашъ единства Божія отъ на-

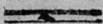
рода зараженного предразсудкомъ многобожїя. Плущархъ повѣствуетъ, что когда Алкиадъ допущенный къ присуществованію при отправленіи таинствъ, бывши въ бесѣдѣ между своими друзьями, вѣдая ложность многобожїя, началъ Меркуріевой смѣяться спашуфъ, то народъ взволновавшись собрался и требовалъ, чтобы онъ за сіе былъ судимъ по законамъ въ оскорбленіи Божества и наказанъ примѣрно.

И такъ нужно тогда было, наблюдать величайшую скромность, дабы не пропустить предразсудка поликаго множества невѣжествующихъ. Самъ Александръ получивъ позволеніе отъ Іерофанта Египетскихъ таинствъ открытъ машери своей тайну посвященныхъ, не преминулъ тогда заклинать ее, чтобы она получивъ его письмо, по прочтеніи, сожгла оное непременно, дабы какимъ нибудь случаемъ попадши въ руки кому нибудь письмо сіе не разгласилось и не ожесточило бы Грековъ.

Тѣжъ, кои обманувшись ложною своею ревностію думали, что сіи общества были не другое что, какъ совѣшъ развратныхъ и распутныхъ людей, обманывались въ томъ по одному предразсудку о словахъ *тайна* и *таинство*; а иные о словѣ *посвященный*, *initiatu*, ибо сіе значить человека начавшаго новую жизнь.

Несомнительнымъ доказательствомъ по-
 му, что сіи таинства устанавлены были
 для насажденія въ людей добродѣтели, слу-
 живъ также и принятое ими слово, по ко-
 торому распускали они собраніе. У Грековъ
 при семъ случаѣ употреблялись сіи два древ-
 нія Финикійскія слова: *Ксфъ Омфеть*,
Бодрстцуйте и будите чисты. Наконецъ,
 послѣднее явное доказательство есть то,
 что, сколько ни великъ былъ погда для
 свѣта Императоръ Римскій, сколько ни спра-
 шенъ былъ Неронъ: однако онъ въ путеше-
 ствіи своемъ въ Грецію никакъ не могъ
 получить принятія въ таинственныя обще-
 ства, и санъ его, не поколебалъ посвящен-
 ныхъ допустить къ тому убійцу своей ма-
 тери и законопреступнаго злодѣя.

Итакъ можно утвердительно сказать,
 что и у шѣхъ народовъ, которыхъ называемъ
 мы язычниками, идолопоклонниками, пога-
 нами и въ самое то время когда приняты
 были гнусныя обыкновенія, ребяческія обря-
 ды и смѣшныя ученія, и когда часто проли-
 вали кровь человѣческую въ честь Богамъ,
 были такіе люди, которые сохраняли чистую
 вѣру; и сія чистая вѣра состояла въ при-
 знаніи бышя единого Бога верховнаго Вла-
 дыки, всяческаго Его промысла, провидѣнія и
 правосудія. Естьлижъ что въ сихъ таинствахъ
 снраннымъ показаться можеть, то сіе есть,

по повѣствованію Тершуллианову⁷, обрядъ ихъ возрожденія. Посвящаемому надлежало возродиться т. е. предсавишь, будшо бы онъ воскресаетъ и сіе было у нихъ символъ новой жизни, копорую должны они были предприняшь. Ему подавали корону, но онъ повергалъ ее къ своимъ ногамъ и попиралъ ее, Іерофантъ подиявъ держалъ надъ нимъ жертвенный ножъ и дѣлалъ видъ, бушдшобы имъ его заколаешъ; посвящаемый съ своей стороны упадалъ на землю; послѣ чего онъ воскресалъ.

Павзаній сказываешъ намъ, что во многихъ Элевзинскихъ таинственныхъ обществахъ кающійся посвящаемый билъ себя бичемъ и другія прешерпѣвалъ мученія; но сіе ужасное обыкновеніе долгое время было въ употребленіи и въ Христіанскихъ церквахъ. Я не сомнѣваюсь чшобы и во всѣхъ сихъ таинственныхъ обществахъ имѣвшихъ споль благія и мудрыя основанія не вкрадывались послѣ какія либо предосудительныя суевѣрія. Суевѣріе ввело развращенность, а сія навлекла презрѣніе. Но шаконъ почти обыкновено бываешъ конецъ всего, что ни было священнаго на сей извѣстной намъ половинѣ земнаго шара.

XII.

Обхожденіе съ самимъ собою.

Величайшее и драгоцѣннѣйшее преимущество, которымъ человекъ можетъ хвалиться, есть преимущество быть человекомъ. Какія чудеса спекаются въ насъ! Всѣ мудрецы онымъ удивлялись! Нѣкоторые, коихъ понятія ограничиваются веществомъ, и шѣмъ, что подвержено чувствамъ, утверждаютъ, что мы сложены изъ пятой и весьма тонкой стихіи; другіе же хотѣли поставить насъ между Богами. Тѣ обращаются къ чувственнымъ предметамъ, для описанія существа неподверженнаго чувствамъ; а сіи полагаютъ глупую свою суебность на мѣсто своей души. Не должна ли же душа смѣяться спраннымъ и суевѣрнымъ начертаніямъ, чинимымъ отъ большей части мудрецовъ о ея существѣ и свойствахъ? Тщешно разсматриваетъ она различныя картины различныхъ вѣковъ, на которыхъ намъ она представляется: она не можетъ познать себя на нихъ, и лучшіе списки ея примѣчаемые въ рукахъ нынѣшнихъ метафизиковъ исполнены несовершенствъ.

Мы не найдемъ въ философическихъ системахъ души таковою, какова она въ самомъ дѣлѣ. Разнообразность мнѣній о ея существѣ ея распространяетъ надъ нею

великую мрачность. Еспли мы имѣемъ намѣреніе, найши душу: то должны искашь ея въ ней самой; но сіе изслѣдованіе пребуешъ совершеннаго опвлеченія отъ шѣлесныхъ предметовъ, спрасшей и предразсудковъ. И самая малѣйшая часть вещества, хопя бы она была и шонѣ воздуха или огня, должна бытъ здѣсь опдалена. Душа не смопря на союзъ съ шѣломъ столь же мало имѣешъ сродства съ сею частью вещества, какъ и съ шюю, копорая находипся въ средопочіи земли. Опшѣ можетъ увѣришь насъ въ сей истиннѣ. Сколь часто случалось намъ, какъ будшо бы мы оставляли свое шѣло, и видѣли его простершо по земли, возлѣшавшимъ между шѣмъ мыслямъ нашимъ съ неукропимостію къ безконечному существу, или прошекавшимъ сей проспранный кругъ земной. Находяпся нѣкопорыя положенія, и нѣкопорыя шаспливья минушы опвлечающія насъ невольнo отъ всѣхъ наружныхъ предметовъ, и поспановляющія насъ выше предѣловъ звѣздныхъ. Тогда совсѣмъ не беретъ душа съ собою чувствъ; она удерживаетъ шолько чувственныя понятія и склонности, отъ копорыхъ совсѣмъ не можетъ освободипсья. Во многихъ случаяхъ жизни люди не чувствуюшъ ни жару, ни спужи, или по крайней мѣрѣ они получаюшъ весьма слабое впечатлѣніе отъ ихъ присудствія. Плывучи медлѣнно по срединѣ рѣки, легко забываемъ мы всякое

кое другое чувствованіе; кажется, что тѣло подвигаясь съ водою впередъ составляетъ съ оною одно существо. Душа одна, кажется, сплывуется по поверхности водъ, и занимаешься одною только собою.

Когда мы разсматриваемъ съ удивленіемъ красоту цвѣтовъ, когда принимаемъ въ себя запахъ пріятныхъ благовоній, когда внимаемъ стройности звуковъ: то сіе бываетъ дѣйствіе любви ощущаемой нами къ своему тѣлу. Душа, въ большемъ состояніи съ нами сроднившись, споль же мало имѣетъ нужды въ сихъ наружныхъ вспомогательныхъ средствахъ, какъ и въ пищѣ, и во снѣ. Она позволяетъ веществу прохлаждаться и питаться потребными къ сему средствами; а не то должно бы было утвердить, что частички хлѣба мѣшающіяся чрезъ вареніе желудка съ кровью, превращаются въ часть души, и что они слѣдовательно заключаютъ, выдумываютъ разные чертежи, и предписываютъ законы.

Водимые спрасными своими нѣкоторые люди тщетно употребляли стараніе, выставить нѣкоторыхъ живописныхъ соперниками челоука, и утвердить, что они въ состояніи спорить съ душою въ приличествующемъ ей уваженіи. Но могутъ ли сіи образованныя смѣщенія земли, сіи животные, выдержатъ

съ силами. Она безпрестанно сообразуется требованіямъ шѣла; она играетъ въ дѣтствѣ, учится въ юношесствѣ, разсуждаетъ въ мужескихъ лѣтахъ, и покоится въ старости.

Не смотря на всѣ сіи угожденія, душа оспиается всегда ревностна къ своимъ правамъ, и поступаетъ такимъ образомъ, что ее не можно промѣнять на шѣло. Она позволяетъ намъ познавать его величину и силу, разсуждаешь объ оныхъ, и примѣчаешь власть свою въ приведеніи ея въ движеніе приказаніями своей воли. Когда голова у насъ и сердце кажутся способными къ познаванію и чувствованію: по происхожденію сіе отъ того, что первая есть единственная часть шѣла нашего, въ которой соединяются всѣ наши чувства, и что послѣднее есть средоточіе круговаго теченія крови.

И такъ душа среди насъ есть, какъ бы повелительница, которой все должно повиноваться. Чувства наши подобно какъ ея прислужники должныствующіе исполнять ея повелѣнія и способствовать ея довольству; они обязаны охранять къ ней входы, и удалять возмущеніе спрасшей и предрасудковъ. Еслили они не всегда наблюдаютъ сію обязанность: по происхожденію сіе отъ того, что душа имѣетъ несчастную участь большей части правителей, которыхъ подданные

ные иногда сполькоже невѣрны, какъ и неблагодарны.

Владычество души являешся не только во власпи, кошорую имѣешъ она надъ тѣломъ; всѣ науки, всѣ законы, доказывающъ право ея на прошедшее, настоящее и будущее. Прекрасное и великое свѣтшозданіе не имѣешъ въ себѣ ничего, чѣмъбы сіе только духовное существо могло бытъ оковано, существо представляющее само себѣ пространства до безконечности, и не ужасающееся при воззрѣніи на вѣчность. Время не можешъ оказашъ суровости своей надъ нашею душою. И среди всеобщаго паденія и гибели твореній насъ окружающихъ, она не можешъ удержашся, чшобъ не гордишся своимъ безсмертіемъ. Не для нее введены были мѣсяцы, годы, вѣки: онабы ихъ никогда не знала, ешльибъ не надлежало ихъ знашъ ей для тѣла. Всѣ роды со временемъ преходяшъ, всѣ спѣшатъ къ смѣшенію со землею, изъ кошорой они происходятъ; а между тѣмъ душа юношески всегда цвѣтушщая не спрашшися никакого исплѣнія. Можешъ преиши природа, шѣо наше можешъ обратишся въ пыль и прахъ: но никакая гибель и плѣніе не можешъ постигнушь духа неспособнаго въ себѣ и по себѣ самомъ ни къ какому разрушенію.

Вашъ испинны сами по себѣ увѣришельныя. Такъ, не смощра на спрасши насъ обу-
рева

ревающія, и чувственныя предметы, между которыми мы обращаемся, человекъ долженъ самимъ собою знать изящество своей души. Самые тѣ, которые хотятъ учинить ее веществомъ, обыкновенно каждую минуту признаютъ ея достоинство; возвышая славное швореніе, или удивляясь Геройскимъ подвигамъ, они придають душѣ нашей превосходство. Самые понкія, и оспроумныя заключенія, которыми они стараются обезсилить духовное существо души, не служатъ ни къ чему, кромѣ показанія изящества души. Они доказываютъ только, что они неблагодарны, и вопъ всѣ ихъ доводы.

Мы имѣемъ столь великое понятіе о душѣ, что не можемъ снести, чтобъ насъ презирали. Какія чести и выгоды ни имѣетъ человекъ въ свѣтѣ: однакожъ почтетъ себя несчастливымъ, еслии другіе не мыслятъ объ немъ славно и преимущественно. Душа для того соединена съ веществомъ, что человекъ будучи поставленъ въ тѣлесномъ свѣтѣ долженъ былъ получить духовное существо, котороебы способно было возносить его къ всевысочайшему, и припомъ тѣло, посредствомъ котораго онъ могъ бы чувствовать и видѣть окружающіе его предметы. Безъ тѣла онъ былъ бы въ сей проспранной вселенной слѣпъ и глухъ; безъ души онъ уподоблялсябы скошамъ не знающимъ ни нача-
ла

ла своего, ни конца, которыхъ механическія дѣйствія можетъ быть не большія чудеса, какъ и движенія растѣній.

Точное и чудное соединеніе сихъ обоихъ существъ приводитъ человѣка въ состояніе, вопрошаетъ себя самого, вопрошаетъ всѣ существа, разсуждаетъ, соединяетъ, и производитъ въ дѣйство. Благородное упражненіе, щастливая работа, заслуживающая предъ всѣми другими преимущество! Чюно намъ нужды, имѣть точное описаніе души? Безспорно гораздо лучше имѣть понятіе о душѣ нашей, а не опредѣленіе оной. Намъ бы надлежало устремлять вниманіе свое на изящество и духовность души съ тѣмъ единственно намѣреніемъ, чюобъ пріобучить людей къ чувствованію безцѣнныхъ своихъ преимуществъ. Естественнo, чюно начинается по знакомствомъ съ тѣми, съ которыми вступиши въ подлинное соединеніе; и мы находимъ скоро въ общеніи съ душою нѣчюо шакое, чюно возвышаетъ насъ поверхъ обыкновенныхъ нашихъ мыслей, и заставляетъ чувствовать все достоинство разумнаго существа.

Сколько пользы ни можетъ имѣть открытое общество: однакожъ часто не имѣетъ ничего своею цѣлью, кромѣ временныхъ знаній, земныхъ склонностей, и малозначущихъ вещей; напрошивъ шюго внутреннее сообщеніе
сб

съ самимъ собою приглашаетъ насъ къ драгоценнымъ предметамъ. Душа занимающая мѣсто между Творцемъ и тварью, и невидящая надъ собою ничего, кромѣ высочайшаго существа, а подъ собою ничего, кромѣ тѣлѣ, обращается естественнo къ первому, и покидаетъ другія. Къ направленію склонности ея на другую дорогу, надлежитъ употребить весьма сильныя средства.

Да не станемъ сему удивляться! Творецъ создавшій душу къ познанію своему и любви, имѣетъ цѣлью, чшобъ она вступала съ нимъ въ бесѣду, и требовала бы того, чего ей недостаетъ; а естли онъ часто ей не отвѣчаетъ: то хочетъ онъ ее наказать чрезъ сіе за излишнее прилѣпленіе къ тварямъ. Сообразно уставленному порядку сему душа учится, въ глубочайшемъ молчаніи своего разума, наукѣ спрашивать и чувствамъ невѣдомой; она поучается въ должности своей, и находитъ средства къ достиженію благополучія, которое бы не основывалось на разсвѣяности, или своенравіи.

Естли мы печемся о внутреннемъ бесѣдованіи съ самими собою; то не имѣемъ ли въ себѣ самихъ превосходнѣйшаго общества? Плодовитая сила воображенія возноситъ насъ превыше сего вещественнаго свѣта; разумъ нашъ улучшается, чѣмъ больше приближаетъ
ся

ся къ безконечности; воля наша съ неукротимостию порываетъ насъ къ высочайшему благу; наша память занимаетъ насъ прошедшими приключеніями.

✓ Я нахожу въ себѣ самомъ превосходнѣйшія средства къ занятію себя достойнымъ образомъ. Цѣлой свѣтлостью развертывается предъ глазами моего духа. Въ одну минушу пропекаю я всѣ государства, всѣ времена; самыя усопшіе лежащіе во гробу нѣсколько тысячъ лѣтъ, кажутся выходящими изъ своихъ страшныхъ жилищъ, и спановящимися окрестъ меня. Я вижу Ариштошеля, Платона, Александра, Цесаря, и изъ ихъ сочиненій и дѣлъ, кошорыя я изъ чтенія помню, я начертываю себѣ ихъ изображеніе, и представляю духу своему, какъ одушевленные. Едвали бы достало моей жизни на описаніе множества предметовъ, кошорое въ нѣсколько минутъ произвешти можетъ сила воображенія, или моя память. Нѣтъ красоты въ свѣтѣ, кошорой бы не превзошли далеко понятія наши. Мы почти всегда находимъ, что чудныя дѣла какого либо государства гораздо меньше изображеній нами обшомъ сдѣланныхъ. Разсудимъ изъ сего о сокровищахъ, кошорыми въ себѣ мы обладаемъ!

Безъ сомнѣнія многіе достойные мужи, побуждены бывали преимуществвомъ обхожденія

денія съ самимъ собою, оставлять сообщество людей. Капонъ часто хвалился, что онъ никогда споль мало уединенъ не бывалъ, какъ когда бывалъ одинъ. Диогенъ скрывшись въ свою бочку думалъ, что найдешь гораздо больше дѣла въ самомъ себѣ, нежели гдѣ индѣ. Нѣкоторый славный мудрецъ признавался опровержено, что чѣмъ чаще бывалъ онъ между людьми, тѣмъ меньше возвращался человѣкомъ. Другіе гораздо сихъ превосходящіе живутъ уединенно въ разсѣлинахъ спремнистыхъ утесовъ, не имѣющъ другой книги, кромѣ пверди, другаго раздѣла времени, кромѣ печенія солнечнаго, и думаютъ, что душа ихъ можетъ замѣнить имъ всякое другое общество:

Да и въ самомъ дѣлѣ, что находимъ мы обыкновенно въ обращеніи въ свѣтѣ? Людей, которые кажутся единственно съ тѣмъ намѣреніемъ собирающіяся каждой день, чтобъ души свои лишить ихъ достоинства, слѣдовать суетностямъ и прельщаться заблужденіями. Вы видите ихъ взадъ и впередъ бѣгающихъ, собирающихъ все спра-
спы, и наконецъ послѣ многихъ стараній и работъ нѣчто производящихъ, что называется баломъ, комедією, или компанією. Не должна ли душа, размысливъ о себѣ самой, гнушаться такихъ глупыхъ попеченій чело-
вѣческихъ, такихъ ничего не значащихъ ма-

лосшей, такихъ дѣшскихъ ребячествъ? Если она извиняетъ ихъ, которые занимаются шѣмъ иногда: то должна напрошивъ того оплакивать нечувствительность другихъ, поспавляющихъ оное главѣшшимъ своимъ упражненіемъ.

Что свѣшъ называетъ новостями, для ушей привыкшаго къ обхожденію съ самимъ собою, не имѣетъ никакихъ привлекательныхъ прелестей. Хотя онъ и научился почитать себя гражданиномъ свѣша и другомъ чело-вѣческаго рода: однакожъ не знаетъ другихъ важѣшшихъ новостей, какъ только открытіе новой истины, или исправленіе заблужденія. Симъ образомъ душа доставляетъ себѣ благородное и полезное упражненіе. Мудрые опъ природы склонны достигать обладанія сего сокровища, а всѣ прочія попеченія они оспавляютъ суешности множества.

Мы обыкновенно не довольно размышляемъ о важныхъ предметахъ. Еслилижъ сіе иногда и дѣлаемъ: то сіе бываетъ только по случаю. Часно мы ходимъ довольно далеко за полезнымъ совѣшомъ, а можемъ найти его въ себѣ самихъ. Когда наши спраски и предразсудки молчатъ: то можемъ мы слышать справедливой и вѣрной судъ души. Сіе внутреннее прорицалице поговоритъ, можетъ быть, съ нами лучше, нежели учитель ложной

ной науки, занимающей насъ только суешными ошвѣтами. Да и для чего намъ всегда жить чужимъ добромъ, когда каждый изъ насъ обладаетъ въ себѣ неизчерпаемымъ источникомъ богатства, когда признаемъ себя недоспойными, призываешь на помощь постороннюю руку, и чинимъ се, когда мыслимъ посредствомъ другихъ.

Сколько ни заслуживаешь уваженія шѣ, которые всегда чипаешь, и всегда просяшь у другихъ совѣта: однакожь я не могу просить имъ, говоритъ Боссюэшь, неумѣренности въ чпеніи и желанія брать убѣжище къ рѣшенію другихъ. Да научатся они употребленію изъ души своей и да чшутъ ее первою книгою, которую имъ надлежало чипать, и превосходиѣшимъ совѣшникомъ, котораго должно слушать. Симъ образомъ возпаряшь они превыше узкихъ предѣловъ земнаго свѣта; они будутъ разсуждать о прошомъ, безконечномъ, вѣчномъ существѣ: они увидяшь исчезающею въ глазахъ своихъ великость свою, дѣло ихъ суешности, и найдутъ въ себѣ покой, котораго обхождение съ людьми не могло доставить.

И такъ кажется, что мы переходимъ изъ одного свѣта въ другой, когда предаемся удовольствію обхождения съ самимъ собою. Тихо-Браге не давалъ шѣлу своему сна,

путешествовалъ невольно къ самымъ звѣздамъ, и система его о небѣ и землѣ были единственно дѣйствіе душевныхъ его силъ.

Душѣ столь же существенно всегда мыслишь, какъ и солнцу свѣпшишь. Нѣтъ никакого успокоенія ея мыслямъ, и еспьли оное мы кажется примѣчаемъ; но сіе происходитъ отъ того, что мы не хотимъ здѣлать между скоропоспѣжными и разсудительными мыслями никакого различія. Въ обхожденіи съ самимъ собою, рѣдко случився, чтобъ мы имѣли скоропоспѣжныя мысли. Мы столь сродны къ размышленію, что всегда завидуемъ благополучію тѣхъ, которые живутъ въ уединеніи. Въ уединеніи каждой человѣкъ Царь; онъ судитъ, рѣшитъ все, или молчитъ, какъ неограниченной Государь; онъ испытываетъ, прерываетъ свои изысканія и начинаеть ихъ снова по своему благоразсужденію. Память его сохраняетъ вѣрна все, что ей ни поручается, и еспьли онъ приказываетъ силъ воображенія повеселить себя; она ему повинуется.

Не можно сыскать въ человѣческомъ родѣ счастливѣйшихъ опкрытій, какъ тѣ, кой здѣланы въ сердцѣ. Человѣкъ въ состояніи цѣнитъ по надлежащему свои склонности, помыслы и вождельнія. Не слышимъ ли мы нѣкопрыхъ философовъ опредѣляющихъ, въ

какомъ степени обладающъ ими склонности и пожеланія, какія свойства ихъ нрава и что ему прошивно? Обхожденіе съ самимъ собою научаешъ насъ, въ чемъ всѣ люди между собою подобны, въ чемъ между собою различны, и какое впечатеніе имѣешъ въ нихъ книмаешъ, ихъ состояніе и воспишаніе. Можно пошомъ легко разсуждаешъ, что здѣлаалъ бы сей и тотъ человекъ при сихъ, или такихъ обстоятельствахъ: приключенія и случаи могутъ точно быть предвидимы.

Естьлибы сіе внутреннее обращеніе съ самимъ собою было между людьми употребительнѣе: то бы мы имѣли превосходныя доказательства, могущія служить основаніемъ политическихъ предсказаній, мы бы могли извлекаешъ особенныя выгоды великихъ и важныхъ чертежей къ основанію государствъ и къ содѣланію народовъ счастливыми; мы бы спали сравнивать Героевъ, настоящее съ прошедшимъ, проицаешъ въ будущее и видѣешъ, какъ произвешти въ дѣйство величайшія предпріяшя; мы бы спали удивляешся высокимъ умамъ, предсказывавшимъ опдаленныя вещи, какъ то Тацитъ предвидѣалъ несчастіе воинственной Европы; словомъ мы бы нашли новыхъ Архимедовъ, которые могли бы посредствомъ зрительныхъ трубъ отккрыешъ самыя неизвѣстныя предметы, а можетъ быть и свѣшъ, каковъ онъ есть въ самомъ дѣлѣ.

Обхожденіе съ самимъ собою содержитъ челоуѣка въ любви къ самому себѣ, ему сродной; мы бываемъ премногими малыми средоточіями, которыя всѣ относятся къ Богу, великому и всеобщему средоточію. И такимъ образомъ можно сказать, что живущій въ самомъ себѣ, спойнѣ на высотѣ и видимъ подъ ногами своими цѣлое мірозданіе. Сіе состояніе не есть но, что называютъ гордостію, но есть благородное возвышеніе изящества души нашей достойное.

ХІІІ.

КРАТКІЯ РАЗСУЖДЕНІЯ.

І.

Полный мѣсяцъ.

Сей мѣсяцъ есть изображеніе свѣта, потому что мѣсяцъ столько же переменчивъ. Онъ переменяется всегда, и одинакожъ способенъ еще къ переменѣ. Каждый день онъ является опмѣнно опъ дней предъидущихъ и послѣдующихъ, и кто не примѣнитъ, что и свѣтъ точно таковъ же, еслили онъ обращается въ немъ, или издали его разсматриваетъ?

Сколько многіе люди дѣлаютъ себѣ планы, пишутъ великія надежды, и стараются достигнуть послѣдней цѣли своихъ желаній.

желаній: но поспешенно несутъ, какъ и полной мѣсяцъ, ущербъ; или сіяніе ихъ также помрачается, какъ и сей мѣсяцъ, при внезапномъ зашмѣніи. Кто наблюдаетъ состояніе своего собственнаго города, шотъ можешъ примѣнить, какъ онъ перемѣнялся въ немногіе годы. Въ одномъ мѣстѣ цвѣшетъ торговля, и оно обращается въ жилище благополучныхъ обитателей, и ряды пышныхъ зданій! Въ другомъ дѣлается прошивное, пошому что нѣкоторыя жилища его переселяются; а прочіе остаются, чтобъ бѣднѣе и содержать еще гораздо бѣднѣйшихъ себя.

II.

Прогулка въ лѣсу.

Колебаніе листа представляетъ легчайшее движеніе и страхъ помятаго сердца. когда листъ находится на нѣжномъ шпелѣ, тогда подверженъ онъ каждому воздушному движенію; и строеніе его таково, что онъ удобно движется, но не удобно можешъ оторваться. Хотя самое дерево споитъ неподвижно, однако листъ дрожитъ безпрестанно. Такимъ же образомъ колеблются и слабыя духомъ, а особливо прусливые и испуганные совѣстію. Счастливы тѣ, кои, свободны будучи отъ страха, основаны на камнѣ вѣры, и какъ ушвердившія-

ся въ землѣ корень , споятъ неподвижно на
камнѣ спасенія.

Блаженъ человекъ , коего душа плѣнена
правовѣрными размышленіями о могуществѣ ,
мудрости и обѣщаніи Божіемъ , и который
каждую сошворенную руку почитаетъ огра-
ниченною , и сравниваетъ съ изсохлою рукою
Іероваама , хотѣвшаго простерть оную проши-
ву пророка въ Веилѣ , а въ поже самое вре-
мя признаетъ , что въ Господѣ силъ вѣч-
ная крѣпость и защита его достоянія.

III.

М о р е .

Море есть изображеніе вѣчности , посто-
му что не только не можно изчислить въ немъ
капель и песка на берегахъ его ; но и по-
тому , что оно поглощаетъ всѣ рѣки . Та-
кимъ же образомъ и сей ужасной зѣвъ , къ
которому всѣ мы спѣшимъ , получаетъ еже-
дневное приращеніе , и однакожъ остаётся
еще пространство для цѣлыхъ народовъ . Хо-
тя родъ человеческой и весьма различенъ
между собою по лѣтамъ , богатству и даро-
ваніямъ : однакожъ всѣ сочлены онаго въ
помѣ другъ другу подобны , что находятся
въ безпрестанномъ движеніи , и сіе движеніе
приближаетъ ихъ къ вѣчному ихъ сосоянію ;
здѣсь нѣтъ никакого Іордана , который бы
споялъ

стоялъ неподвижно, или обратно бы шекъ къ своему источнику. Дня имѣющее опъ роду шолько малое число дней, или лѣшъ, подобно той рѣкѣ, копорой истокъ я вижу: но копорая въ минушу пропадаетъ, обѣщая предъ шѣмъ пользу и пріятность, какъ напрошивъ сего другая прошекаетъ чрезъ сіе же мѣсто, совершивъ въ пуши множество вершъ, напоивши многіе городà, и упучнясь опъ многихъ ручьевъ. Образъ челоука пожилаго.

Хотя же сей и прешерпѣлъ весьма многія перемѣны, совершилъ премногія дѣла, прожилъ больше лѣшъ, нежели большая часть другихъ людей, больше можетъ рассказать церковныхъ и государственныхъ произшествій, нежели всѣ его сосѣди, и наконецъ одинъ стойшъ, кажется, среди гробовъ своихъ современниковъ; однакожъ вскорѣ по семъ поглощаетъ и его море вѣчности.

IV.

Ж а т п а.

Сколь долго рожь, копорую я шеперь съ радостію вижу наливающуюся, подвержена была опасности и гибели? Какую шягошную зиму она должна была перенести. Казалось ли въ иное время солнце лелѣющимъ ее въ теплыхъ иѣдрахъ своихъ: по въ другое морозы, казалось, умерщвляли ее,

пронзительнѣйшія бури нападали на нее, и непогоды казалось угрожали ей гибелью; плесень замыкающей ее былъ весьма слабъ, для удержанія ногъ, могшей потопшашь ее, и жадныхъ челюстей, хотѣвшихъ пожрать ее: однакожъ она устояла, даже до сего веселаго дня. Симъ образомъ она кажется представляешъ наследника славы. Сколь много-различны и жестоки бывающъ его спраданія! Господь любилъ его, но сколь таинственна Божеская любовь? Онъ опредѣлилъ ему небесный вѣнецъ, и однакожъ онъ кажется, какъ Давидъ послѣ помазанія, быть изгнанцемъ! Но зима нужна, поселянинъ сказываетъ, что безъ морозовъ долженъ онъ спраться худой жашвы. — Не могутъ ли и многіе люди обративъ взоръ вспяшь на пупи провидѣнія, воскликнуть съ Царемъ пѣснопѣвцемъ: по дѣломъ наказалъ еси мя? Не могутъ ли они помыслишь, что восстающее въ нихъ высокомѣріе укрощаемо было приличнымъ искушеніемъ? Не должны ли они попері своей въ свѣтѣ называть лучшею своею прибылью? Не научилаеь ли душа ихъ основательнѣе разсуждашь и тверже любить, а долгая распройка ихъ не произвелаь въ нихъ большей опытности? Не произошлиь они отъ твари, когда познали свою суешность и примѣшили, что они сосудъ скудельной, и не приведеныь къ тому, чтобъ возлагать упованіе свое на Господа?

V.

Болезнь.

Говорить о смерти, и въ самомъ дѣлѣ приступать къ оной, двѣ различныя вещи, Узрѣшь вѣспника, какъ пристава идущаго отъ всеобщаго суди, сперва вдали, но попомѣ приближающагося скороспѣшными снопами и съ опверстымъ повелѣніемъ въ одной рукѣ, а съ мечемъ въ другой, и видѣшь грядущихъ по снопамъ его жадный гробъ и вѣчной судѣ, сколько же различно между собою, какъ и ужаснухся при видѣ живописнаго льва, а попомѣ зрѣшь его приближающагося съ пламенными очами, и слышатъ ревъ его.

Я вспоминалъ часто торжественнымъ образомъ о смерти и важныхъ ея слѣдствіяхъ, когда провождалъ лежащихъ во гробѣ друзей, или примѣчалъ страшное приближеніе сего спрашилища изъ препещущихъ членовъ, потупленныхъ очей и скорбнаго лица моихъ знакомыхъ, или когда по случаю видѣлъ сосѣда, несомата въ его долговременное жилище, или усматривалъ на кладбищѣ невоырышую могилу, или согнившія кости, или раздробленной черепъ, или слышалъ вѣщающій смерть колоколъ.

Я получалъ чрезъ то часто случай больше помышлять о смерти и вспоминалъ изреченіе

ченіе одного Епископа, что шо не большая погрѣшность, еспьли каждыя похороны почиташь собственными своими.

Но сколь велико различіе между оными и послѣдними смертными размышленіями? Я видѣлъ прежде смерть, только издали и въ половину, теперь же вижу непосредственно и вблизи. Свѣтъ, поражавшій прежде глаза мои, унодоблялся ушрениемъ сумеркамъ; но теперь имѣлъ онъ великое сходство съ ослабляющимъ полдневнымъ блескомъ. Душа моя пробудилась. Какъ билось мое сердце! Дыханіе мое, сокращенное лихорадкою, почти забывало возвращаться назадъ, будучи испускаемо моимъ носомъ, подобно какъ странникъ останавливается на пути при чудесномъ предметѣ, имъ не ожидаемомъ.

Еспьлибъ было возможно вкоренить размышленія мои въ людей и вещи: шо были бы можешъ бышь лавки за неимѣніемъ покупщиковъ заперты; и выгоднѣйшіе и величайшіе чины, за копорыми многіе весьма ревностно гоняются, не нашли бы совсѣмъ искашелей себѣ.

Величайшіе города были въ глазахъ моихъ домики шелковыхъ червячковъ; прудящія ихъ жишели подобились обществу муравьевъ, и драгоцѣннѣйшія сокровища не больше для меня важили ячменнаго зерна.

Весе.

Веселые чувственные люди были для меня спрекозы поднимавшія презрительный и плагоспный шумъ и провождавшія весьма крапкую и скоро увядающую жизнь. Князей я называлъ свѣпящимися червями, копорые свѣпящъ шолько для находящихся во мракѣ, но показывающся въ видѣ презрѣнныхъ несѣкомыхъ, когда озаряетъ ихъ лучъ вѣчности.

VI.

Послѣдній судъ.

Наспаетъ по повелѣнiю въ небесномъ судилищѣ пишина, и сколь сiе ужасно. Все тихо, какъ полночь: но блиспанiе того величественнѣе полдневнаго свѣта. Кого зовешъ Ангельскiй гласъ! Миѣ мнился, я слышалъ произнесенно мое имя. Не миѣ ли надлежитъ появисья предъ судiею цѣлаго земнаго круга? Душѣ моеи спановисья прискорбно. Но почто препенещь ты мое сердце? Оспринь сей ужасъ; укрѣпись прошиву сего препенанiя. Сiе шоль страшное зрѣлице послужитъ къ полному шроему ушѣшенiю. И такъ я возвышу главу свою съ радостiю. Сильный доводъ ушѣшительный, что я не по дѣламъ буду судимъ; прошивное родило бы ужасъ, пошому что совѣсть моя сказываешъ миѣ, что я преступалъ тысячу разъ; и слѣдовашельно не осталось бы никакого мѣста для

милос-

милосердія, хотя бы искашь онаго со слезами. Но Евангеліе будетъ правиломъ, по которому я буду судимъ. Евангеліе мною принятое, къ которому я прильпился, будетъ основаніемъ моего приговора.

Колико поржесшвуешъ милость въ семъ приговорѣ? Колико блаженны шѣ, надъ которыми Искупишель нашъ произноситъ такой приговоръ? Сколь благословенны шѣ, которыхъ благословляетъ Сотворшій небо и землю? Слова человѣческія льстивы и часто обманчивы. Хотя они и показываютъ добрую волю однакожъ часто подобны непереннымъ стрѣламъ падающимъ подлѣ цѣли на землю, не подкрѣпляющей ихъ никакой силѣ. Когда же благословляетъ шотъ, при милосивомъ взорѣ коего радостно восклицаютъ Ангели, и поржесшвуютъ лики Херувимовъ и Серафимовъ; то я долженъ совершенно быть доволенъ, и дерзаю не спрашивать ничего.

VII.

Б а б о ч к и.

Примѣчающіе рачительно бабочку въ ея перемѣнахъ опкроушъ можетъ быть въ томъ подобіе воспанія изъ мертвыхъ вѣрующаго. Бабочка спитъ, пока продолжается ея среднее сосшояніе, безъ всякаго знака жизни;

но потомъ пробуждается, и воспаетъ изъ своего гроба, и является со всѣмъ другимъ живошнымъ. Она была прежде червь и неприятный имѣла видъ, шеперь имѣетъ крылья, блискаетъ прекрасными цвѣтами и уже летаетъ. Къ какому духовному размышленію не можетъ возбудить такое явленіе?

Гробъ для жившихъ богоугодно есть одрѣ. Тѣло, какъ поденщикъ, соверша день свой, на ономъ успокоивается; шупъ лежитъ оно безъ всякихъ трудовъ, безъ болѣзни; не бываетъ больше жилищемъ безпокойства, сообщающимъ и душѣ свои тягости: но ожидаетъ подъ смотрѣніемъ небснаго ока разсвѣта того дня, который будетъ несравненно величественнѣе весны превратившагося несѣкомаго. Колико переменится естество шѣла и обновится жизнь его? По приближеніи и милоспивомъ вліяніи Солнца правды, оно приметъ крылья, воспанетъ, пріобщится къ святымъ собратіямъ своимъ и возблискаетъ въ недовѣдомомъ и непреходимомъ величествѣ.

XIV.

О Д А.

Гордость.

Престань, о смертный, возносишься
 Земнымъ величешвомъ своимъ,
 И знай, что можешь прекратишься
 И жизнь, всего дражайша, съ нимъ.
 Богатшволь многое имѣешь
 И тѣмъ безъ препета владѣешь,
 То все сіе есть тлѣниѣ и прахъ:
 Красы швои, какъ цвѣтѣ, увянутъ
 И всѣ сокровища предстанутъ
 Поспылыми въ швоихъ очахъ.

Пускай владѣтель кшо вселенной;
 Но чтожъ? Онъ пошъ же человекъ.
 Его составъ тѣлесной тлѣниной
 И онъ имѣетъ равной вѣкъ
 Съ тѣмъ, кшо и въ хижинѣ убогой
 Въ бѣдахъ приводитъ вѣкъ свой спрогой,
 Лишенный помощи ошъ всѣхъ,
 Ошъ голоду изнуреваетъ,
 Прибѣжища нигдѣ не знаетъ
 И никогда не ждешъ утѣхъ.

Хотя сказаць и неприлично,
 Чтобъ равныхъ всѣхъ имѣлъ сей свѣтъ,
 Не духъ: но быше различно,
 Въ кошоромъ смертный всякъ живешъ

Душа безсмертна существуешъ
 И шѣмъ однимъ изобразуешъ
 Всѣхъ равенство между собой.¹
 Хоть жизни нашей нишь прервется,
 Душа безсмертной остаешся
 И видъ непошеряешъ свой.

Едину всѣхъ вещей содѣшель
 Границу смертнымъ положилъ.
 Убогой, нищъ ли, иль владѣшель,
 Какогобъ званья кто ни былъ,
 Одной подвержены судьбинѣ
 И къ люпой дней своихъ кончинѣ
 Богатство, щастье ихъ минешъ,
 И бѣдность также прекрашися
 Всякъ долженъ будешъ шамъ явишся;
 Гдѣ взыщешся дѣламъ опчешъ.

Гдѣ будущъ всѣ ровно судимы
 Гдѣ пышность слава, всяка чешъ
 Не лицемѣрно будущъ зримы,
 Гдѣ изгнана на вѣки лешъ.
 Монархъ вселенной, рабъ и воинъ
 Явишся, кто чего достоинъ,
 Тотъ примешъ по своимъ дѣламъ.
 За дѣйствія безчеловѣчны
 Мученія прешерпяшъ вѣчны,
 За грѣхъ оправдъ не будешъ шамъ.

Творящіе дѣла согласны
 Съ закономъ Божиимъ всегда
 Утѣхи узрятъ повсечасны
 Не узрятъ смерти никогда,
 Вселяшся въ тѣ мѣста небесны,
 Гдѣ промыслъ вышняго чудесный
 Обильну благодать ліетъ.
 Гдѣ горы горнихъ силъ витаютъ
 Гдѣ всѣ награду получаютъ,
 Гдѣ блещетъ невечерній свѣтъ.

Представъ тѣхъ въ древности героевъ,
 Лавровымъ вѣнчаныхъ вѣнцемъ,
 По жавшъ оныхъ славныхъ боевъ
 Ужасныхъ земнороднымъ всѣмъ,
 Спрашилась коихъ вся вселенна
 Ихъ сильной мышцѣ покоренна,
 Когда ихъ мечъ, лишь гдѣ сверкнетъ,
 То тамъ безъ кровопитной брани
 Съ подданствомъ приносили дани
 Народы сильны, цѣлой свѣтъ.

Кудажъ сокрылася ихъ слава! —
 Не зримъ уже мы оной въ нихъ.
 Померкла сильная держава
 Какъ дымъ оспалась память ихъ,
 Какъ сонъ, вся слава исчезаетъ,
 И яко роза увядаетъ;
 Но добродѣтель въ мѣкѣ живетъ,

Пускай ее порокъ и гложетъ ;
 Но испребитъ никакъ не можетъ ,
 Предъловъ ей во вѣки нѣтъ .

Престаньте смертные гордиться
 Всевышней се гласитъ Господь :
 „ Вамъ должно почто утвердиться ,
 „ Что вы ничто какъ брэнна плоть
 „ Добро предметомъ поставляйте ,
 „ И въ ономъ въ жизни успѣвайте ,
 „ Являйте сыромъ кропкѣй судъ ;
 „ Они представъ на судъ мой правы
 „ Изобличатъ всѣ ваши нравы ,
 „ Ко мнѣ обиды вознесутъ .

XV.

Г И М Н Ъ

Богинѣ судьбы.

Бога сильна на Олимпѣ
 Дщерь отъ вѣка нерожденна ,
 Самодержица народовъ ,
 Самодержица ихъ рока ,
 Щастья нашего богиня ,
 Благъ причина и напасей !
 Все въ объемлющемъ зѣирѣ
 Посреди міровъ блестящихъ
 Тамъ , гдѣ звѣзды не мерцаютъ ;

Гдѣ громады вокругъ вершятся
 Звонъ согласный составляя
 Дивной седмиспрунной лиры,
 Безднамъ гдѣ предѣлъ положенъ,
 Гдѣ опецъ швой шронъ имѣешъ,
 Въ лучезарныхъ неба сводахъ,
 Въ свѣшлу ризу облеченна
 Въ златѣ чистомъ и лазури
 На престолѣ златовидномъ
 Ты въ совѣшъ нерожденныхъ
 Предъ Тобой въ опверстой книгѣ
 Пишешъ жребій челоуѣкамъ.
 Мощная Твоя десница.
 Лавры съ пальмами даруешъ,
 Обновляешъ намъ шрофеи
 И въ совѣшахъ помогаешъ.
 Корабли Тобой безоурашны,
 Презирая непогоды,
 Бури, бездну и пучины,
 Разсѣкая въ морѣ волны
 Дерзскій въ Поншѣ бѣгъ пріемлюшъ.
 Легкая надежда наша
 И крылаты ожиданья
 Предъ Тобой, какъ пылъ предъ вѣшромъ,
 То подѣмляшся на воздухъ
 Въ небеса, вѣясь, взлѣтаюшъ,
 То мгновенно исчезаюшъ
 И паденьемъ Фаешионша
 Низвергающся къ Харону
 Дней въ сомнишельномъ шеченни
 Нѣшъ надежныхъ прорицалищъ;

Ношь судьбины челоуѣковъ
 Пасмурнымъ лицемъ взираешъ,
 Седмичный мракъ сей ночи
 Свѣшъ ума не проникаешъ.
 Здѣсь ошважности продерзской
 Всѣ намѣренья безсильны,
 Сильными судебъ богами
 Въ нихъ смѣшеніе чинишся.
 Часо жребія власпитель
 Бѣдспвенной душѣ даруешъ
 Безнадежные успѣхи.
 Такъ пловець дрожащій въ бѣдствѣ
 Бурей въ бездну низвергаясь,
 Какъ сѣкиръ мрачной смерти
 Выю онъ гошовъ подвергнушь
 И гошовъ пріяшь во страхъ
 Промысла опредѣленье:
 Вдругъ пловца шого печали
 Наспаешъ конецъ нежданный;
 Прекрашилась непогода,
 Прекрашилося свирѣпство,
 Бурны вихри душъ престали
 И корабль онъ свой мгновенно
 Зришъ въ пристанищѣ спокойномъ.
 Ты то бѣдство опврашила,
 Ты, богиня, насъ спасаешъ,
 Приими нынѣ сіи пѣсни,
 Что младенецъ воспѣваешъ.
 Спройный гласъ Тебѣ приличенъ,
 Спройный гласъ ему несвѣдомъ;
 Ты воспѣшь ему велѣла,
 Ты сей пѣсни даруй плавность.

XVI.

О Д А

Вечеръ.

Свѣшло дневное скрываетъ
 Лучи свои во влажный Поишъ ;
 По всюду черна шѣнь вступаетъ
 И мракомъ кроетъ горизонтъ.
 Покоишъ смертныхъ умъ и очи
 Заря предшественница ночи
 Взошла , и съ нею пищина
 Пріосѣниши всю вселенну
 На твердь звѣздами изпещренну
 Свѣститъ сребрисная луна.

Текущихъ водъ струи прозрачны
 Крутяся во своихъ берегахъ ,
 Узрѣвъ природы образъ мрачный
 Явившися на всѣхъ мѣстахъ ,
 Прервавши громкое журчанье
 Пріемлютъ на себя молчанье
 И какъ бы печь перестаютъ.
 Тварей въ водахъ различны роды ,
 Узрѣвъ спокойствіе природы
 На дно для опдыха идутъ.

Тогда жемчужною рососою
 Кропящая роши и берега ;

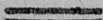
Она цѣлуясь съ пищиною
 Возводитъ взоръ свой на луга,
 По всюду влагу разсыпаетъ
 Цвѣшны и травы осѣняетъ
 И всѣ растѣнія поитъ:
 Сей влагой ихъ наполнивъ жилы
 Возстановляетъ прежни силы,
 И жизненной даетъ имъ видъ.

Паспухъ помимый дневнымъ зноемъ
 Узрѣвъ вечерній холодокъ,
 Любуется драгимъ покоемъ
 Забывъ на время свой рожокъ
 Въ объятіяхъ паспушки нѣжной
 Сонъ видитъ сладкой безмяшежной.
 Пріятно провождаетъ ночь.
 Дотолъ онъ съ одра не вспрынетъ!
 Доколъ дневный свѣтъ невзглянетъ
 Гонящій сонъ и грезы прочь.

Покой внимая повсемѣстный
 Премѣну все явило въ мигъ
 Листы незыблюшя древесны
 И дерзновенный вѣщрѣ ушихъ.
 Скрываетъ зѣбрь свой видъ свирѣпый,
 Идетъ въ безмолвные вершепы
 Желая сладость сна вкусить.
 Змія собравши ядъ опасный
 Идетъ въ расщѣлы горъ ужасны
 Нощное время проводитъ.

Полетъ свой въ роци проспираешъ
 Садясь межъ частыхъ вѣтвѣй,
 Пріятны пѣсни прерываешъ
 Пѣвецъ весенній соловей
 Препяшствѣ не видя ни ошкуду
 И слыша шишину повсюду,
 Вкушаетъ сладоспный покой,
 До тѣхъ поръ сонъ его продлился;
 Пока свѣтъ дневный неявился
 Гонящій ночи мракъ съ росой.

Вечерне ощутивши время
 Свой дневный оспавляютъ прудъ,
 Въ успахъ неся пріятно бремя
 Съ ужасной скоросью шекушъ
 Шполбомъ вѣясь веселы пчелы
 Въ свои устроены предѣлы
 До утра удержиашъ полетъ,
 Дабы собравши силы новые
 На розы и лиски лавровые
 Сосашъ, нападши, съ оныхъ медъ.

Оставивши чертогъ подземный
 Лешитъ Морфей несущій сонъ;
 Одѣянъ во одежды немны
 И мракъ густый его виссонъ
 Въ глазахъ его мечпы и грезы
 Веселье кажуци иль слезы,
 Или пріятную любовь

Не рѣдко онъ во снѣ раждаетъ
 Что душу нашу восхищаетъ
 Или мушкетъ отъ страха кровь.

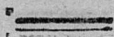
Въ сей часъ вечерній молчаливый,
 Когда сама природа спитъ
 Орашай угобзивши иивы
 Съ веселіемъ въ свой домъ спѣшишь.
 Се зришь семью благословенну:
 Обѣмлетъ выю всякъ содбенну
 Его, отъ зною и работъ
 Десницу всякъ его лобзаетъ
 И слезы съ радостью являетъ
 Зря почелу шекущій пошъ.

Что духъ его превожитъ можешь?
 Незнаешь онъ суетъ градскихъ
 Достоинствъ блескъ его не гложетъ
 И онъ не видитъ нужды въ нихъ.
 Онъ зришь себя въ желаньяхъ вольнымъ
 Спокойнымъ, веселымъ; довольнымъ.
 Блаженъ назвашься можешь онъ
 Бѣды смущенія напаси.
 Или пагубоносны спраси
 Прервашь его возмогушь сонъ?

Онъ вмѣсто возвышенна дома
 Хоть въ бѣдной хижинѣ живешь.

Хошя диванъ его солома
 И пусть сребра и злата нѣшѣ;
 Но онъ щасливѣе почменся!
 Того, кто шолько и печешся
 Роскошно провождашь свой вѣкъ.
 Сей жизнь проводитъ лишь спокойно,
 Сего весьма назвашь достойно,
 Чшо онъ счастливой человекъ.

На проиѣ щастія и славы,
 Гдѣ лешь едина присѣдитъ
 Среди ушѣхи и забавы,
 Седящій тако въ сердцѣ мнитъ.
 „ Ликую я въ блаженной часни
 „ Возмогушъ ли когда напасни
 „ Мое блаженство прекрашитъ.
 Но ты щасливымъ въ вѣкъ не будешь
 Когда лишь шолько шо забудешь;
 Чѣмъ щастье можно ушвердитъ.

XVII.

О с е н ь .

Се осень сѣрая къ намъ нынѣ наступила!
 Уже во множествѣ осеннихъ мокрыхъ щучь
 Бѣжитъ порывчиво съ полночи бурна сила,
 И солнцевъ шмитъ съ полденъ просперный

(косо лучь.

За

За осенью на льдахъ спѣшишь зима сѣдая:
 Но мерзлый паръ ее *духъ Божій* распочинъ;
 И улыбнется вдругъ пошомъ весна злая,
 А лѣто красное за нею пролетитъ.

Спѣтонъ! и къ намъ пришла сей жизни
 (осень крашкой.
 Гдѣ та *песна*; когда вѣ насъ дѣтскій жаръ
 (горѣлъ?
 Какъ жаль, что бабочка возгла вѣ тебѣ
 (огнь сладкой!
 Ты вѣ кустъ за ней бѣжа, схватишь ее успѣлъ.

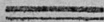
Тутъ былъ ты мотылькомъ, шумъ серд-
 (це пламенѣло;
 Но *лѣто* младости, жаръ новой принося
 На красныхъ крыліяхъ къ тебѣ тогда лешѣло;
 Ты бросивъ бабочку, за счастьемъ погнался.

Ты огнь любви смѣнилъ, и молнію пуская
 Къ воспоргу всѣхъ гремѣлъ ты славою своей,
 И будто бы орелъ, самъ громъ ее внимая
 Ты паче возпарилъ спарался надъ землей.

Но ты не зналъ, еще что счастье вихрь
 (игривый.
 Волнуетъ море онъ; однакъ невеселись,
 Что мещетъ онъ тебя за облака бурливы,
 Онъ полумертваго тебѣжъ низвержетъ вѣ низъ.
 Бу-

Бушуетъ онъ въ лѣсу; онъ дубъ съ хол-
 (ма хватаетъ
 И съ корнемъ рветъ его, пуская дикой свистъ:
 На сосну онъ напалъ: но чтожъ самъ поги-
 (баешъ?
 Она расшетъ въ долу, и цѣлѣ въ ней каждый
 (листвѣ.

Слѣтонъ, лишь ты узналъ своей нешвер-
 (досшь славы,
 То осень мужескихъ дней вдругъ къ тебѣ
 (пришла.
 — Не воздыхаешь ли, что внѣшни всѣ забавы
 И лѣшній жаръ въ тебѣ весь осень пожрала!

Слѣши пожашъ поля — — се плодъ:
 (они родили!
 Я чаю, клалъ весной ты въ сердце сѣмена.
 И пещеры бабочки въ кустъ Миртовъ неманили.
 Но гдѣжъ плоды! гдѣ тѣ злая времена.

Несчастный! се теперь тебѣ уже постыли
 Зашъи міра! — — зри, какъ глубоко лежатъ
 Морщины на челѣ, и — — какъ они немилы.
 Нѣтъ — ихъ усмѣшкою красочки не спрямятъ.

Твоя невольная улыбка отвѣчатъ
 Не шакъ, какъ прежде, имъ — — въ
 (иней идешь ты кругъ,
 Не

Но несцени, что жаръ твой прежній исчезаетъ;
 Днесъ долженъ чувствоватъ жаръ къ вѣчности
 (твоей духъ.)

Озрись, ее за побой стоишь дрожа отъ холода
 И въ пылъ полчешъ жезломъ ша дряхлая зима,
 Что серебришь власы у земнородна чада!
 Тогда всѣ наши дни покроетъ скучна пьма.

Тогда опчаемся вселенныхъ дней прекрасныхъ
 Зрѣшь паки. . . . горе намъ! сѣдины возвѣсташъ,
 Что вѣчность спарая, насъ ждешь близъ врашъ
 (ужасныхъ;
 Сѣдины смерти знакъ, сѣдины гробъ суляшъ.)

Ты плачешь, что забылъ схватить ушѣхи
 (нѣки;
 Брегись сихъ горкихъ слезъ; познай другой
 (предметъ,
 Ты можешь зрѣшь весну, нечислятся гдѣ вѣки,
 Гдѣ дни суть неба дни, гдѣ немерцаешь свѣшъ.)

Подобную весну нашъ перпозданный ви-
 (дѣлъ,
 Въ немъ горній свѣшъ горѣлъ, и духъ по-
 (чилъ въ немъ благъ,
 Но лишь спупнлъ не такъ, по промыслъ
 (Тѣмъ обидѣлъ
 — Коликихъ Ангельскихъ слезъ стоишь оный
 (шагъ?
 Когда

Когда же узримъ мы весну сію блаженну?
 Тогда, когда насъ свѣшъ небесный освѣшишъ;
 Какъ будемъ мудры мы, и какъ шемницу
 (бренну;
 Гдѣ духъ нашъ чистится; смерть нагла
 (сокрушитъ;

Тогда, когда краса плѣсѣ чрезъ смерть
 (пожертва;
 Дошолъ будетъ плѣшъ, и составлять червей;
 Пока Архангельска труба, съ небесъ пошлетъ
 Не возвѣститъ землѣ весеннихъ вѣчныхъ дней.

Ахъ! успѣвай молишь, да *міръ сей сотъ*
 (поричый
Неизглаголаный изпослешъ вышній свѣшъ
 Въ нашъ заключенный духъ — тогда, свѣ-
 (шонъ счастливый,
 Взыграй — се въ прежній міръ теби онъ
 (воззоветъ.

С. Б.

XVIII.

Е Л Е Г І Я

Ч е л о п ъ к ъ .

Что я былъ, чѣмъ шперь, и что буду? Предвѣчный Боже, гдѣ поставишь ты сіе великое дѣло рукъ швоихъ? Но что я говорю! еспьли что нибудь великое на землѣ? Нѣшнѣ, мы ничто, чѣмъ и называемъ насъ нѣкошорые философы; шщетно возвышаемъ гордую свою главу; ошкуду производитъ наша гордость, когда послѣ сей суешной жизни мы будемъ прахъ одинъ?

Телецъ едва освободившійся изъ ушрбы его носившей, прыгаетъ на правѣ и сосетъ играя пишающую его мать. Въ шри года преклоняетъ уже свою выю подѣ шяжкое ярмо и влачитъ умѣренными шагами великую шелѣгу. Олень едва увидитъ свѣшъ, уже слѣдуетъ за своею машерью равными шагами, уже укрывается ошъ набѣга псовѣ и проворной лошади, и уходитъ въ густыя лѣа. Медвѣди, страшные вепри, львы, скорѣйшіе вѣшра шигры и гордые леонадры не ужасаются при видѣ меча, гривы ихъ поднимаются и они устремляются на вооруженныхъ ловцовѣ. Пшичка едва начинаетъ оперяться и уже лѣтаетъ далеко ошъ своего гнѣзда

по воздуху. Пчела выходя изъ ячейки, въ которой получила свое бышье, переходитъ въ улей, и наполняетъ его прекраснѣйшими соками. Все сіе есть дѣло одной весны. Пища представляется сама всѣмъ живошнымъ. Земля охотно открываетъ имъ щедрія свои нѣдра. Они необрабатываютъ полей, неимѣютъ ни клюшниковъ ни управителей. Звѣри находятъ себѣ пищу на поляхъ. Они шрудятся мало и шруды ихъ оканчиваются со днемъ. Левъ, ешлы по правда, что говорятъ, когда раздираетъ какого нибудь звѣря, по сѣбдаетъ только малую часть онаго, а прочее оставляетъ. Онъ часто бываетъ цѣлой день безъ пищи и пшя; столько по сіи звѣри знаютъ умѣрять свою жадность. Жизнь ихъ есть самая спокойная. Каменные горы и сучья деревъ представляютъ имъ всегда надежное убѣжище. Они всегда сохраняютъ свое здоровье, силу и красоту. Ешлы одержимы бываютъ какою нибудь болѣзнію; по безъ всякой жалобы выпускаютъ дыханіе ихъ оживляющее. Неслышно никогда, чтобы они лили слезы надъ умершимъ шломъ и нѣшъ у нихъ такихъ друзей, которые бы рвали по нихъ свои волосы. Что я говорю? Они оставляютъ жизнь безъ страха и никто изъ нихъ не ожидаетъ послѣ смерти какого нибудь несчастія.

Разсмотришь теперь несчастныхъ сыновъ человеческихъ, и ты увидишь что они самыя

мые слабые смертные. Тлѣнное сѣмя дало мнѣ бытіе, а мать произвела на свѣтъ въ болѣзняхъ. Она меня пишала и пруды ея были чрезвычайны. Находясь въ ея объятіяхъ я былъ для нее шажестію, копорую она одна почишала легкою. Потомъ ползалъ по землѣ какъ четвероногое животное, а наконецъ освободившись отъ рукъ служившихъ мнѣ подпорою, началъ ходить колеблющимися стопами. Непонятныя происшествія предвозвѣщали раждающійся разумъ. Я проливалъ слезы отъ ученія, копорое преподавали мнѣ мои учители. И по многомъ сраженіи, копорое долженъ былъ я перенести какъ боецъ; достигъ наконецъ до двашцапи лѣтъ и силы мои отчасу сшали умножаться. Сіи нещастія прошли, другія на мѣсто ихъ вступили и еще многія, душа моя, тебя ожидающъ! Вся наша жизнь подобна непостоянному океану, коего волны колеблущся всегда сильными вѣтрами. . . .

XIX.

У т р о.

Восходи всеогрѣвающее солнце, восходи и оставляй свое покоище! Почшо ты медлишь еще позадь чернаго лѣса? Уже давно Аврора, швоя предшешвенница, позлашила

Часть III. . Л вер-

вершины дубравъ , и возбудила всѣхъ птицъ
лѣсныхъ. Всѣ воспѣваютьъ тебѣ во спрѣшеніе
спройнымъ пѣніемъ , и преливаютъ голосами
радосно на кустарникахъ и нивахъ. Уже
давно поешъ песпроперый пѣтужъ на кровлѣ.
Перенелы уже перекликаются въ шумящей
ржи ; и работа и жизнь пробуждается окрестъ
на цвѣшущихъ поляхъ !

Здравствуй благотворное свѣтило , пы
неизсякающій никогда источникъ плодородія
и радости , здравствуй въ своемъ достопо-
членномъ величїи ! Здѣсь на дернѣ , блиста-
ющемъ отъ росы разноцвѣсно , я намѣренъ
возлечь : здѣсь намѣренъ я сѣсть на холмѣ
подъ сѣнію тихо шумящихъ вязовъ , и благо-
словая удивляясь твоимъ чудесамъ , о
природа ! и прелестямъ благовоннаго ухра !

Тамъ съ цвѣшущихъ луговъ , по коимъ
извивается съ журчаніемъ ручей , приноситъ
ко мнѣ на крыдіяхъ своихъ зефиръ душистой
запахъ цѣлой весны , зеленыя благодѣющія
пѣни низпадающъ отъ возвышенныхъ дре-
весъ на главу мою , окрестъ меня звучитъ
хвала и радость , и предо мною блистаетъ
на кристаловидной росѣ образъ играющаго
солнца. Тамъ прыгаетъ уже телецъ по упоен-
нымъ лугамъ , шамъ ржатъ кони взрывая
кругомъ цѣлыя глыбы земли , и на правистой
холмѣ скачутъ рѣзвыя козы.

Я встану и пошеку въ долину подъ
висящія утѣсы, и посмотрю, какъ шамъ
рѣка, освѣщаемая упренимъ солнцемъ,
кашится съ шумомъ чрезъ высокіе камни;
какъ рыболовъ опрѣшаетъ отъ берега свой
челнокъ и кидаетъ якорь, и шашитъ на су-
шу сѣши, обремененныя вкусною рыбою.

Отъ часу съ пронцапельнѣйшимъ жа-
ромъ спремяся лучи свои, неугасимое солн-
це! Теперь намѣренъ я искашь сѣни, отѣ-
няемой ясминами и розами, и успокоишься
въ прохладѣ, вѣшающуся надо мною зефиру
на влажныхъ цвѣтахъ, и гласящимъ повсю-
ду лѣснымъ пѣвцамъ въ удовольствіи и ра-
дости. Съ вами возвеселюсь я, о вы сельскіе
пѣвцы! вы, копорые оживляемы будучи са-
мою маперью природою воспѣваете весну. Въ
вашихъ пѣсняхъ царствуешъ веселый духъ,
копорый содѣлываетъ благополучною жизнь ва-
шу; могущественны подобно благошворному
утру весны, возвышають пѣсни ваши чув-
ствительную душу. Непрошекалиль вы нѣ-
когда, нѣжныя пѣвцы природы, любимцы
сельской музы, непршекалиль вы, сопровож-
даемы веселыми богами полей и нимфами,
удинено въ благовонное утро, долинь и
луговъ, воспѣвая прелести весны, и опвер-
зая успа свои къ пѣснямъ, долженствую-
щимъ восхищать свѣшъ и все попомство?
Не оставьше меня, друзья небесъ и полей;

пѣсни ваши да возбуждаютъ всегда радостно мое сердце. Будете благословенны, сельскіе пѣвцы, будете благословенны и по онѣ полѣ гроба! будете благословенны вы прохладныя шѣни, и вы луга, исполненные благоуханія. Еще ранѣе выйду я заупра, и благословлю васъ; прежде, нежели Аврора позлашитъ вершины горъ, выйду я и вкушу радость и блаженное удовольствіе.

XX.

Н о ч ь.

Погасъ уже зной палящаго дня, прохладная и торжествующая ночь распростираетъ черную свою завѣсу надъ безсолнечною половиною земнаго круга, и шамъ позади еловой роши восходитъ въ величественномъ видѣ луна. Съ благоговѣніемъ поздравляю себя, прелестная пишина; я сопровождаемъ побою буду шествовать по безмятежному селенію, и съ удовольствіемъ обоня благоуханія наслаждаюсь прохладю, и буду чувствовать, колько прелестна природа и въ самомъ снѣ своемъ.

Покоитесь ли уже вы, веселые птицы въ своихъ гнѣздахъ, окруженныхъ густымъ листвіемъ? Всѣхъ ли уже васъ усыпилъ Богъ сна?

сна? — Такъ! уже всякой пѣвецъ спокойно распростираетъ крылья надъ своимъ гнѣздомъ, и упоенъ любовію преклонился на мягкую выю своей нѣжной супруги. — Ты не ихъ пріятельница, унылая и пасмурная ночь; только филинъ и спенящая сова произносятъ предъ шобою свои поммныя жалобы; и въ шумящемъ Тросникѣ квакаетъ съ ними неусыпная лягушка. — Въ сей, исполненной ужаса роцѣ, царствуетъ шеперь уединенное и спокойное безмолвіе; благошворные облака низпадають на нивы въ блестящихъ росныхъ капляхъ и въ заключенномъ селеніи покояшся во объшніхъ сна пасхуи и пахари, спада и домашнія пшицы.

Я пройду сею шучною долиною и буду взирать на пріятную луну, копорая носится въ хорѣ безчисленныхъ свѣшилъ между сребренно-видными облаками, копорая взирающихъ на нее возбуждаеть къ величественнымъ размышленіямъ.

Кто одѣялъ тебя, о Царица звѣздъ, въ споль блистательное сіяніе, тебя окружающее? Кто разлилъ окрестъ тебя хладные лучи, нисходящіе отъ лица швоего? Богъ! Сопворившій и меня, утвердилъ тебя въ швоей сферѣ, и снабдилъ тебя прохлаждающимъ блескомъ и задумчивымъ великолѣпиемъ. Я взирая на тебя буду прославлять

сего Бога неисповѣдимаго, который устроиваетъ тебѣ путь швой, и съ равномерною щедрою и снисхожденіемъ какъ меня, такъ и любящихъ неспомыхъ, зашощвѣнно здѣсь подлѣ меня изъ шравы подымающихся, пишашъ и сохраняешъ.

Теперь неукоснительно шествуйше стоны моя къ симъ близлежащимъ мѣшамъ гробницъ; шуда, гдѣ главы церкви отбрасываютъ на поля долгія шѣни, и гдѣ покояшся кости штысящныхъ, которые сіи поля сіи окресныя нивы прежде вѣсколькихъ вѣковъ обрабшывали. Пролешай шумящій Зефаръ, швоими бальзамическаго благоуханія исполненными крыльями надъ сими грабницами, надъ симъ исплѣвающимъ здѣсь прахомъ добродѣтельныхъ нашихъ праощевъ, созрѣвающихъ нынѣ ко всеобщему воскресенію. Покойшся въ безмолвіи священныя кости, покойшся въ шцини въ блаженныя мершвецы; васъ не угнѣшашъ уже больше зной полудня, увасъ не изливашся уже больше пошъ изъ опаленныхъ вашихъ лицъ; въ прохладныхъ и мрачныхъ гробахъ наслаждашся сладкимъ сномъ съ болшею сладостію, нежели на сей жизни юдоли, гдѣ скорби и заботы часто скоропосшижно ошприсали ошъ вѣждъ вашихъ, слезами омоченныхъ, сладостной ушренной сош. И я шакже когда дни жизни моей прійдушъ къ мещъ своей, и я долженъ буду преселишся къ

кѢ вамѢ, и почию здѣсь съ вами во мрачной могилѢ.

Какой шамѢ пропивѢ меня слышу шумѢ изѢ дубовой роци? Не души ли се усопшихѢ здѣсь, испускающіесь изѢ свѣтлаго облака, и носящіесь надѢ селеніемѢ по подобію охраняющихѢ духовѢ? Не играющіе ли се зефиры, гонящіесь другѢ за другомѢ по гибкимѢ сучкамѢ. НѣмѢ, эпо не они; играющіе вѣщери не производящѢ на вѣтвяхѢ споль сильнаго шуму. ТамѢ изѢ за горѢ подымается буря, тяжелыя облака, мрачнѣе и самой глубокой ноци, капятся опшуда съ шумомѢ, ипокрывающѢ собою пріятно сіяющее лице луны. ВѢ шумящихѢ дождевыхѢ капляхѢ низпадающѢ они на поля, се багряновидная молнія шеперь разсѣкаешѢ пьму и вдругѢ съ ужаснымѢ ревомѢ ударяешѢ громѢ вѢ опдающихся горахѢ. Ужасное явленіе! Сколь содрогаешся предѢ щобою мое око! Сколь сильное препешаніе чувспвуетѢ все мое сердце! Я поспѣшу вѢ спокойную мою хижину, буду бодрспвовать и молишся. — Скоро оплѣтѢли черныя облака, и во время ушра блещетѢ на прохладной и плодоносной поверхности благодѣшельная ихѢ влага вѢ жемчужномѢ ушреніемѢ сіяніи.

 XXI.

 Чувствопоснія великодушнаго пѣ пустынь.

Нѣшѣ такого состоянія духа, въ копоромѣ бы человекѣ не долженѣ желашь быть когда либо хопя одну минушу. Я неисключаю опсюда и самыхѣ гореспнѣйшихѣ, съ шѣмѣ только условіемѣ, когда оныя не навлекушѣ за собою долговременныхѣ послѣдствій; и сіе предположивѣ, самыя жалоспныя положенія духа предпочишаю я всѣмѣ прочимѣ. Они въ такомѣ случаѣ суть драгоцѣнныя опышы собственныхѣ силѣ, которыхѣ дѣйствіе заставляешѣ насѣ разбирашь спрого наше достоинство, и противѣ желанія бышь болѣе дѣятельными въ слѣдствіи. Они суть горнило, въ копоромѣ очищаешя духѣ, возвращаешя къ прежнему своему внушреннему достоинству, и въ копоромѣ исчезаешѣ, такѣ скавашь, примѣсѣ самолюбія.

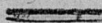
О величайшая и прекрасная наука боль, сіи сильныя удары, съ копорыми выскакиваюшѣ чершы нашего характера; гдѣ ничто предѣугошованное не имѣешѣ мѣша; гдѣ дѣйспвуешѣ все неожиданное, гдѣ душа въ чрезвычайномѣ движеніи; гдѣ человекѣ ни болѣе ни менѣ шого, каковѣ онѣ дѣйствительна; гдѣ слабый являешя слабымѣ и

не

не можетъ того сокрывать; гдѣ сильный употребляетъ въ пользу свою крѣпость, и вкушаетъ безпрепятственно радость благороднѣйшую и позволенную.

Вотъ какъ мудрый можетъ желать, чтобъ быть свидѣтелемъ сражанія, или игралищемъ бури. Онъ хочетъ испытать, когда гремятъ мешаллы, или когда опверзающія хляби морскія, не вскакиваетъ ли сердце его надъ мѣру высоко, змѣи боязни не обвиваются ли вокругъ груди его, стѣсняя оную: подлыя оковы страха не связываютъ ли членовъ его; опверстыя глаза его сохраняютъ ли способность зрѣнія; слухъ не теряетъ ли своего свойства; болѣе ли онъ, равенъ ли или менѣе того человѣка, который тогда дрожитъ и блѣднѣетъ; наконецъ небоится ли онъ столько смерти, чтобы много беспокоиться о жизни?

Но сего опыта еще не довольно. На корабли или на полѣ Марсовомъ есть много свидѣтелей. Знамена, Стандарты, барабаны, ожидаемый лавръ или сугубый шпидъ, суть столько же прибавокъ, сколько же панцыровъ и нагрудниковъ покрывающихъ человѣка, и препятствующихъ ему быть совершенно собою самимъ. Но я хочу видѣть его одинаго, его обнаженнаго отъ всего того, что не есть онъ.

Сего великаго духа , сего сильнаго мужа пославляю я во глубинѣ пустынь , въ царствѣ безплодія , хаоса и безмолства ; предаю его единымъ нравственнымъ и физическимъ онаго способностямъ. Человѣка бывшаго въ обществѣ преношу я въ сіи пещеры , или на сіи горы не обитаемыя ни общежитиельствовавшимъ , ниже самымъ дикимъ. Тамо пославивъ его ославляю , и паря надъ нимъ мысленными крылами , послѣдую ему издали , примѣчая за онымъ.

Чтожъ онъ дѣлаетъ ? . . . Онъ смотритъ , впадаетъ въ изумленіе , соучаствуетъ въ общемъ чувствованіи страха , который вдыхаютъ сіи мѣста , наконецъ обрѣтаетъ нѣчто къ преодоленію достойное себя.

Подмышый ручьями касавщійся облаковъ дикій камень тамо низвергается. Онъ уже колеблется. Сей безшрепетно взираетъ на него , слѣдуетъ за онымъ глазами ; дѣлаетъ столько шаговъ , сколько требуетъ благоразуміе , не удвоая ни одинаго отъ страха. Воздухъ -спирается , валится колоссъ , все разрушаетъ , и ославляетъ единое только существо , котораго онъ и успрашитъ не возмгъ. Воспламеняется вулканъ , онъ изрыгаетъ пламень ; валы горящихъ рѣкъ опшудаютъ ; умножающія испючники оныхъ , все изсыхаетъ , все пламенемъ пожирается. Иш-

ши

ши или бѣжать, смерть неизбѣжна: великодушный остаётся на единомъ мѣстѣ. Онъ спасёнъ.

Однако чувствуя въ себѣ истощенныя силы, нервы и сердце его послабляются на единую минушу. Онъ радуется, и негодуешь на свою радость. Онъ заблудился и позабылъ о себѣ. Наконецъ оцувствовался и возвращается въ себя.

Но чтобъ согласишься съ собою самимъ; чтобъ возвратишь себя своему достоинству, своей гордости, но гордости умѣренной и слѣдственно правильной, онъ сравниваетъ себя съ тѣми, и размышляетъ о тѣхъ людяхъ, кошорые извѣсны ему. Онъ небезосновательно говоритъ самъ себѣ! Они бы всѣ дрожали, но я только пронухъ. Они бы наги, но я едва пошашнулся. Ешьли я чувствовалъ страхъ какъ чловѣкъ; но я побѣдилъ страхъ и опасность, какъ чловѣкъ, и мужественъ.,, Тогда все то, что ему стоило силъ, но не превзошло его, даётъ ему больше возчувствовать то, что онъ сдѣлалъ, и онъ ощущаетъ истинную гордость, и истинное достоинство мужества своего.

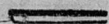
Ужасъ при возрѣннн на опасность есть безъ сомнѣннн природное чувствованнн чловѣка.

Поэ

Посему мужество въ презрѣнїи оныя склоняетъ духъ человѣческой на прошивную мысль; но опъ сего преклоненїя рождающа непремѣнныя и непреборимыя силы мужества, равно какъ духъ дикаго имѣетъ свою упругость опъ напряженїа онаго.

Желалъ бы я видѣть сего сильнаго мужа изреди пущыни, гдѣ онъ во всемъ недошпаченъ но все собою награждаетъ, гдѣ все ему грозитъ, но онъ все презираетъ; желалъ бы я внимаю ему опшуда вызывающему къ шѣмъ высокомѣрнымъ, копорые въ обществѣ ему извѣстны. Кажется я вижу его; онъ воспоминаетъ презрительныя ихъ взоры, безчинныя шѣлодвиженїа и ругательства, за копорыа они обязаны снисхожденїемъ всѣмъ шѣмъ, копорые только не изъ числа ихъ. Кажется слышу я, что онъ съ вершины успешнаго камня вызываетъ къ каждому особо, и ко всѣмъ вообще: „Малорослыя Гиганты! прочь прикрасы, прочь маски и личины! дерзновеннѣйшїй изъ всѣхъ васъ взгляни на сїа дикїе камни, на сїа льды, на сїа пущыни, на сїю грозную природу. . . Ты дрожишь уже, ты дрожишь. . . И ты былъ надменъ, ты, копорый хотѣлъ меня озлобить, и покушался унижить меня. . . Ты пренецшь, и почишаешь себя выше меня. . . Къ поддерживанїю себя служишь паче опоры, нежели твои собственнѣе“

спвенныя силы. . . . Ты уже колеблешься. Должно бышь побою, чшобъ бышь шаковымъ. Какая это малость! Всякую минушу должно обращать вниманіе на самаго себя; во всѣхъ положеніяхъ надлежитъ испытывать себя; всѣ силы и пруды должны бышь взаимно сравниваемы; въ равновѣсіи, грудью, обнаженнымъ шѣломъ и душою должно намъ сражаться между собою. — Уже гладъ оборачиваетъ болѣзненно швои внушренности. Не дожидайся ужаснаго слѣдствія сея болѣзни! спѣши къ уловленію хищнаго звѣря. Поспигни его, и насыщайся! при недостаткѣ онаго испоргай сіи коренья, пишайся ими, и шѣмъ продолжай жизнь! . . . Но оледенѣвшія ноги швои отказываютъ тебѣ въ ономъ. Но оное спѣшенное горло не пропускаетъ сихъ грубыхъ кусковъ, или не принимаетъ ихъ слабый швой желудокъ. . . . А я przygotowляю оныя для себя, пишуюсь и свариваю. И не надлежало ли, чшобы ты меня покровительствовалъ? — Существо слабое и презрѣнное, когда возвращаютъ тебя тебѣ самому, помнишь ли ты оныя гордые взоры, кошорые бросалъ ты на меня? . . . Помнишь ли, чшо ты, говоря ко мнѣ, возвышалъ свой шонъ, и думалъ, чшо имѣешь на шо право? . . . Чувствуешь ли здѣсь, чшо ты былъ нѣкогда въ шомъ дерзновенъ? Еще ли ты думаешь, чшо я долженъ благоговѣшь при малѣйшемъ движеніи швоея головы? — Ты блѣ-

блѣднѣешь, тебѣ сіи долины кажутся мрачными, и шма поражаетъ тебя страхомъ! о сколь ты низокъ! и ты негодуешь! ночь ниспускается. Ночь ужасная для тебя, для меня шоль прекрасная! она обнимъ намъ опдаетъ справедливость. Темноша ея наказываетъ тебя, принуждая войши въ себя самого; она окружаетъ тебя чудовищами; и ты воздыхаешь, какъ младенецъ. А я усремляю взоръ свой на прелеспную блѣдность звѣздъ, плавающихъ по пространству въ шшинѣ. Чудовища окружающія тебя, смущаютъ духъ швой; но я въ семъ не участвую. Для меня все равно, день и ночь.

Оставь пустыя страхи для истинныхъ опасностей! спарайся защитить себя! слышишь ли ты надгробный хоръ, сей нѣмой ревъ въ пещерахъ опдающий? Эшо стадо алчныхъ чудовищъ! эшо медвѣди, цари сихъ пустынь! они шребуютъ дани. Ну! гдѣ слабая ограда швоего слабого достоинства? Гдѣ дѣвались швой радословныя и швое шшло? При нападеніи звѣрей слабѣйшій и безсильнѣйшій изъ насъ первый будетъ жертвою. Гдѣ швои руки, чшобъ вооружиться, или хощя ноги чшобъ бѣжать? Ну! кто же изъ насъ двухъ лучше защититъ свою родительницу, своего друга, свою супругу, или своего государя?

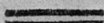
О вы надменные, мечшающіе, что можно преимуществовать надъ другимъ, не будучи его полезнѣе въ обществѣ; или, что будучи полезнымъ, должно быть высокомернымъ! Горделивые Пигмеи, покровители челоѣчества! не истинна ли басня моя? Не привѣштую ли здѣсь я всѣхъ васъ попеременно? Какое вкушалъ бы я удовольствіе видя васъ, при шаковыхъ нападеніяхъ, дрожащихъ, блѣднѣющихъ, повергающихъ чело свое во прахъ, куда влекли вы другихъ чужими руками; видя васъ униженныхъ, и ползающихъ на мѣстѣ dospойномъ васъ! коликую ощущалъ бы я радость и душевное удовольствіе, видя васъ просящихъ и понуждающихъ меня, пребующихъ моего помощи и милости, и примиренныхъ между собою!

XXII.

Уединеніе.

Отъ часу большую я ощущаю къ тебѣ любовь, о мать важныхъ разсужденій, безмолвная сопутница глубокомысленнаго мудреца; отъ часу больше восхищаюшъ меня твои прелести, съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь въ нѣдрахъ сельской радости вкушаю съ тобою сладкое удовольствіе. Коликое благополучіе видѣшь и чувствовашъ себя, высокая сопровожда-

пель;

пельница добродѣтелей чуждыхъ рукоплеска-
ній народныхъ! О! прошекай моя жизнь все-
гда шoliko беззависшно и спокойко, проше-
кай далѣ во объшїяхъ швоихъ. Наслажда-
ясь шобою охотно забываю я оглушающїй
шумъ града, при шебѣ забываю я ласки бога-
чей и придворныхъ, и вѣ первой разѣ чув-
ствую, что я человекъ, и что я сошво-
ренъ для радости.

Вѣ сихъ безмяшежныхъ лугахъ, окру-
женныхъ глухопусшынными ушѣсами, кошо-
рыхъ и самага солнца глазъ всѣхъ не прони-
цаешъ, живу я нынѣ для мудрости и для
себя. Прохладное ушро пробужаешъ меня къ
радости и къ небесному удовольствїю, и за
всякимъ моимъ шагомъ повсемѣшно слѣду-
ешъ здравїе и миръ. Плодоносныя дрешеса
орошаюшъ меня цвѣтами, и высокой дубъ
осѣняешъ главу мою прохладными своими
шѣнями. О! пы обшпалище небесной радости,
пы цвѣшущая моя долина, пы для меня
больше, нежели Темпе, пы для меня больше
и самыхъ Елисейскихъ полей!

Ешплибы я возмогъ собрать васъ вѣ
сіи мѣша, вы друзья моей юности, пламе-
нѣющіе ко мнѣ искренною любовью, и соспа-
влявшіе нѣкогда мое благополучіе и богат-
ство! Ешплибы я возмогъ пройши сѣ вами
во внутренность сеш юдоли, изъ кошорой Зе-
фиръ

фирѢ непрерывно приноситѢ во спрѣшеніе
миѢ балзамической облакѢ, вѢ которой ру-
чей журчитѢ вѢ шихомѢ согласіи, и нѢжные
соловьи, горящіе любовію воспѣвають на вся-
кой вѣпшви древесной. Но вы обитаете вѢ
ошдаленности, разсѣяны во всѣхѢ странахѢ
земнаго круга, вы ошдѣлились ошѢ меня, и
мои обѣщія можешѢ бытѢ, увы! больше ни-
когда не заключаешѢ васѢ опять во внушрен-
ности сей юдоли!

Небесная дѣвица, имѣющая нѣкогда ощу-
щать ко миѢ жарѢ любовный. — Твое имя
еще сокровенно ошѢ меня. — Ты возлюблен-
ная моя, которая увѣнчаешь нѣкогда дни
мои радостію! о ешълибы ты нынѢ при-
шла вѢ веселіи во спрѣшеніе миѢ подѢ симѢ
смѣющимся небомѢ и осчастливила меня пер-
вымѢ своимѢ непорочнымѢ упренениемѢ лобы-
заніемѢ. Благословительный духѢ! ты, ко-
порый нынѢ можешѢ бытѢ паришь надо мною,
какѢ мой хранитель, и слышишь мои жела-
нія, представь шеперь предѢ глаза мои яв-
швенно ея образѢ, позволь миѢ на одно
мгновеніе воззрѣтѢ на прелестное ея лице, и
облобызашѢ хощя шѣнь шой, которой шולי-
ко вожелала душа моя.

Вы возвышенные лѣсистые ушесы, и
ты темнозеленая ночь роцей, сколь великую
я ощущаю благодарность кѢ вамѢ и кѢ ва-

шему безмолвію! Сколь много и сколь еще часто будешь вы возбуждать въ душѣ моей, упоенной радостію, сладкія мечтательныя размышленія! Сколько благополученъ долго еще буду я при васъ! — такъ, я долго еще буду благополученъ съ вами! —

XXIII.

Похвала Розѣ.

Роза! Растѣніе любви! Сопворенная самымъ небомъ и окропленная моею кровію, роза! Ты красота свѣща и украшеніе природы! Непорочная дщерь земли и феба; удовольствіе и упражненіе каждой нимфы и každого паспуха; честь благоуханнаго рода цвѣтовъ! Ты имѣешь первую пальмовую вѣшвь отъ всякой красоты, ты высокая повелительница всего множества прочихъ цвѣтовъ.

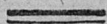
Ты сидишь, подобно царицѣ, на прекраснороспещренномъ тронѣ въ предѣлахъ, отъ себя самихъ произрастшихъ. Ласковое и льстящее множество душистыхъ паровъ, тебя окружающихъ, напоетъ тебя живительною злагою; густыя отростки обшоятъ вокругъ тебя съ острыми мечами и защищаютъ тебя отъ всего. А ты величаясь въ царскомъ своемъ величествѣ носишь порфиру изъ злаша, и одѣяніе изъ пурпура.

Величество садовъ, лѣпоша луговъ, жемчугъ весны, глазъ Апрѣля, изъ тебя соплешающъ Граціи и крылашыя Амуры пучки въ свои волосы, или на груди; и ты угощаешь маленькую пчелу и шихопролешающій Зефиръ, когда они ищущъ своей пици, напоевая ихъ изъ рубиновыхъ сосудцовъ росистымъ и хрусталовиднымъ медомъ.

Пушъ не гордишя надменный фебъ, что онъ сіяніемъ своимъ зашмѣваешъ маленькія свѣшила; и швое опшмѣнное великолѣпіе блещешъ между ясминами и фіялками. Ты прелешпною своею лѣпошою дѣлаешъ украшеніе въ странѣ нашей шакъ, какъ онъ въ своей: Онъ величешвенъ въ своей сферѣ, а ты на своемъ полѣ. Ты на земли можешъ почешъся фебомъ, а онъ розою на небѣ.

Да и конечно между вами царшвуютъ равныя желанія. Фебъ можешъ назвашъя швоимъ любовникомъ, а ты любовницею Феба. Онъ при восхожденіи Авроры одѣваешъ ее швоими красками, и въ швою одежду; а ты распрешпрянешъ златое швое и огневидное одѣяніе по волоскамъ и лешпочкамъ, и подражая ему во всемъ, носишъ всегда въ своихъ иѣдрахъ маленькаго Феба.

Толикія доспоиншва заслуживающъ шраведливое и награжденіе; и для шого я буду тебя одну шолько почишашъ, между всѣми цвѣшями флоры, за превосходнѣйшую, и ты

одна только — будешь моей возлюбленной; и всякая дѣвица, почищаемая свѣтомъ за красавицу, тогда только будешь казаться въ глазахъ моихъ прелестною, когда своя живительная краска будешь видима въ полномъ своемъ цвѣтѣ на ея устахъ и ланищахъ.

XXIV.

Зевксисъ.

Напиши намъ, любезный Зевксисъ, говорили знатные Крошонскіе жители, напиши намъ Венеру, и въ ней образецъ женской красоты.

„Хорошо, отвѣчалъ художникъ, я принимаю ваше предложеніе; однакожъ съ условіемъ, чтобъ вы привели ко мнѣ всѣхъ прекраснѣйшихъ дочерей своего города, и я бы списалъ съ каждой то, что мнѣ понравится.

Они привели ихъ къ нему семерыхъ споль прекрасныхъ, что самъ живописецъ при первомъ взглядѣ испугался трудности своего дѣла и каждую изъ нихъ взялъ бы лучше за себя, нежели бы сталъ срисовывать.

Наконецъ онъ ободрился. — „Правда, вы прекрасны вскричалъ онъ: любезныя дѣвицы! Всякая въ особливости изъ васъ можетъ быть сама Венерою. Но чтобы привести меня совсѣмъ въ состояніе; сдѣлавъ нѣчто такимъ образомъ, какъ еще никто не дѣлалъ изъ моихъ поварищъ, но вы должны скинуть шугосныя сіи одежды и зависныя прикрывки еще многихъ невидныхъ красотъ и показаться мнѣ нагими. „

„Нагими? Ахъ шфу! „, вскричали онѣ видя себя? нагими. — Всякая повпоряла про себя и не знала, чтобы въ такомъ случаѣ дѣлать. Наконецъ убѣжденіе взяло верхъ надъ шестью изъ нихъ: только седьмая покраснѣвши сказала: „за эту цѣну я не хотѣла бы быть и самую Венерою, не только образцемъ ея. „ — Тщешны были уговариванія и прозба, она всегда краснѣясь убѣгала. Зевксисъ взялъ свою полиру и кисть, и работавъ нѣсколько дней изгошовилъ свою картину, копорою гордился его вѣкъ. Какъ онъ въ первый разъ показалъ ее, но окружили взорами и зависники, и зришели, и герольды, и глупые и умные, всѣ удивлялись и хвалили ее въ слухъ.

Но Зевксисъ споя вѣжливо въ дали: сказалъ на ухо одному своему другу, „Сколь они ея ни хваляшъ, только недостаетъ

ей еще одного преимущества, преимущества, о которомъ я всегда думалъ; но не могъ достигнуть, необходимаго для изображенія женской красоты; но которое къ великому сожалѣнiю рѣдко найти можно и трудно получить. „ — Какова же? „ Спѣдливости седины, мой, которой здѣсь нѣтъ. „

XXV.

Б А С Н И.

1.

Чудовище въ солнцѣ.

Астрономъ разсматривалъ солнце въ телескопъ, дабы сдѣлать исправный счетъ различнымъ пятнамъ, которыя показывающа на лицѣ онаго. Когда онъ углубленъ былъ въ свои примѣчанія, вдругъ удивило его нѣкое новое и изумляющее явленіе: значащая часть солнечной поверхности была покрыта чудовищемъ чрезвычайной величины и ужаснаго вида. Оно имѣло огромную пару крыльевъ, мнѣшество ногъ и длинной обширной хоботъ; проворное и сильное онаго движеніе, которое Астроному совершенно было примѣшно, доказывало очевидно, что оно живое. Будучи увѣренъ въ точности своего предмета (ибо какъ могъ онъ ошибиться въ томъ, что видѣлъ столько ясно:) Философъ нашъ

нашъ началъ дѣлать чудныя заключенія изъ посылокъ поль хорошо ушвержденныхъ. По счешамъ Машемашики измѣрялъ онъ величину сего чрезвычайнаго живошнаго, и нашелъ, что оно покрывало два квадрашные градуса солнечной поверхности; что будучи перенесено на землю, заняло бы оно половину ея Гемисферы; и что оно въ семь, или восемь разъ шире луны. Но что больше всего его изумляло, то это былъ ужасной жаръ, копорый принуждено было оно сносить: не лзя было сомнѣваться, чтобъ оно не было чтонибудь шакое изъ рода саламандръ, но только гораздо жарчайшаго сложенія; ибо изъ яснѣйшихъ началъ доказать можно было, что въ наспоющемъ его положеніи оно должно было имѣть въ себѣ жару двумя тысячами степеней больше, нежели разкаленное желѣзо. Оспавалась только одна задача, стбоящая нѣкопорого запрудненія, грубыми ли парами солнца оно пшалося, и чрезъ то мало по малу очищало оное свѣшило опъ шѣхъ пяшенъ, копорыя изъ нихъ сосшавлялись, и копорыя бы безъ шого совсѣмъ зашмили и обволокли лице его, или не могло ли оно кормиться швердымъ веществомъ самаго солнечнаго шара, копорый какъ нибудь снабжаемъ былъ новою маперією падающихъ на оный блудящихъ кометъ. Но какъ бы то ни было, онъ дошелъ по счешамъ, что земля въ шакомъ случаѣ была бы для него весьма не-

великимъ кускомъ на нѣсколько мѣсяцевъ : къ сему присоединилась очень вѣрояшная догадка , что поелику разрушеніе земли предопредѣлено было огню , по сіе огненное лешучее чудовище посѣпши насъ въ назначенное время , и можетъ сдѣлать сей пожаръ гораздо легче и приспойнѣе , нежели какая другая комета приутоповленная для сей услуги . Въ жару продолженія сихъ и многихъ другихъ высокоученыхъ и любопытныхъ умозаклученій , премудрый Звѣздозоръ почелъ необходимо нужнымъ сообщить сіе публикѣ , дабы любезные его граждане взирая на сіе грозное знаменіе небснаго гнѣва , имѣли время съ покаяніемъ приутоповиться къ спрашному преспавленію свѣта . На другой день ни о чемъ больше не говорили , какъ о новомъ открытіи ; и славные астрономы толпились кучами смопрѣшь поль спрашное явленіе . Они равномѣрно убѣждены были въ исправности примѣчанія и заключеній споль ясно опшуда выведенныхъ . Наконецъ оспорожиѣйшій изъ нихъ осмѣлился , прежде нежели онъ согласится , съ увѣдомленіемъ своихъ чувствъ разсмопрѣшь все дѣло сколько можно порядочнѣе , и впервыхъ самый инструментъ ; онъ опкрылъ Телескопъ Съ нами крешная сила ! . . . Дайше время опомнишься . . . Маленькая муха попалась въ оный , и прилипши къ срединѣ предметъ представляющаго спекла , подала случай къ сей чудесной теоріи .

Сколько часто видятъ люди сквозь предразсудки, приспрасшя, сквозь зависть и злобу усуремленные на сїяющя и высокя свойства, грубѣйшя и невѣрояннѣйшя предспавленя ! Весьма бы разумно было въ шакихъ случаяхъ поступать оспорожибе съ нашими мнѣнїями и ихъ вѣснше на надежномъ безмѣнѣ; можешъ быше недоспашокъ не въ предмешъ, но въ душѣ примѣчашеля.

2.

Волшебница.

Уже была полночь, какъ посреди уединеннаго лѣсу опврашишельная и младенческою кровью обагренная колдунья производила волшебныя дѣйспвія. Слова были произнесены, кругъ начерченъ, и желѣзная права вознесена была на жерпвенникъ; она дуешъ ядовитое дыханіе между спадями и повсюду распрспраняешъ язву и смерть. Ея могущіе знаки призывающъ небо и землю, и Чернобогъ дрожшъ на подземномъ своемъ престолѣ. Изъ своего круга совращенная луна нисходитъ съ шверди, и тысяча непрїязненныхъ силъ выходяшъ изъ глубокихъ пропащей ада; все спояшъ во кругъ олшаря, во ожиданїи ужаснаго приказа. Царспвовало спрашиное молчаніе, какъ волшебница сказала: я позвала васъ съ высошы и изъ глубины, шшобъ вы сказали мнѣ, не знаешель вы, гдѣ моя

любезная сучка дѣвалась. Для сего ли одного вскричала спарая Гекаша, шы соврашила луну, и остановила печеніе природы? Чшо мнѣ нужды до луны, или до цѣлаго свѣта, ошвѣчала колдунья, когда я поперяла малое сіе живошное? — Сколь много женщинѣ могѣ бы я наименовать, кошорые шакже бы для своей постельной собачки поступили! Но я имѣлѣ въ виду важнѣйшее нравоученіе. Кто долженѣ удерживать спремленіе, съ кошорымѣ Цари и ихѣ вельмежи спараются удовольшворяшь своей волѣ? Сіе посправедливости бышь можешѣ для шебя огорчешельно, о шы бѣдной, просшой и ронцущій народѣ; но чшо шо за бѣда? Сіе имѣ служитѣ удовольшви-емѣ. Такимѣ образомѣ Александрѣ, какѣ мы чишаемѣ, пресѣкаешѣ, чшобѣ провести шолько досадной день, жизнь цѣлымѣ шыся-чамѣ, и дѣлаешѣ людей невольниками для препровожденія времени.

XXVI.
ДЛЯ ДѢТЕЙ

Бо́льное ди́шя
Разгопо́ръ
Ли́ца

Александръ. }
Антонъ. } Браться.
Василій. }

Василій : Здравствуй Александръ! что ты дѣлаешь? Не ужь ли тебѣ нѣтъ легче?

Александръ (угрюмо) нѣтъ!

Антонъ : вотъ братецъ тебѣ мапушка прислала что-то.

Алек : что это такое?

Ант : о! Это очень вкусно! Отвѣдай только.

Алек : Нѣтъ, мнѣ ѣсть не хочется.

Ант : И! Куда какъ ты спесивъ!

Алек : какой ты неопвязной! Не безнокой меня.

Васил : (ласково:) о! Не сердись любезный другъ! — Молчи, Антонъ, кто боленъ, тотъ всегда таковъ. — Полно, братъ, думай, мы тебѣ расскажемъ чтонибудь хорошенькое! Ты увидишь, что ты въ одинъ мигъ выздоровѣешь.

Алек :

Алек : Хмъ ! Да чай ужъ неглупос !

Васил : Славное ! Знаешь ли ты царя оленя ?

Алек : не знаю.

Васил : такъ ты ничего не знаешь.

Ант : О ! убирайся съ своимъ оленемъ ; мы не хотимъ его слушать.

Васил : моего царя оленя ? — О ! О ! —

Алек : ну, ну, рассказывай, послушаемъ.

Васил : слушай же ! — Жилъ былъ себѣ Царь , по имени *Добросердъ* , человекъ молодой и доброй . Вздумалъ онъ жениться : но чшобъ не ошибиться въ выборъ себѣ невѣсты , началъ онъ приывать къ себѣ знатнаго рода дѣвиць одну за другой и каждую спрашивалъ : любишь ли она его и будешь ли всегда любить ? — Всѣ ошвѣпспвовали что любяшь и любишь будушь : но то совсѣмъ была неправда и Царь узнавалъ всегда ихъ ложь , пошому что одинъ славный волшебникъ , именемъ *Дурандартъ* , подарилъ ему гипсовую спашую , кошорая всегда смѣялась , ежели кто при ней солжетъ . И такъ когда спрашивалъ царь своихъ невѣстъ : любяшь ли онъ его ? то взглянувъ на спашую , въ шужъ минушу зналъ : правду ли онъ говорили . Къ царю приходило , — предшавъ себѣ шолько , — двѣ тысячи семь сотъ сорокъ восемь невѣстъ , и при каждой смѣялась

лась волшебная статуя, такъ что *Добросердъ* пришелъ наконецъ въ опчаянiе и рѣшился никогда не жениться. Но первый его Министръ *Измѣнь*, представляя ему многія важныя причины, уговорилъ его наконецъ, чшобъ онъ согласился еще разъ испытать свое счастье. И такъ избраны были еще двѣсти дѣвушекъ, въ числѣ которыхъ была *Измѣнопа* дочь *Изпѣра* и еще дочь одного стараго Министра *Честана*. Онѣ кинули между собою жеребій, кошорой изъ нихъ прежде ишли къ Царю, и доспалось ишли напередъ *Изпѣръ*. Старой *Измѣнь* прыгалъ отъ радости и думалъ ужѣ, что непременно его дочь будетъ Царицею: но онъ ошибся; *Изпѣра* была ужѣ влюблена въ другаго, и хотя она не сказала шого Царю: однако статуя въ шу же минушю улыбулась какъ только она сказала, что она Царя любитъ; а *Добросердъ* увидя это, въ досадѣ потчасъ указалъ ей двери. Теперь дошла очередь до молодой *Честаны*, кошорая потчно любила Короля и и пришомъ была разумна, добродѣшельна и хороша какъ ангелъ. — Статуя вдругъ переспала смѣяться и Царь увидя, что онъ нашелъ то, чего искалъ, обрадовался несказанно. Потчасъ объявилъ онъ своему двору, что *Честана* будетъ его супругою. Отъ чего всѣ были въ превеликой радости, а особливо отецъ *Честаны*, кошорый былъ шарикъ предобраго сердца. *Измѣнь* видя худой ус-

пѣхъ своей дочери, чрезвычайно шѣмъ огорчился, кѣ помужъ онѣ и самѣ на староспи влюбился по уши въ *Честанину* красопу: но не могъ никоимъ образомъ ее получить. Какъ бы шо ни было, только сей коварный Министръ по *придворной*, или бишь *при-тпорной* полишикѣ первый поздравлялъ царя и его невѣспу сѣ насшупающимъ бракомъ; а между шѣмъ ревность шакъ вселилась въ его голову, что онѣ не могъ успокоиться не опмспивъ царю, что произвелъ онѣ шакимъ образомъ.

Вѣ одинѣ день царь обѣявилъ, что онѣ получилъ опѣ волшебника *Дурандарта* еще нѣкопорую чудную вещь. *Измѣнь*, вскорѣ послѣ женидѣбы царя, будучи по случаю сѣ нимъ на охонѣ пришворился весьма печальнымъ и унылымъ — Царь спрашивалъ его, что ему сдѣлалось? А онѣ сѣ слезами началъ ему говорить: какъ, Ваше Величество, „ развѣ не должно меня шо опечаливать, что „ я будучи шакимъ старымъ и вѣрнымъ вашѣ „ Министръ, копорому споль часто ввѣря- „ лись величайшя государспвенная шайны, „ не могъ заслужить опѣ васѣ шой милоспи, „ чтобѣ вы удоспоили меня вашей довѣрен- „ ности и спкрыли шу бездѣлицу, копорая „ сосшавляетъ другую вашу шайну? — „ Я знаю полишику и вѣдаю, что *Дуран-* „ *дартото* шайнство менѣе важнѣ, нежели „ поли-

„полипическій секретъ : однако сіе бывало
 „миѢ ввѣрено , а шо вы опѢ меня скрываете-
 „ше. „ Царь , будучи добросердеченѢ не ду-
 малѢ , чшобы и шшѢ была употреблена .
 Минисперская полишика . ОнѢ сожалѢлѢ , чшо
 шѢмѢ опечалилѢ заслуженаго спарика , и не
 ожидая никакихѢ худыхѢ слѢдствій , вынувѢ
 изѢ кармана бумажку , опкрылѢ ему всю
 свою тайну . — Но шебѢ не опгадашь , чшо
 эшо была за шшука ? Чудная шшука ! —
 ПресмѢшная ! Знаешь ли чшо ? — На бумагѢ
 написанѢ былѢ одинѢ спишокѢ . — ОхѢ !
 КакѢ долго принужденѢ я былѢ швердить
 эшопѢ прокляшой спихѢ ! — КакѢ бишь онѢ ?
 — ТакѢ ! —

*Кра кра , трифѢ трафѢ , нотѢ ег-
 нѢфлетѢ Канатаута РѢонья .*

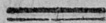
Какой бы ты думалѢ эшо былѢ языкѢ ?

Алекс : (помирая со смѢху.) О ! По-
 вшори пожалуйста еще .

Васил : *Кра кра , трифѢ трафѢ ,
 нотѢ егнѢфлетѢ Канатаута РѢонья .*

Алекс : Ой ! Эшо подлинно пречудная
 шшука ; — кра кра , шрифѢ шрафѢ . —
 Ха ! Ха ! Ха !

Васил . смѢйся шолько , смѢйся ; а шо
 скоро выздоронѢешь . Теперь скажу я шебѢ
 какую силу имѢлѢ вѢ себѢ эшопѢ спихѢ . —
 ВотѢ представѢ себѢ , чшо эша швоя собака
 издохла . Ты спашши на нее прочтешѢ эшотѢ
 спихѢ :

спихъ: кра кра, шрифъ прафъ.... И какъ скоро его проговоришь шо упадешь мершвой на земь; а швоя душа перейдетъ вь собаку, которая потъ часъ вскочитъ и ты ужъ будешь эшой собакой.

Алек. какъ? Эшо мнѣ непоняшно. Зачемъ мнѣ бышь собакой? Чшобы я былъ за дуракъ?

Васил. поешой, дай мнѣ досказашь. Когда ты преврапишься вь собаку, можешь подсмошрѣшь чшо шолько захочешь; никто вишь не подумаешъ, чшо собака ша ты. Когдажъ ты узнаешь шо, чего тебѣ хошѣлось: шо поди опять къ своему шѣлу и спавши на него проговори вь мысляхъ опять эшотъ спихъ: кра кра. . . . ; и потъ часъ швоя душа войдетъ вь швое шѣло, и ты опять по прежнему будешь человѣкъ; собакаже ошаненшя по прежнему мершвою. Такимъ образомъ можно поступашь со всѣми мершвыми скошами. Разумѣешь ли шеперь?

Алек. не мношко. Только я не знаю къ чему эшо?

Васил. дойдетъ дѣло и до того, потъ часъ! — *Измѣнѣ* узнавши эшо вздумалъ опмспитъ Царю коварнымъ образомъ. Притворившись, будшо онъ не можешъ вь эшомъ увѣришься, просилъ Царя, чшобы онъ сдѣлалъ шакой опытъ при его глазахъ. Царь на шо согласился и вездѣ осматривалъ нѣмъ ли

ли гдѣ какой нибуде мертвой скопины: но нигдѣ не нашелъ. Между пѣмъ бѣжали мимо ихъ два оленя. Царь увидя ихъ взявъ свое ружье заспрѣлилъ одного изъ нихъ, а *Измѣнъ* другаго. Попомъ спавши на одного прочишалъ онъ сей стихъ: кра кра, прифѣ шрафѣ . . . и вдругъ Царь упалъ мертвой а убитый олень вскочилъ, взглянулъ на *Измѣна* и побѣжалъ такъ скоро, какъ какая спрѣла. Лишь только онъ убѣжалъ, но коварный *Измѣнъ* спалъ на шѣло Царя, проговорилъ пошѣ стихъ и упалъ мертвой на землю, а попомъ вспалъ Царемъ. — Предсравъ себѣ, бравъ, шакую негодную коварность! — Я невѣдомо какъ бѣсился когда чиналъ эшо. Ну! такъ теперь царь олень не можешъ опять превратиться въ свой видъ, для того что *Измѣнъ* превратился въ него; также и къ своей любезной *Честанъ* возвратиться онъ не можешъ, словомъ онъ спалъ несчастливѣйшій человекъ на свѣшѣ.

Алек: ахъ! Бѣдной Царь! Какъ мнѣ его жаль.

Ант! И мнѣ жаль. О! естѣлибы въ моихъ рукахъ былъ эшопъ скверной *Измѣнъ*, я бы ногами испопшалъ его.

Алекс: ну!

Васил: эшопъ негодный злодѣй не былъ еще и пѣмъ доволенъ: но чтобъ царь олень превратясь въ него не пришелъ во дворецъ,

по онѣ взявъ саблю, опрубилъ у своего шрупа голову и забросилъ ее въ лѣсъ, потомъ отошелъ прочь и созвавъ всѣхъ придворныхъ охотниковъ приказалъ имъ, чѣобы они спарались поймать шакого - по оленя и ешлы кто его заспрѣлилъ, шопѣ получишѣ въ награжденіе 10000 рублей.

Алекс. ахѣ Боже мой! Я боюсь, чѣобѣ его не заспрѣлили.

Васил. да и я шого боялся: но эштому не бывашѣ. Сколько они по немѣ ни спрѣляли: но ни одинѣ не попалѣ. Между шѣмѣ *Измѣнѣ* дѣлалѣ все по своей волѣ: шолько между нимѣ и *добросердомѣ* была шакая разница какѣ между землею и небомѣ! Еще я шебѣ не сказалѣ, чѣо онѣ имѣлѣ прекрасное, дарованіе а именно, за - за - за заикался, припомѣ былѣ очень горячѣ и вспыльчивѣ; всегда кричалѣ и бѣсился и всякаго шопѣ часѣ хотѣлѣ заспрѣлишѣ. Одного бѣднаго шпарика, вспрѣпившагося сѣ нимѣ, убилѣ онѣ за шо шолько, чѣо шопѣ не могѣ ему показашѣ гдѣ шопѣ олень. Всѣ придворныя удивлялись и не могли понять, чѣо сдѣлалось ихѣ Царю, чѣо онѣ вдругѣ такѣ сталѣ заикашѣся и сдѣлался такимѣ сумазброднымѣ. Но чѣошѣ имѣ ошлалось дѣлалѣ? Принуждены были сносилѣ. — И такѣ возвратились они во дворецѣ. —

Алек: а гдѣжъ царь олень? Не ужъ ли онъ во дворецѣ не возвратился?

Васил: сохрани Богъ! Они бы его застрѣлили, почиая оленемъ! Нѣтъ, онъ въ эшомъ поступилъ умнѣе. Ты ужъ слышалъ, что *Измѣнъ* застрѣлилъ на дорогѣ одного спарика. Царь превратившись въ него, пробрался пошхоньку въ свой замокъ и зная всѣ проходы, прошелъ безъ препяшствія въ Честанину спальню. *Честана* очень испугалась увидя нечаянно усебя спарика въ спальнѣ: но онъ рассказалъ ей все происшедшее съ нимъ, и она узнавши все такъ вѣрно, какъ дважды два, не сомнѣвалась болѣе, чтобъ въ эшомъ спарикѣ не былъ настоящій ея супругъ, а царемъ невѣрнымъ *Измѣнъ*. Она вознамѣрилась обмануть его такимъ же образомъ, какимъ онъ обольстилъ ея супруга. Пришедши къ нему съ ласкою просила она его, чтобы онъ ей сдѣлалъ удовольствіе и показалъ бы на самомъ дѣлѣ, что содержитъ въ себѣ волшебная его шайна; за чтобъ она его еще болѣе любила. Но онъ не впалъ въ эши сѣти, знаетъ кошка чье мясо съѣла, — плушъ лучше плушовство видишъ нежели добрый человекъ. *Измѣнъ* не согласился въ шомъ ее удовольствовать. Хотя онъ и желалъ, чтобъ она его любила; однакожъ опасался исполнить ея прозьбу. Когда не спала бы она до-

бровольно его любить : по онъ намѣренъ былъ принудить ее къ тому силою. *Измѣнъ* обнявъ *Честану* хотѣлъ было поцѣловать : но она ужасно закричала и царь Олень прибѣжавъ къ ней на помощь , открылъ о себѣ измѣннику , кто онъ шаковъ. *Измѣнъ* услыша то , выхватилъ шпагу и хотѣлъ было поразить *Добросерда* : но вдругъ услышанъ былъ громовой ударъ ; висѣвшая съ попугаемъ клѣшка вдругъ упала на полъ и попугай превратился въ человѣка. — Нушка , брашъ , ошгадай , кто такой былъ эшошъ попугай ?

Алек : Не знаю.

Васил : Экой ! Эшо волшебникъ *Дурандартъ*.

Алек : А ! да ! да ! да ! Эшо тотъ самый , который подарилъ царю двѣ волшебныя шпучки ! спашую и спихъ *кра кра* , *трифъ трафъ*.

Васил : Онъ самый. Видишь ли ? Онъ не могъ попустить , чшобъ добродѣтельный царь сдѣлался несчастнымъ чрезъ его спихъ ; и для того превратившись въ папугаю далъ себя поймать пницелову , который отнесъ его во дворецъ. Теперь пошло уже совсѣмъ иное. Какъ скоро *Дурандартъ* ударилъ своимъ волшебнымъ жезломъ ; то царь получилъ прежній свой образъ , а *Измѣнъ* превратился въ ужасное чудовище съ рогами на головѣ. Радость *Честаны* превзошла мѣры ,
по

потому что она получила подлинно уже любезнаго своего *Добросерда*! напрошивъ того *Измѣнѣ*, не въ силахъ будучи сносить новое свое состояніе, съ досады скоро околѣлъ; а они спали жипѣ, да добро наживашъ, а худо сбывашъ. Тѣмъ сказка и кончилась. — Ну, братъ, что шеперь скажешь о царѣ Оленѣ? Каковъ?

Алекс: Очень хорошъ. Спасибо Вася. Миѣ спало что-то полегче.

Васил: Погоди, придемъ въ другой разъ и еще Антонъ чтонибудь скажешь, такъ и совсѣмъ выздоровѣешь.

XXVII.

П И С Ь М О

*Съ того свѣта пѣ Москву отъ Му-
миага къ сыну малыя земли мурацью
жиущему пѣ Мурапейникѣ.*

Чадо бѣдныя земли! Ты чипая сей свитокъ, будешь удивляшся, какъ возможно было духу начерпашъ оный. Успокойся небѣдающій смершный, для меня довольно было одной руки соспавленной изъ облака. — Сіе необыкновенно, но возможно. Ушиши ся на малое время и внимай:

По упорномъ и сумнишельномъ сраженіи съ шѣломъ, я въ одинъ мигъ ощушилъ себя въ

другомъ мірѣ. Миѣ казалось, что шѣло, сей бывшій мой поварищѣ никогда не былѣ моимъ поварищемъ. Вѣдай, любезный другъ, что шѣло ничто иное было для меня, какъ темница съ рѣшетчатымъ окномъ. Какъ я незнающъ тогда былѣ при всѣхъ земныхъ знаніяхъ! Хотя я далеко старался зрѣни сквозь оное, но мысленное мое око, могущее зрѣни все въ обширности, лучъ свой простирало столько, сколько требовалѣ горизонтъ. *Чудотворная рѣшетка* производила то, что всѣ предметы осматриваемы были безъ познанія ихъ причинъ. Нѣкоторыя изъ оныхъ предметовъ хотя и находились въ области духовнаго взора, но многіе и большая часть изъ нихъ приводили токмо въ величайшее изумленіе, причины же ихъ имало не были извѣстны. Сіе духовное и шѣлесное зрѣніе можно сравнить съ зрѣніемъ въ подзорную трубу. Когда ты смотришь широкимъ концемъ; ея тогда предметы показывающся въ мѣлкости, представляющся почти исчезающими, и такъ сказать умирающими; когда же узкимъ концемъ, оныя тогда все увеличивающся, все обширно и все приближающся. Око шѣлесное есть широкая и грубая часть зрительной трубы, а тонкое око души подобно узкому спеклу оныя. Ежели ты для разсмащриванія токмо вещей употреблещь око шѣла то ничего не удивишь, развѣ мало, но и то сбивчиво и неживо поймешь. И такъ

сколь

сколь можно, научись созерцать природу Божию чрезъ умное, тонкое, пронцашельное око, которое приближаетъ самые отдаленности, совсѣмъ неизвѣсныя грубому оку тѣла. Не малое несчастіе для человѣка, что онъ рождается для того, чтобъ смотрѣть широкимъ стекломъ подзорной трубы, за великое же счастье должно почитать, когда умираетъ онъ; ибо тогда уже свободно и безъ труда начинаетъ смотрѣть духовнымъ тонкимъ окомъ. И для того то, многіе вѣки трудились въ жизни узнать, что въ здѣшнемъ мірѣ въ минувшу открывається.

Смерть есть важная и великая работа натуры. Она не что иное, какъ то, что духъ, понеже есть легче, тоньше и пронцашельнѣе не токмо тѣхъ стихій, коимъ отданъ былъ подъ власть, но и самой Электрической силы, то онъ химическимъ образомъ чистишься (сублимируется,) и спремишься до тѣхъ поръ, пока не ощутишь равно духовнаго себѣ мѣста, (если можно назвать мѣстомъ), и тамъ не остановишься. А грубое и тяжелое вещество, такъ называемое тѣло, осядетъ, (преципитируется). Стихи, изъ коихъ оно составлено, примутъ прежнія свои мѣста. Земля соединится съ общею землею, вода съ водою, воздухъ съ воздухомъ, и огонь съ огнемъ. Сія послѣдняя тончайшая стихія за-

нимаешь вышнее изъ всѣхъ мѣсто, и присоединяешься къ ээиру.

Такимъ образомъ вышедъ изъ пемницы я спремился еще выше самаго ээира. Я нашелъ себя будшо въ знакомомъ мѣстѣ. Миѣ казалось, будшо я еще на землѣ. Тогда бываешь такое же забвеніе, какое бываетъ съ младенцемъ при его рожденіи, ш. е. откуда вышелъ и куда пришелъ, неизвѣстно. Миѣ было сообщено, что я въ вышнемъ кругѣ, нежели земля.

Познай ошселъ, другъ мой, что единственный остался на земли небесный свѣтъ, который силенъ предупредить ошъ низпаденія въ преизподнюю пемницу, и который естественно возноситъ (сублимируетъ) духъ нашъ шуда, откуда самъ онъ происходитъ. Будучи несравненно тоньше, быспрѣе и пронцашельнѣе Элекпрической силы, духъ дѣйствуетъ въ одинъ шѣлесный мигъ. Онъ не вѣдаетъ нипрошедшаго и ничего такого, что на землѣ разумѣютъ подъ словами: *прежде, послѣ*; вѣчность непрестанно предъ нимъ.

Въ шомъ кругѣ, гдѣ я нынѣ обрѣшаюся, великое число другихъ духовъ находишся. Какое равенство, дружба, любовь, соспраспная любовь, Элекприческая любовь! души по разлученіи съ шѣломъ уносятся съ собою сіи
добро

добродѣтели на небеса, ибо таковыя добродѣтели суть добродѣтели духа, а не плоти. Ежели *Симпатическія* души не могли вспрѣпиться въ жизни, то они здѣсь соединяются. Ибо въ вѣчности нѣтъ разстоянія мѣстъ, нѣтъ различныхъ временъ, нѣтъ сполншій, или тысящелншій. Онѣ нынѣ тѣже Ангели, каковыя долженствують бытъ; не опадшіе ужѣ больше духи, но чистые и достойныя Едема духи. Они съ прочими Ангелами славословящъ *неиспопѣдимый промысль*.

Мы такожде иногда съ верхнихъ круговъ зримъ мрачныхъ демоновъ пребывающихъ въ дольнихъ кругахъ. Они суть тѣ падшіе духа, кои достойны были преизподнія. Хотя бы и многократно они спарались пролагашъ понаенные пуши къ горней спраиѣ; но поелику лишены Божіихъ лучей, и нечто иное суть, какъ несчастная шма, то неприсупный свѣтъ сполько для нихъ поразителенъ, что они змѣеобразно низвергаются въ свой плачевный долъ. Они мучаются въ вѣчныхъ огненныхъ вихряхъ. Собственныя ихъ спраспи, служащъ имъ неусыпаемыми червями. Довольно. . . .

Между прочими низшими кругами мы видимъ и вашу землю плавающую въ сумрачной опдаленности: Но не ея вещещво

такъ, какъ и не ваши шѣла, но сонмы различныхъ душъ. Ибо мы съ своей стороны всегда можемъ зрѣть духовъ, хотѣбъ они въ какомъ веществѣ ни были; а съ вашей стороны самые ваши духи супъ поликоже проницашельны, какъ и наши. Тѣла не мѣшающъ имъ бытъ зримыми, а намъ непрепятствующъ ихъ зрѣть. И сіе однако, что мы только зримъ вашихъ духовъ: но не сообщаемъ имъ шѣлеснымъ языкомъ, есть иѣчто иное, какъ пропаснь, или промежутки, утвержденные между духовнымъ и вещественнымъ міромъ. Намъ не возможно съ вами, такъ какъ связанными съ шѣломъ, сообщаться ни словами, ни осязаніемъ, по колику сіе къ шѣлу ошясится; а что я шебъ сіе сообщаю, то собщаю упошребивъ вещественной способъ. Чрезъ все то, что есть на земли споль же тонкое какъ и мы или равно-существенное намъ, можемъ удобно дѣйствовать на самое вещество. Тайная *Симпатія* есть то, чрезъ что мы дѣйствуемъ на сокровенныя ваши желанія и мысли. Тонкость души споль невѣроязна, что можешъ оказывашься и шамъ, гдѣ бы должно шеряшья и изчезашь. Предшавъ, въ какія тонкости и опвлеченности входитъ разумъ, когда Метафизикъ разсуждаешъ о первыхъ началахъ вещи! По таковой тонкости духовнаго существа безъ сумиѣнія Ангелы низходятъ къ смертнымъ, или чрезъ *Симпатію*, или чрезъ другое что, шокме

шукмо споль же тонкое, какъ и духъ, *Симпатія* есть тайная и невидимая колесница, которая не смотря на великія разстоянія встрѣчаетъ духовъ, и по которой нисходящъ изъ пренебеснаго Іерусалима Ангелы къ благимъ челоѣкамъ живущимъ въ сей земной шуккѣ, и съ ними бесѣдуютъ въ кошѣніяхъ, воображеніи и мысляхъ. Таковой языкъ, любезный другъ, чистые духи употребляютъ для собесѣдованія съ смертными. Если можно сравнить челоѣковъ съ чѣмъ, но можно нѣкопрымъ образомъ сравнить съ шѣми вещами, "которыя заключены въ спеклянѣмъ сосудѣ. Какъ вы видите въ иныхъ сосудахъ прекрасныя и удивительныя вещи, а въ другихъ безобразныхъ чудовищъ; такъ мы видимъ въ иныхъ шѣлахъ благія и чистыя души, а въ иныхъ ужасныхъ чудовищъ. — Другъ мой, что вашъ міръ! - - - Адъ, — мучилище! Сколько спраждетъ духовъ? Какая разнообразность? Тѣ, кои привязаны къ міру, не хотя знать, что блескъ міра шукмо вспыхиваетъ, и паки вскорѣ исчезаетъ, еще въ жизни мучатся. — Иные прикованы будучи къ обшнымъ желѣзомъ сундукамъ, сидятъ въ мрачной задумчивости надъ круглымъ мешалломъ. Впалыя ихъ щеки свидѣтельствуютъ, сколь счастливо ихъ желаніе блага. — Иные разжигаемые скопскимъ огнемъ: но не имѣвъ ни вкуса, ни чистаго, благороднаго и нѣжнаго ошу-

ощущенія, покупающъ съ жаромъ продажныя прелести. Все ихъ иждивеніе въ шомъ состоишъ, чѣмъ по землѣ пройши знашимъ иноходцомъ, особливо для обожаемой куклы. А въ прошивномъ случаѣ проклинаятъ день рожденія, отца и мать, и кричатъ, что имъ ничто не мило, и всѣ цвѣты для нихъ увяли въ самую прекрасную и шепловлажную весну. Великая бѣда! законная, непорочная любовь! — Другіе еще въ жизни ходяшъ съ искривленными рогами. Они по одной волокишной похоти учинивъ выборъ супруги предспавляющъ лице рогатыхъ демоновъ. — Иные* окруженные пьянспвеннымъ шуманомъ влекушъ за собою почти чрезъ всю жизнь нѣкошорую Атмосферу, и тогда что дѣлающъ, сами не знаютъ, не видя къ свѣту дороги за парами. Какое тогда у нихъ наслаще? Они спупающъ по шуману, и вдругъ попадающъ въ буеракъ. — Иные же всенародно умерши міру, опять начинающъ воскресать въ оный привапно. Тогда единственно оспающся имъ чепки для защищенія себя отъ подозрѣнія. О сихъ можно бы было шебъ сообщить болѣе: но опасаясь, чѣмъ они имѣвши крылья споль же быспрыя, какъ и самыя Ангелы, не возлетѣли въ нашъ кругъ для опмщенія мнѣ. — Оспавимъ ихъ и обратимся къ шѣмъ, копорые упивавшись разными мазгами спарыхъ и новыхъ писателей, очаровывающъ міръ. Бездѣлица изъ ихъ

ихъ буквѣ! — Буквы! — какъ иначе называть земныя науки въ разсужденіи познаній великой вѣчности? Буквы, и по много, ибо самыя ихъ склады ничего не обѣщаютъ важнаго, самая говорю, бездѣлка изъ буквѣ даешъ право называться именемъ ученаго *любомудрца*. Ежели бы кто выше, нежели они, говорилъ, то тогда они шумятъ, что сіе прошивно Философіи, и продолжаютъ чрезъ всю жизнь смѣяться сильному чувствованію его; а между шѣмъ сами къ собственному несчастію оспаютъ въ прежней своей ученой, или школьной глупости. Чрево ихъ пространіе всей природы, шакъ что хотя бы они имѣли крылья срижа, или сокола, то бы чрево ихъ извлекло насильнымъ образомъ въ мрачную юдоль, однако выходитъ прошивное. Гордостъ, свойственный имъ порокъ, возноситъ ихъ выше Пліадъ и Сиріуса. Какія на нихъ личины? Четверокожные, а иногда шеспикожные, Ложное смиреніе, лжесвятость, ушное молчаніе и благоговѣйное умозрѣніе, но не дѣяшельность. Вотъ ихъ личина! Вотъ четверокожный щипъ подъ коимъ сокрываются: высокоуміе, честолюбіе, упрямство, кощунство, хитрость, лукавство и безбожіе. Бѣдная проснопа не можешъ всѣхъ ихъ обнаружить. Ежели удаешся ей одну личину сдернуть, то еще оспаетъ пять личинъ. Они съ ученостію своею не иное что, какъ совы, кошорыя приведены въ

въ самолюбіе отъ пущаго отголоска, произведеннаго ихъ же школьнымъ шумомъ. Они думаютъ, что ихъ вся Европа хвалитъ, какъ между шѣмъ отголосокъ отразившись отъ ушлыхъ и пущыхъ деревъ, ихъ передраживаешь только, и послѣ вдругъ умолкаетъ. Ихъ просвѣщеніе паче разправляетъ ихъ гордость. Это плодъ наукъ! Иные изъ нихъ съ великимъ трудомъ слагая дока-зашь самыя нужныя истины, какъ по бытіе божіе и безсмертіе души; ибо ославили на драгоцѣннѣйшее ученіе о самомъ себѣ. Философія въ награжденіе за ихъ счастливое умствование ославляетъ ихъ въ старомъ невѣдѣніи. —

Есть однако, любезный другъ, въ вашемъ мірѣ Добрыя души, но не многіе, копорые обращаютъ на себя все наше вниманіе. — Блаженныя души копорые въ маломъ углѣ, или подъ соломянной иногда кровлею въ безмолвіи и про-шотѣ учаща бытъ шаковыми, каковыми долженствуютъ бытъ; сіи Ангели земные, копорые одни знаютъ, что посланы они въ мірѣ на время очищаться, приводятъ насъ въ воспоргъ. Они еще въ жизни носятъ въ себѣ рай, и даже въ самой вѣчности будутъ имѣть его. — Ежели кто изъ нихъ за плугомъ, по всегда удерживаетъ имя чистаго духа; ежели же на престолѣ, по въ немъ царствуетъ Ангелъ; и когда бы переменчивое счастье

спіе лишило его конца, по бы вѣ немѣ на всегда оспался Ангелъ, а обладатель вселенныя исчезѣ. Ибо сѣдя на пресполѣ любвишѣ плугѣ, и будучи пасухомѣ не завидуешѣ пресполу. — Мы уже воспѣваемѣ имѣ пѣсни, собираемѣ совсѣхѣ эфирныхѣ шаровѣ присно цвѣтущія вѣшви, плешемѣ неувядаемые вѣнцы, и радуемѣя, что сіи небесные други сѣ небеснымѣ свѣтомѣ возвращающа кѣ намѣ и соединяюща сѣ нами. Мы иногда заблаговременно веселимѣя, что гробы, вѣ коихѣ усмиренное ихѣ брение будешѣ повержено, служишѣ будущѣ поржеспвенными врашами кѣ блаженной вѣчности, и готовимѣя встрѣпишѣ и приняшѣ вѣ свои обѣяшія сихѣ сіяющихѣ духовѣ.

Ты любезный другѣ, по моему совѣшу же за долго предѣ моею сѣ шобою разлукою вступилѣ сѣ ними вѣ сожитіе. — Живи и продолжай богоугодный свой подвигѣ. Я также тебя жду, и когда проложишѣ себѣ прямой пушѣ сквозѣ Атмосферическую стѣну, тогда облобызаемѣя и возхвалимѣ Того, котораго промыслу угодно сію шворити милосшѣ, и купно будемѣ ожидать скончанія міра. Многіе изѣ смершныхѣ спавяшѣ за удовольствіе почишя сѣ занесбышочное. Мало вѣры! невидяшѣ вѣ напурѣ своихѣ учителей. Орелѣ бы научилѣ признавашѣ обновленію природы. Бабочка зміи, муха, кошорую всѣ

видяшъ, какъ она въ весну просыпается; самой параканъ, послужили бы имъ вмѣсто Фениксовъ. Они бы ихъ научили, что натура подобна себѣ какъ въ великомъ такъ и въ маломъ. Они сильно увѣряютъ, что непременно должно быть по смерти воскресенію. Одинъ человекъ, который благороднѣе всѣхъ животныхъ, принужденъ по ихъ мнѣнію вѣчно быть усопшимъ. *Откровеніе*, которое въ ихъ глазахъ, но не въ ихъ сердцѣ, ни мало ихъ не увѣряетъ; ибо они недостойны его, и не получили еще его. Замѣніе луны и просіяваніе, ущербъ и рожденіе, западъ солнца и восходъ, зима и весна, засыпаніе и просыпаніе, вошъ предвѣстники сего будущаго происшествія. Природа имъ о томъ говоритъ, но они мозголомствуютъ съ метафизикой, что то противно природѣ. Бѣдныя Мозголомцы? Трудноли *псемогуществу* извлечь внутреннѣйшія, духовнѣйшія, неслѣбныя и коренныя силы природы посредствомъ огня и доставить великому міру вѣчное печеніе, равно какъ и малому міру. Маловѣры! гробъ васъ научитъ премудрости. Посмотрите на малые міры: Они встаютъ и опять просыпаются, умираютъ и воскресаютъ. — Ты любезный другъ, запечатавъ сію истинну въ памяти, что натура подобна себѣ въ великомъ и маломъ, во всеобщемъ и частномъ; и такъ, какъ я тебѣ сказалъ, что такое есть смерть малаго міра, то также разсуждай

дай и о великомъ мірѣ. Не забывай никогда, что ты на землѣ долженъ очистишься. Какъ скоро сего не будешь помнить: то тебѣ послѣ труднѣе будетъ очистишься отъ закоренѣлыхъ паченъ. — Вотъ то, что я тебѣ хотѣлъ открышь. Учись въ жизни умирать; ибо ты родился умирать, а умреша живи. Мы увидимся скоро. Теперь на малое время прощай.

Читайшеть! Примѣшь здѣсь, какъ опшедшіе отсюда души мѣряюшъ наше время. Оно крапко, и вѣчность скоро поглотитъ жизнь каждаго смершнаго: но мы дѣлами еще болѣе сокращаемъ оную. Мы находимся въ неизвѣспности. Научимся чему нибудь изъ сего письма. . . .

XXVIII.

КРАСАВИЦА КЪ РОЗѢ.

Цвѣточекъ мой, цвѣшокъ прекрасной!
 Какъ ушро всякое тебя,
 Проснувшись, при аврорѣ ясной
 Водю поливаю я:
 Твой видъ припоминаешъ миѣ
 Мое на свѣтѣ бытіе.

Какъ ты отъ ушренной росы
 Свои листочки распускаешъ,
 Моей теперешней красы
 Часть III.

Мнѣ образъ почный представляешь;
 Но, ахъ! я вижу всякой день
 Твой исчезаетъ цвѣтъ, какъ тѣнь.

Я въ скоромъ времени пришедши
 Иной зрю цвѣтъ и сѣмена,
 Что къ удивленію нашедши
 Такъ думаю съ собой одна:
 Такъ дней моихъ весна пройдетъ
 И видъ другой мнѣ принесетъ.

Спустия еще не много дней
 Иду опять къ любезной розѣ:
 Но вижу цвѣтъ не пощъ ужъ въ ней,
 Увяла роза на морозѣ.
 Сколь ни была она прекрасна,
 Все пожрала зима ужасна.

Когда нибудь шакъ и ко мнѣ
 Приблизился, ахъ! хладна спаросшь;
 Увянушъ чувствва всѣ во мнѣ,
 Просынетъ кровь, какъ пройдетъ младостьъ,
 Румяны щеки, лобъ и брови
 Сожмутъ въ морщины дни суровы.

Сколь мудро божество вложило
 Сей, какъ бы шайный нѣкій гласъ,
 Чшобъ намъ и быліе швердило,
 Чшо мы здѣсь только лишь на часъ
 И чшо дней нашихъ скоропечностьъ
 Влечетъ всякъ часъ съ собой насъ въ вѣчность!

ХХІХ.
П Р И Т Ч А.
Старуха.

Терпсихора въ сей часъ скажи!
А ты, о Аполлонъ, трубою
Злашю громко зазучи,
Вели предстать всѣмъ музамъ къ строю!
Вземлите вяшно пѣснь мою,
Которую я вамъ спю!

Въ одинъ поушру чсный день
Спаруха ветхая годами,
Чшобъ зрѣшь красы своей хоть тѣвиз
Споя надъ чистыми водами,
Смошрясь, задумавшись упала,
И въ шину вязкую попала.

Увязши по уши спаруха
То словно волъ въ ярмѣ мычитъ,
То шомнымъ голосомъ, какъ муха,
Подайте помощь мнѣ, кричитъ.
Тущъ къ ней на помощь прискачили,
Изъ шины на берегъ встацили.

При чемъ согласно всѣ кричали:
„Поменьше думай про себя,
„Смотри, чшобъ впредь не занимаи
„Подобны пустоши тебя,

„Чтобы мечтанія шуманъ
 „ Не ввелъ опять себя въ обманъ.

Коль много шаковыхъ на свѣшѣ,
 Кошорья собой плѣнясь
 И бывъ лишь съ зеркаломъ въ совѣшѣ
 Въ обманъ ввергающся, какъ въ грязь!
 Когда случай такой случался,
 Чшобъ впрямъ старухой кто прельщался?

XXX.

Б А С Н Я

Осель и спинья.

Поушру въ лѣпній день, когда съ востока
 прочь

Багряная заря прогнала шемну ночь
 И сыпля съ ризы блескъ на землю опушилась,
 Вся тварь отъ сна ея приходомъ пробудилась:
 Пѣсухъ хозяина прикрашы пробужалъ,
 Гласъ громкій соловья Аврору ужъ встрѣчалъ,
 Оставляя гнѣзда въ лѣсѣ всѣ ппички полешбли,
 Скворецъ, дроздъ, перепѣлъ и жавронки запѣли:
 Осель, услыша ихъ, пѣшь также захошѣлъ,
 Разинулъ ротъ, зевнулъ, нескладно заревѣлъ.
 Ушихли соловьи и ппички замолчали,
 Безмолвно, изумясь, съ куста на кустъ лешали;
 Ослиный громкой крикъ для нихъ нескладенъ
 (былъ,
 Осель

Оселъ свой голосокъ чрезмѣрно полюбилъ ;
 Увидя пшичекъ спрахъ онъ крайне веселился
 И симъ передъ свиньей шумъ бывшей онъ хва-
 (лился.

Онъ мнилъ , надъ ними онъ побѣду одержалъ
 И голосомъ взгордясь онъ громче зарычалъ :
 Но пшички музыки такой не полюбили ,
 Вспархнули , изъ лѣсу скорѣе вонъ спѣшили.
 Запрыгалъ шумъ оселъ , ушми зашевелилъ ,
 Отъ радости хвостомъ себя нещадно билъ ,
 Удары сильные всѣ ни во что онъ ставилъ ,
 И крикомъ шумъ себя еще онъ позабавилъ ,
 Разинувъ шире ротъ , изъ всѣхъ заржалъ онъ
 (силъ ,

Успалъ , свалился съ ногъ , свиньѣ такъ гово-
 (рилъ :

„ Не даромъ , свашьюшка , не даромъ я прудился ,
 „ Услыша соловей мой голосъ успыдился ,
 „ И только первую я пѣсню запянулъ ,
 „ Скворецъ , дроздъ , перепелъ зардѣвшися
 (вспархнулъ ;

„ Когдажъ другую мнѣ имъ спѣшь на разумъ
 (вспало ,
 „ Въ минушу ни одной ужъ пшички здѣсь не
 (спало ,

„ Ничѣмъ меня изъ нихъ не споишь ни одна ,
 „ Одна лишь , свашья , ты во всемъ со мной сходна .
 Свинья повѣся носъ такъ свашу говорила :

„ Природа всѣмъ лишь насъ съ тобою одарила ,
 Рекла , и сѣла въ грязь , не пращя больше словъ .

— Вездѣ , найдемъ такихъ свиней мы и словъ ,

Которые хотя въ невѣжствѣ уповаютъ ;
 Но мнѣшъ , что никому они не уступаютъ
 И часто глумосью довольствуясь своей ,
 Тѣмъ хвалясь еще , что жизнь проводятъ
 (въ ней

XXXI.

Б Ы Л Ь .

Жилъ некогда народъ , какой , того не знаю ;
 Чипашелевой по догадкѣ оставляю .

Извѣстно только мнѣ ,
 Что въ оной сторонѣ
 Волковъ совсѣмъ не знали ,
 О нихъ и не слыжали

И для того ребяшъ волками не пугали .
 Народу оному попался гдѣ по волкъ ,
 Пошелъ въ народъ шолкъ ,
 О волкѣ разсуждаютъ ,
 На волка всѣ зѣваютъ ;

А что за звѣрь шаконъ , того не понимаютъ ;
 И только для того ,

Что ничего
 Объ немъ они не знаютъ
 Убить повелѣваютъ .

Иной его браня народу говоритъ ,
 Чпобъ волка застрѣлили ,
 Другой все швердитъ ,
 Кричитъ , чшобъ задавили ;

А многіе и пошѣ,
 Разинувѣ рошѣ,
 Даюшѣ совѣшѣ народу,
 Чшобѣ сѣ камнемѣ броситѣ вѣ воду.
 Какоюжѣ смершью уморитѣ,
 Чшобѣ всѣмѣ имѣ вмѣстѣ угодитѣ?
 Всякѣ о пустомѣ хлопочетѣ,
 Всякѣ голосѣ подаетѣ;
 А усшупитѣ не хочетѣ,
 Не чувствуя, что вретѣ.
 Но сколько ни бранились,
 (Да бранѣ куда нейдетѣ,)
 Однакожѣ помирились
 И всѣ вѣ помѣ согласились,

Чшобѣ перваго спроситѣ вѣ глаза кто попа-
 (детѣ,

И вѣ эшомѣ
 Довольсшвуясь опшвѣшомѣ,
 Чшо скажетѣ онѣ
 Приняшѣ шо за законѣ.

Вѣ шо время на конѣ проѣжжій подѣѣжжаетѣ,
 Народѣ бѣжитѣ кѣ нему, толпштся, окружа-
 (етѣ,

Кричитѣ разинувѣ рошѣ,
 Опшвѣша ожидаетѣ.

Проѣжжій шомѣ

Незѣрностью крушилсѣ

Любовницы своей,

Сѣ досады вѣ путь пушилсѣ:

Но шѣмѣ не излечилсѣ

И думая о ней

Сказалъ въ отвѣтъ народу :
 „Пожалуй не держи и дай ему свободу ;
 „Онъ жизни самъ лишится
 „Когда ему случится,
 „Въ невѣрную влюбиться,

XXXII.
 П И С Ь М О. (*)

Господа Издатели!

Милоспивые Государя!

Изъ чтенія трудовъ вашихъ усматривая намѣреніе и цѣль вашихъ изданій, я не могу внутренно не восхищаться, находя поль благонамѣренные виды въ моихъ соотечественникахъ, и почиаю долгомъ моимъ по силѣ моей соучаствовать вамъ въ оныхъ. Сей приносимый вами даръ отечеству не можетъ не быть для него пріятенъ, особливо естли совершенное безкорыстіе ест спутникомъ трудовъ вашихъ. Я подтверждаю ваши

слова :

(*) На сихъ дняхъ получили мы слѣдующія четыре піэсы и поставляя себѣ долгомъ удовлетворять желанію особъ, дѣлающихъ намъ честь соучаствованіемъ своимъ въ трудахъ нашихъ, мы сообщаемъ оныя съ опмѣннымъ удовольствіемъ при письмѣ присланномъ къ намъ съ сими сочиненіями, свидѣтельствуя чрезъ сіе должную нашу благодарность.

слова: — *O Patria! ipsa tibi blandos fundunt
cunabula flores!* и подтверждаю ихъ шѣмъ съ
большимъ удовольствіемъ что: - - - - *sibi
pvis speret, idem frustra sudat, frustra que labo-
rat,* — какъ-то вы сами сказываете. Въ
знакъ же совершеннаго моего благорасположе-
нія къ споль достохвальной цѣли и предан-
ности къ вамъ, сообщаю вамъ сіи труды,
коихъ малость довольно я чувствую, и при-
знаюсь, что естли бы я не сполько былъ
занятъ гражданскими должностями; то ко-
нечно бы успѣдился жершвовать вамъ шакою
малосшію. Но не имѣя больше времени, кошо-
рое бы я могъ употребить на важнѣйшія со-
чиненія, и спѣша сообщить вамъ что ни-
будь, при семъ препровождаю сіи труды, кои
исправивъ, какъ-то вы за благо разсудите,
прошу помѣститъ въ ваши изданія. Желая
видѣть свои между вашими сочиненіями, съ
испивною моею къ вамъ приданностию ческъ
имѣю пребыть.

Милоспивые Государи

Вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Н. Л.

Изъ Рязани

27. Ноября 1784. года.

Б А С Е Н К А.

Бабочка и розонъ.

- „ Пльняйся крыль моихъ блестящей не-
 (спрошю ,
 Жужжала бабочка вокругъ розона спо разъ ,
 „ Прелестнѣй ихъ ничто не можешъ быть для
 (глазъ ,
 „ Изъ самыхъ шѣхъ цвѣшовъ различныхъ
 (красошю ,
 „ Кошоры радугу прѣяшною являющъ ,
 „ Прямые знашоки сѣ моими не сравняющъ ,
 „ Я ихъ прекраснѣе ! — Послушай мой
 (дружокъ !
 „ Къ чему такая спесь ? Пусть я просшая
 (правка ,
 „ Сказалъ на шо вѣ отвѣшъ ей розовой цвѣ-
 (шокъ ,
 „ Не забывай , что ты вчера была козявка .

Н. Л.

Плоды алчности ко злату.

- Чишашелей моихъ хочу спихами мучишь ,
 Хочу я имъ наскучишь ,
 Изъ мыслей спущавъ связку ,
 Скажу шакую сказку ,

Чтобъ

Чтобъ кто изъ васъ ложася спать ,
 Лишь спалъ ее чипашь ,
 Во снѣ упавши съ нею ,
 Подъ быо бы Морфею ,
 Не мѣшкавъ захрапѣлъ ;

Морфей бы шумъ и самъ не медля прилетѣлъ ,
 И васъ убравъ цѣльями
 И шѣхъ цвѣтнорѣ лиснами .
 (Не розыбъ были но , но макъ ,)
 Убравши же васъ такъ ,
 Покоиньсябъ оснавилъ

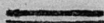
А ябъ доволенъ былъ , что вамъ покой доста-
 (вилъ ;

Но еспѣлижъ мой разсказъ
 Сыпишь имѣшь не будетъ свойства ,
 И не соснавишь , такъ какъ я сказалъ , спо-
 (койстра :

Прощу покорно васъ ,
 Призвавъ разсудокъ въ помощь ,
 Чипашели мои , меня въ томъ не винишь ,
 Что я чипашь заснава въ полночь ,
 Не могъ васъ усынишь ;
 На всѣхъ не можно уродишь ;
 Иной заснетъ чипавши ,
 И скуку шумъ найдешъ ;
 Иной и день не спавши ,
 Чипавши проживешъ ;

Послушайтежъ меня ; а послѣ , какъ хошите ,
 Чипашели судите .

„ Кто къ злалу алчнымъ бывъ ,
 Разсудокъ ошмешаетъ ,

И честь и стыдъ забывъ ,

Увидя злою шаетъ ,

Не видишь шомъ шогда , кто съшь ему спле-
(шаетъ ;

Въ забвеніи себя шогда не помнишь онъ ;

Ни сильныхъ страхъ , ни бѣдныхъ спонъ

Не могутъ удержашь сего слѣнца спремленья ,

Не могутъ успрашить шогда его мученья ,

Не видишь онъ съшей , бывъ злою ослѣпленъ ,

Не видишь онъ шого , что хипро оболъщенъ ,

Бросается на прахъ ; но что же получаетъ ,

Сшаданье ошъ шого , блаженствомъ что счи-
(шаетъ ;

Но всякой самъ себя чтошбъ злою не слѣпилъ ,

Разсудка чтошбъ не шмилъ ,

И чтошбы въ алчности имѣлъ ко злому мѣру ,

Вотъ что я здѣсь скажу вамъ лучше для при-
(мѣру

Что здѣлалось съ однимъ

Скупымъ шакого роду .

Ну чтошжъ случилось съ нимъ ?

Попалася уроду ,

Подкова на пуши ;

Престалъ онъ шущъ ишши ,

Тошчасъ остановилсѧ

И видя , что она ,

Какъ жаръ , была красна ,

Находкою прельшислсѧ ,

Онъ думалъ золотая ;

И такъ имѣшь ее желаніемъ пылая ,

Не могъ онъ разсудишь ,

Что

Что нужды нѣтъ ковать подковы, золошья;
А что куютъ всегда железныя, просныя.

Рѣшился подцѣпить.

Находку дорогую:

Боясь же подѣлишь

Вещицу золошюю,

Со шрепешомъ вездѣ вокругъ себя глядѣлъ;

Но къ счастью его

Не видя никого,

Онъ болѣе ужъ шумъ опасности не зрѣлъ,

Схватилъ рукою смѣло:

Но вдругъ онъ закричалъ, созва въ рукѣ все

(шѣло.

Не золоша кусокъ предъ нимъ вишь эшо былъ,

Железо раскаля насмѣшникъ подложилъ.

Какою же шогда обьяшъ онъ былъ шоскою?

И шшылъ его шѣдалъ, шрадалъ онъ и рукою;

Рыдалъ и слезы лилъ,

Печалился, сердился,

И словомъ бѣшенъ былъ,

И самъ себя шшылъ: —

Пожаловалъ шогда разсудокъ изъ бѣговъ,

Раскаянье попомъ вошло въ шу подлу душу;

Но поздно было шо, вкусилъ онъ шѣхъ плодовъ,

Кшоры изъ рѣки разсудка здѣлавъ сушу,

Повергнули его въ нечаянную муку,

Хватая золошо, обжогъ желѣзомъ руку.

Изъ Рязани.

С О Н Е Т Ъ.

Престань себя, мой духъ, надеждой тщетно,
 (льстишь;
 Судьбой мнѣ вѣрно терзаться и любишь,
 Въ сненаньяхъ проводишь всѣ дни, часы, минушны,
 И лишь оплакивашь свои напасши люшны,

Быть вѣриу, пламенну, надежды не имѣшь,
 И къ нечувствительной любвию горѣшь.
 Не мысли, чшобъ ея кровь также вспламенилась
 И чшобы и она сей спрасши покорилась.

Для обладанія сердець бывъ рождена,
 Не можешъ плѣницей быть чьей ни будь она.
 Но кто ей полную отдавъ власть надъ собою,

Плѣнясь ума ея и сердца красою.
 Плѣнился прелестьми лица ея заразъ,
 Конечно плѣнникомъ шотъ спалъ въ послѣдній
 (разъ.

Н. Л.

4.

Къ стихомарателю.

Что ты на виршахъ врешь, на что на по
 (сердишься,
 Не ты въ помѣ виноватъ, угодно по судьбѣ;
 Безъ дарованія не лзя на свѣшѣ родиться;
 И такъ, чтобъ въ виршахъ врагъ, шалантъ
 (сей данъ тебѣ.
 Н. Л.

XXXIII.

МАДРИГАЛЬ.

Гостелюбицей старухѣ.

Ты дома никогда *Старилла* не бываешь,
 Ни дня не усидишь:
 Но по гостямъ лышаешь
 И всякаго вездѣ свиспишь.
 Чупъ дышишь, по гостямъ однакожъ разбъ
 (бжжаешь,
 Въ гостяхъ и спишь, въ гостяхъ лекарства
 (принимаешь,
 Въ каретѣ день и ночь, въ каретѣ ѣшь и пьешь,
 Въ каретѣ, иль въ гостяхъ конечно ты умрешь.

XXXIV.

АНАГРАММЫ.

I.

Всѣ люди нашему смѣются *Избиралу*,
 Чшо выбралъ онъ себѣ жену такъ ростомъ малу:
 Но онъ не безъ причинъ на маленькой женился;
 И всякъ не меньшее зло лучшебъ согласился.

2.

Наука терпѣнія.

Терпѣнію когда ты хочешь научиться,
 Рѣшися только ты на злой женѣ женишься.

XXXV.

ЭПИГРАММЫ.

I.

Непинопатый осужденникъ.

Невѣрная жена коль мужу измѣнила,
 То мужъ и спалъ рогашъ.
 За чшожъ судьба его рогами надѣлила?
 Жена слюбилася, такъ онъ ли виновашъ?

2.

Всякому ли спое мило?

Тебѣ мила жена сосѣдова Филонъ,
 Твою своей любви доспойною чшишъ онъ.
 Когда же обоихъ чужее васъ плѣнило,
 Такъ спало, чшо не всѣмъ свое пріятно, мило.

3.

З а п т р а.

Мой другъ , коль я тебя о чемъ когда прошу
 Исполнить завтра ты всегда ты обещаешь :
 Когдажъ ты всѣ дѣла до завтра оплагаешь,
 Я благодарность пожъ до завтра опложу.

4.

Жизнь и смерть.

Какъ въ Океанѣ рѣка , такъ къ смерти
 (жизнь печешъ ;
 И жизнь всякъ сладкою , смерть горкою зовешъ.

5.

Жизнь и любовь.

Все къ своему концу съ поспѣшиостью спре-
 (мипся ,
 Конца лишь своего *любовь* и *жизнь* спрашишся.

6.

Филонъ намъ про себя съ божбою проповѣ-
 (далъ ,
 Что въ жизнь свою нигдѣ въ госпяхъ онъ не
 (обѣдалъ .
 За чѣмъ же ни къ кому обѣдашь онъ нейдешъ ?
 Никто не позовешъ.

7.

Къ Лину.

Какую пользу, *Линъ* , приносишь мнѣ деревня?
 Въ ошвѣшъ тебѣ на то охотно я скажу :
 Я вижу *Линъ* тебя ошшуда удаленна,
 Избавясь же тебя спокойно шамъ сижу.

8.

Къ докухину.

Додукинь! ты вездѣ встрѣчаясь вопрошаешь,
 Что дѣлаешь дружокъ, кричишь ты мнѣ все-
 (гда :
 Каждаяжъ ты всякой день опомъ мнѣ докучаешь,
 Такъ видно что тебѣ нѣтъ дѣла никогда.

XXXVI.

Э П И Т А Ф И.

1.

Ахимиху.

Подъ камнемъ симъ лежитъ сокровищъ всѣхъ
 (владѣтель,
 Свинецъ, желѣзо, мѣдь во злато превращалъ
 И симъ своимъ трудомъ другихъ обогащалъ;
 А сколь богашъ былъ самъ, сей гробъ пому
 (свидѣтель!

2.

Танцмейстеру.

Французской вышупкой, прохожій, здѣсь
 (шагай,
 Я былъ танцмейстеромъ, того не забывай,
 Оплично танцевалъ всѣ въ свѣтѣ минуешь,
 Проворно и легко пропрыгивалъ балеты;
 Теперь же отдыхашь отъ усталыя я лѳгъ
 — Прохожій, не буди его Французскихъ ногъ

3.

Нечувствительному.

Подъ твердой камень сей пошъ человекъ
 (снизшелъ,
 въ комъ камень сей себѣ подобнаго нашелъ.

XXXVII.

ЗАГАДКА.

Мнѣ не далъ машери Творецъ
 И мой супругъ есть мой отецъ.

XXXVIII.

О МІРѢ,

Его началъ и древности.

Подъ симъ названіемъ во второй части *Покоящагося* нашего *Трудолюбца* издали мы одну статью мнѣній о мірѣ древнихъ, въ коей почтенные любители *Трудолюбца* читали уже, что думали извѣстнѣйшіе изъ древнихъ мудрецы о всеобщей системѣ вселенныя; и какъ при семъ мы обѣщали по предположенному уже порядку предложитъ сперва: какое понятіе имѣли древніе о мірѣ вообще; потомъ представитъ мнѣнія ихъ о его началѣ, о его концѣ и о всемъ, что принадлежитъ къ землѣ въ особенностяхи и слѣ-

довашельно дашь понятіе о ихъ географіи, о перемѣнахъ, какимъ почишали они ее подверженною и наконецъ мнѣнія ихъ о началѣ челоуѣковъ и всѣхъ живошнихъ населяющихъ землю: шо во исполненіе сего предпріяшого намѣренія сказавъ шокмо, что думали оныя мудрецы о мірѣ вообще, или о цѣлой его системѣ; шеперь слѣдуетъ намъ сообщить мнѣнія ихъ о его началѣ. —

Мнѣнія дрепнихъ о началѣ міра.

Прежде всего, безъ сомнѣнія надлежало дашь понятіе, какъ думали древніе философы о системѣ міра, дабы изъ сего уже можно было входить въ подробности ихъ мнѣній и о началѣ его. Естественной порядокъ того шребуешъ, чтобы сперва узнать вещь, дабы потомъ судить уже о ея началѣ и ошкрышь, какимъ образомъ оная вещь получила свое бышіе. — О бытіи міра шрояко думашъ можно: I. Можно принять его вѣчнымъ какъ въ разсужденіи его матеріи, такъ и въ разсужденіи формы, ш. е. предсшавить его себѣ существующимъ ошъ вѣка шаковымъ, каковымъ мы его нынѣ видимъ II. Можно также принять его вѣчнымъ въ разсужденіи шолько матеріи, предсшавивъ себѣ, что на- стоящая его форма не всегда существовала. III. Наконецъ можно предсшавить, что и матерія и форма его образующая имѣли на- чало. Сіе послѣднее мнѣніе, какъ-шо ниже

показано будетъ, въ древности всѣми было опровергаемо, въ разсужденіи жъ двухъ первыхъ древніе всѣ были того, или другаго мнѣнія и каждая сторона имѣла великое число славныхъ послѣдователей.

Начнемъ съ тѣхъ, которые утверждали вѣчность міра какъ въ разсужденіи формы, такъ и въ разсужденіи матеріи. Діодоръ мнѣніе сіе приписываетъ Халдеямъ. (1); Страбонъ говоритъ о нихъ и о Друидахъ. Ферецидъ учитель Пифагоровъ, по объявленію Діогена Лаэртія, написалъ книгу о началѣ вещей подъ заглавіемъ: *Богъ, время и міръ вѣчны* (2). Самъ Пифагоръ, полагавшій что души вѣчно переселялись изъ одного мѣла въ другое; не могъ лучше утвердить своего мнѣнія какъ предположивъ міръ вѣчнымъ и неувредимымъ хотя Плутархъ и полагаетъ его въ число приписывавшихъ Богу его начало (3). Но естли что намъ извѣстно, то это то, что Оцеллъ, ученикъ и современникъ Пифагоровъ въ небольшой

П 3

своей

(1) *Chaldaei mundum sempiternum esse ajunt, neque principium habuisse, neque sortiturum esse finem. Lib. 3.*

(2) *Servatur adhuc Pherecydis syri, quem scripsit, libellus de rerum principio, cuius initium est: Iupiter quidem atque tempus idem semper et tellus erat. DIOG LAERT. in Pherec.*

(3) *Πυθαγόρας καὶ Πλάτων λεγόντων ὑπὸ Θεῶ τὸν κόσμον εἶ μὴν φθαρτόμενον. Plut. de placit Phil. Lib. 1. cap. 4.*

своей книжкѣ, которая послѣ него осталась, изъясняетъ намъ мнѣнія послѣдователей его секты о началѣ міра, гдѣ онѣ удословляетъ насъ въ мнѣнія ихъ о вѣчности земли и населяющихъ ее животныхъ. (4) Ксенофанъ смѣшивая вселенную съ божествомъ, говоритъ, что она никогда не начиналась и никогда не будетъ имѣть конца. Мелиссъ думалъ о семъ почти также, какъ по Цицеронѣ сказывается (5). Чтожъ касается до Платона, то хотя Плутархъ, Цицеронъ и Діогенъ Лаэръцій утверждаютъ, что онъ полагалъ міру начало (6); однако, какъ-то ясно видѣть можно изъ оставшихся послѣ него книгъ его, что онъ приписывалъ матери вѣчность; напрошивъ того не споль примѣрно, чтобъ онъ почиталъ міръ вѣчнымъ и въ разсужденіи его формы. *Тимей*, его книга споль темна и непонятна, что въ семъ разговорѣ все можно принимашъ такъ, какъ кто

(4) *Ocellus de Uniuers. cap. 1.*

(5) *Xenophanes unum esse omnia (dixit) neque id esse mutabile et id esse Deum; neque natum unquam et sempiternum. . . . Melissus hoc, quod esset infinitum et immutabile et fuisse semper et fore. Cic. Ac. Qu. Lib. 4.*

(6) *Cic. Acad. Quaest. Lib. 4. et Diogen. Laër. in Platone.*

што хочешъ (7). Однакожъ въ другомъ мѣ-
стѣ онъ довольно ясно утверждаетъ систе-
му періодическаго, или великаго года, (8)
въ который міръ, непрестанно обновляясь,
сохраняется по крайней мѣрѣ вѣчно въ одной
формѣ. Но какъ бы то ни было, Плутархъ
причисляетъ Пифагора и Платона къ шѣмъ,
кои почитали міръ невредимымъ, и ученики
сего послѣдняго, которые были наиболѣе
преданы его ученію, какъ-то Филонъ и
Платонъ утвердительно полагаютъ, что
міръ есть вѣченъ, не смотря на случающіяся
въ немъ опъ времени до времени перемѣны,
кои испребляютъ большую часть населяю-
щихъ землю. (9) Наконецъ Аристотель и
Перинашешики болѣе всѣхъ признавали вѣч-
ность міра и утверждали, что небо, звѣзды
планеты, земля, животноя и вообще всѣ

П 4

вещи

(7) О сей-то шемности говоритъ Цицеронъ
сими словами: *Iam de Platonis inconstantia lon-
gum est dicere, qui in Timaeo patrem huius mundi
nominari negat posse; in Legum vero libris, quid sit
omnino Deus, inquiri oportere non censet
Idem in Timeo dicit, et tamen in legibus et mundum
Deum esse, et coelum, et astra, et terram, et ani-
mos, et eas, quos majorum institutis accepimus. De
Nat. Deor. Lib. 2.*

(8) Въ разговорѣ своемъ называемомъ *Politicus*.

(9) Plotin. *Ennead. 5. Lib. 8. cap. 12.*

вещи суть вѣчны и никогда не престанутъ существовать (10.)

Мы раздѣлимъ древнихъ философовъ, приписывавшихъ міру вѣ разсужденіи формы начало, на два класса: вѣ первомъ помѣсимъ тѣхъ, кои принимали систему Періодическаго Года, о копоромъ ниже изъяснено будетъ; а ко второму причислимъ тѣхъ, кои отвергали сію систему. По миѣнію первыхъ, міръ не переменялъ никогда своей формы и пребывалъ всегда вѣ той, вѣ коей произведенъ; но шокмо опѣ времени обновлялся: до времени по миѣніюжѣ послѣднихъ форма его совершенно переменялась и дѣлалась совѣмъ иною, нежели вѣ каковой онѣ былъ съ начала.

Чрезъ Періодической же, или великой Годѣ древніе разумѣли все обращеніе небесъ, т. е. возвратъ всѣхъ свѣшилъ къ той самой шоккѣ, откуда они шеченіе свое возпріяли (11)

Сколь

(10) *Veniet Aristoteles, qui eum desipere dicat; neque enim ortum esse unquam mundum, quod nulla fuerit nouo inito consulto tam praeclari operis inceptio; et ita eum esse vudique aptum, ut nulla vis tantos queat motus mutationemque moliri, nulla senectus diacurnitate temporum existere, ut hic ornatus unquam dilapsus occidat.* Cic. Acad. Quaest. Lib. 4.

(11) *Quarum (stellarum errantium) ex disparibus motibus magnum annum Mathematici nominauerint: quorum efficitur, cum solis et lunae et quinque errantium ad eandem inter se comparationem, confectis omnium spatiis, es facta conuersio. Quae quam longa sit, magna quaestio sit.* Cic. De Nat. Deor. Lib. 2.

Сколь долго продолжается сей Періодической годъ, они никогда не были между собой согласны: одни соспавляли его изъ пяти тысячъ лѣтъ, другіе изъ десяти, изъ пятнадцати (12.) и изъ ста тысячъ; а нѣкоторые изъ многихъ миліоновъ, какъ-то и въ Ценсоринѣ видѣть можно.

И такъ по окончаніи сего великаго Періодическаго года, древніе думали, міръ возобновлялся и начиналъ существовать въ той же формѣ и такимъ же образомъ, какъ прежде. Люди населявшіе землю возрождались и начинали новую жизнь подобную той, какую они уже препровождали. Тѣ же произшествія, кои случились въ теченіи прежняго великаго года, случались также и въ послѣдующемъ за нимъ. Такимъ образомъ въ вѣчности всѣ Періодическіе годы соединялись и были, такъ сказать, повпореніемъ одинъ другаго. Оригенъ приписываетъ мнѣніе сіе

П 5

Пла-

(12) Макробій изъясняя, что есть періодической годъ, полагаетъ его въ пятнадцать тысячъ лѣтъ: *Mundani ergo annifinis est, cum stellae omnes omniaque sidera a certo loco ad eundem locum ita remeaverint, ut ne una quidem coeli stella in alio loco sit, quam in quo fuit, cum omnes aliae ex eo loco motae sunt, ad quem reuertae anno suo finem dedere.* Hoc autem, ut Physici volunt, post annorum quindecim millia peracta contingit. De somnio scip. Lib. 1.

Платоникамъ и Пифагорейцамъ (13) Известно, что Платонъ въ одномъ изъ своихъ разговоровъ утверждалъ сію систему: но онъ особенно полагалъ, что по изпеченіи нѣкотораго времени во всѣхъ вещахъ будетъ превращеніе; свѣтила начнутъ восходить на западъ, а заходить на востокъ и жизнь человѣческая начинаться будетъ въ старости, а кончиться въ первомъ младенчествѣ. (14)

Стойки привязаны были болѣе всѣхъ другихъ къ сему мнѣнію и утверждали оно съ большимъ жаромъ. Хризиппъ одинъ изъ славнѣйшихъ философовъ сея секты изъясняется о семъ такимъ образомъ: „Послѣ смерти
„нашей по прошествіи многихъ Періодовъ вре-
„мени, восстанемъ въ томъ же состояніи и
„въ той же формѣ, какую прежде имѣли. „
Ну-

(13) Ориген. противъ Цельса кн. 5. гл. 21.

(14) *Id autem contingit omnium maximum, sequiturque continuo revolutionem illam, quando coelum contra quam nunc reflectitur. Vbi nimirum ad aetatis florem quoduis animal pervenerit, tum desinit quidquid mortale est et ad senium vadit. Tum in figuram transit contrariam junioremque quodam modo et molliorem habitum induit; seniorumque cani capilli nigrescunt. Pubescentium quoque corpora pilis politis mollescunt, sensimque decrepescencia in tenelli pueri naturam reuertuntur. Tum demum tabescentia deficiunt et interium. Plat. in Politic.*

Нуменій другой извѣстный споику говоритъ, что сіе по востаніе въ прежней нашей формѣ свершаетъ великой оный годъ, въ копорый природа обновилась въ себѣ и отъ себя, и присовокупляетъ къ тому, что сіи премѣны и сіи періоды перемѣняются будущъ безконечно. Св. Августинъ о семъ мнѣніи Споиковъ говоритъ еще явственнѣе., Они „вѣрили, говоритъ онъ, (15.) что вся вѣч- „ность есть кругъ совсѣмъ подобныхъ про- „изшествій; на примѣрѣ, когда Платонъ „училъ въ Афинахъ: что по прошествіи каж- „даго Періодическаго года въ то же время, „помѣже Платонъ будетъ ояпль учить въ „помѣже городѣ, въ пѣхъ же мѣстахъ и „будетъ имѣть пѣхъ же учениковъ. . . . „То же самое послѣдуетъ со всѣми вещами, „кои должны случаться безпрестанно по „истеченіи вѣкопорого времени, копорое хо- „тя правда и продолжительно: но извѣстно.

Сему-

(15.) *Absit autem a recta fide, ut his Salomonis verbis illos circumitus significatos esse credamus, quibus illi putant, sic eadem temporum temporaliumque rerum volumina repeti, ut, v. g. sicut in isto saeculo Plato Philosophus in urbe Atheniensi in ea schola, quae Academia dicta est, discipulos docuit: ita per innumerabilia retro, et idem Plato, et eadem ciuitas, eademque schola iidemque discipuli repetiti et per innumerabilia deinde saecula repetendi sint. August. de Ciu. Dei. Lib. 12. cap. 13.*

Сему-то ученію о возобновленіи, или естли можно сказать, о возвращеніи вещей, посѣянному и въ Сибиллиныхъ стихахъ, должно приписатьъ Virgilіевы стихи, когда онъ лаская Римскому консулу говоритъ о счастіи народа, которое обѣщаетъ рожденіе его сына, сими словами (16): „Время, предсказанное Сибиллою, наступило; сіе долговременное послѣдствіе вѣковъ, предшествовавшихъ прежде, начинается: Аспрея возвращается на землю и возвращается злапой вѣкъ. „ Вѣроятно, что Египтяне и древніе Аравійцы имѣли въ виду сіе мнѣніе, когда говорили они о Фениксѣ рождающемся изъ своего пепла, какъ о Символѣ безконечнаго возобновленія природы.

Чтожъ касается до шѣхъ, кои не принимая Періодическаго года, признавали просто, что міръ въ разсужденіи своей формы пере-

(16) Извѣстно, что ученые не согласны между собою въ разсужденіи предмета четвертой Virgilіевой Эклоги: но мнѣ кажется, что ее къ сей матеріи основательнѣе отнести можно; въ прочемъ сказанныя нами Virgilіевы слова суть слѣдующія:

*Altiſſima Cūmaeri venit jam carminis aetas:
Magnus ab integro saeculorum nascitur ordo;
Iam redit virgo, redeunt Saturnia regna.*

Virg. Eclog. 4.

перемѣняешся: вѣ число сихъ должно полагають Анаксимена, Димокриша, Эпикура и другихъ, кои принимали множество міровъ разрушающихся и производящихся безпрестанно; словомъ всѣхъ шѣхъ, кои Атомы принимали за начало (principium) вещей, а случай за дѣйствующую причину ихъ бытія. По ихъ мнѣнію: міръ обращался вѣ Хаосъ, откуда случай извлекъ его, и вѣ сей Хаосъ онъ не иначе возвратился, какъ когда шотъ же случай паки извлечешъ его опшуда и дашъ ему новую форму.

Теперь изъяснимъ, какимъ случаемъ, думали древніе, міръ могъ получить свое начало. Одни причину сего приписывали единому случаю, другіе присвоивали сіе нѣкоторому мыслящему существу: но всѣ они предполагали нѣкоторыя предсуществовавшія начала (principia) на которыя мыслящее ли существо, или случай дѣйствовали; ш. е. кои служили дѣйствующею причиною къ образованію міра; сіи вещей начала Левкиппъ, Димокришъ и Эпикурейцы (17) называютъ

Ато-

(17) *Principia omnium esse atomos (dixit) atque inane*, говоритъ Діогенъ Лаэртій говоря о Димокришѣ. Цицеронъ предлагая сіе Димокришево и всея секты Атомистовъ мнѣніе говоритъ: *Ille Atomos, quas appellat, i. e. corpora individua propter soliditatem, cenjet in infinito inani, in quo nec summum, uel infimum, nec medium, nec ultimum, nec extremum sit, ita ferri, ut concursuibus inter se cohaerescant, ex quo efficiuntur ea, quae sunt, quaeque*

Атомами, ш. е. шѢлами недѢлимыми; дру-
rie

que cernantur, omnia; eumque motum Atomorum nullo a principio, sed ex eterno tempore intelligi conuenire. Tum innumerabiles mundi, qui et oriantur et intereant quotidie. De fin. bon. et md. Lib. 1.

Но никто не описалъ сей системы лучше Лукреція, какъ - по можно видѣть изъ сихъ его стиховъ. *De nat. rer. Lib. 5.*

*Sed quia multa modis primordia rerum
Ex infinito jam tempore percita plagis,
Ponderibusque suis consuerunt concita ferri.
Omnino aisque coire, atque omnia pertentare,
Quaecumque inter se possent congressa creare:
Propterea fit, uti magnum vulgata per avum
Omnigenos coetus et modus experiundo,
Tandem ea conueniant; quae ut conuenere, repente
Magnarum rerum fiant exordia, nempe
Terrei et maris et caeli generisque animantum.*

Онъ уже сказалъ во второй своей книгѣ:

*Quod quoniam constat, mirum nulla quies est
Reddita corporibus primis per inane profundum,
Sed magis assiduo varioque exercita motu,
Partim interuallis magnis costicta resultant:
Pars etiam breuibus spatiis nexantur ab ictus
Et quaecumque magis condense conciliatum
Exiguis interuallis connexa resultant,
Endopedita suis perplexis ipsa figuris.
Haec validas saxi rudices et fera ferri
Corpora constituent et cetera de genere horum
Paucula. Quae porro magnum per inane vagantur.
Et cita dissiliunt longe longeque recursant
In magnis interuallis: haec aëra rarum
Sufficiunt nobis et splendida lumina solis.*

гіе называли стихіями: нѣкорыя давали имъ общее имя *сѣмена* вещей; другіежъ соединяли всѣ сіи идеи съ словомъ *матерія*. Талесъ таковымъ началомъ міра почиталъ воду, Анаксименъ признавалъ воздухъ; Ираклишъ и Парменидъ огонь; Эмпедоклъ къ симъ шремъ вещамъ присовокуплялъ землю и первый утверждалъ чешыре элемента, кои Перипатетическая школа уничила пѣшомъ славыми. (18)

Не останавливаясь въ изчисленіи различныхъ мнѣній Философовъ въ разсужденіи сего, довольно будетъ сказать, что по ихъ мнѣнію шѣ начала, или стихіи, кошорыя они принимали, какіябы въ прочемъ они ни были, были въ неспроеніи и смѣшеніи, пока случай, или божество неизвели оныя отъ мрака и не успроили. Левкиппъ, Демокришъ, Эпикуръ и всѣ Атомисты, кошорые занимаютъ важное мѣсто между философами, разсуждавшими о началѣ міра, сіе дѣйствіе приписываютъ единственню случаю. Впрочемъ неизвѣстно имѣли ли они ясное понятіе о семъ случаѣ и могли ли они подѣ симъ словомъ разумѣть что другое, кромѣ при-

(18) *Thales ex aqua dixit constare omnia: Anaximenes infinitum aëra, Parmenides ignem, qui moueat terram, quae ab eo formetur, Empedocles haec peruulgata et nota quatuor. Heraclitus ignem, Cic. Acad. Quaest. Lib. 4.*

причины, правда, скрытной: но необходимой. Но какъ бы то ни было, они изъясняли сіе такимъ образомъ. — Атомы находятся въ непрестанномъ движеніи въ безпредѣльной пустотѣ, и поному случается что великое число сихъ Атомовъ сполкнувшись съ другимъ множествомъ, сцѣпляющся и оспающся другъ съ другомъ связаны чрезъ большее, или меньше время; поному раздѣляющся и возвращающся въ смѣшенное движеніе, въ копоромъ прежде находились, до тѣхъ поръ, пока опять не соединящся. И такъ міръ нашъ, говорили они, есть не что иное, какъ куча Атомовъ, кои сцѣлвившися вмѣстѣ произвели всѣ существа соспавляющія оный. А какъ число Атомовъ и пространство, въ коемъ они содержатся, безпредѣльны: то изъ сего видно, что можетъ безпрестанно рождащся множество міровъ, и также множество оныхъ могутъ разрушашся, и дѣйствіе Атомовъ во всей вѣчности есть попеременное сцѣпленіе и разпорженіе, т. е. безпрестанное произведеніе и испребленіе міровъ.

Число философовъ приписывавшихъ вину бытія міра мыслящему существу весьма немногочисленно. Еслии исключитъ Анаксагора и тѣхъ, кои послѣдовали ученію Платона (19) то всѣ другіе причину міробытія при-

(19) *Anaxagoras aturam infinitam (dixit) se eas particulas similes inter se minutas: eas primum confusas postea*

приписывали кажешся не другому чему какъ случаю, или нуждѣ: сами Платоники принимали и божество и нужду, и признавали и то и другое за дѣйствующую причину міра. Вотъ какъ о семъ Платонъ разсуждаетъ (20):

„Богъ родилъ міръ отъ вѣка, и производя оный слѣдовалъ мысли, или совершенному образцу, который онъ имѣетъ въ самомъ себѣ всѣмъ возможнымъ вещамъ. Вещество (матерія) существовало еще прежде и оно есть мать міра, такъ какъ Богъ есть его отецъ. — Слѣдовательно міръ есть вещь родившаяся; Богъ есть начало рождающее, а матерія есть вещь, въ которой зачатіе міра. И такъ премудрость и нужда суть дѣйствующая вина міробытія, ибо премудрость есть не иное что какъ Богъ; а нужда съ веществомъ есть едино.

Въ сей системѣ найдемся многое шемнымъ; и для того оно нужно объяснить. — Во первыхъ неизвѣстно, что Платонъ разумѣетъ когда говоритъ, что матерія существовала прежде міра; ибо онъ же сказываетъ, что міръ предвѣченъ, или сошворенъ отъ вѣка;

Часть III.

Р

по

postea in ordinem adductas mente divina Cic. Acad. Quaest. Lib. 1. et ibidem Lib. 4. Plato ex materia in se omnia recipiente mundum esse factum esse a Deo sempiternum:

(20) In Timaeo:

по сему не можно понимать сего первенства матеріи, (говоря по богословеки,) какъ первенствомъ въ порядкѣ, а не первенствомъ (21) во времени. Спольше шрудно изъяснишь, что сей философъ хочетъ сказать когда говоритъ, что нужда и матерія есть шоже и что сія нужда есть мать міра. Въ сей нерѣшимости должно прибѣгнушь къ Платоникамъ, кои наилучше открыли ученіе своего учителя. — Они научаютъ насъ (22) что вещество существуетъ необходимо; изъ сего слѣдуетъ, что вещество есть необходимая причина бытія міра. И въ самомъ дѣлѣ Платонъ ужверждаетъ, что всего смѣшнѣе говорить, что Богъ сотворилъ міръ для прославленія себя. Симъ, говоритъ онъ (23), приписываемъ мы ему недосытски и низкія намѣренія художниковъ, коихъ цѣль шрудовъ есть или корысть, или честолюбіе.

Анак-

(21) Первенствомъ называю я то, что Бого-
словы называютъ *prioritas*.

(22) Смотри Платина Ennad. 1. Lib. 8. cap. 15.

(23) Ennad. 3. Lib. 2. cap. 2. Лукрецій называетъ также безразсуднымъ думать, что вселенная сотворена для человѣка. *De rerum nat. Lib. 5.*

*Dicere porro, hominum causa voluisse parere
Praeclaram mundi naturam, proptereaque
Id laudabile opus Divum laudare decere
Desipere est.*

Анаксагоръ принявъ за начало всѣхъ вещей вѣчное и безконечное вещество, полагающъ, что части его, бывшія въ смѣшеніи, раздѣлены и усроены премудростію (мыслию) божіею (24). Халдеи, какъ-то мы выше видѣли, признававшіе (25) міръ вѣчнымъ, признали однакожъ, что порядокъ и устройство утверждены Божіимъ промысломъ. Такимъ образомъ они соединяли двѣ вещи, кои Платонъ раздѣляетъ особо въ своей системѣ: ш. е. образованіе міра и его вѣчность.

Но самое древнѣйшее и славнѣйшее въ древности мнѣніе о началѣ міра безпрекословно есть то, которое содержишь въ себѣ Аллегорическая баснословія древнихъ Египтянъ и Финикійянъ и которое Греческіе и Латинскіе стихотворцы столько прославили, что учинили извѣстнымъ при словѣ Хаосъ, ш. е. смѣсь стихій, или безпорядочное смѣшеніе сѣменъ всѣхъ вещей, которыя Любовь умѣла раздѣлитъ и сдѣлать плодотворными. Дошедшія до насъ подъ именемъ Орфеевыхъ, стихотворенія содержатъ въ себѣ сію славную Аллегорію; Аполлоній также говоритъ о семъ (26) и Изіодъ не позабылъ упомянуть въ кни-

(24) *Omnia finis erant; deinde accessit mens, eaque composuit*: Diog. Laër. in Анах. См. N. (19).

(25) См. выше N. (2).

(26) Изіод. Родосл. Богов. стихъ 116.

гѣ своей названной *Родоелопіе боговъ* (Theogonia) хощя онѣ и невѣрно намѣ сіе сказываешѣ, полагая что земля сошворена прежде Любви. Хаосѣ былѣ, говоритѣ онѣ, (27) прежде всѣхѣ вещей попомѣ мрачный Таршарѣ, находящаяся въ нѣдрѣ земля и любовь, побѣдительница человѣковѣ и боговѣ. Изѣ Хаоса изшелѣ Эревѣ, а ночь произвела день и эфирѣ. Аристофанѣ съ большимѣ порядкомѣ, нежели всѣ другіе, написалѣ о сей машеріи. Вотѣ что говоритѣ онѣ въ одномѣ изѣ своихѣ хоровѣ. „ Въ началѣ былѣ Хаосѣ и ночь, Эревѣ и Таршарѣ; не было еще ни земли, ни воздуха, ни неба, какѣ мощь произвела яйцо, изѣ коего вышла прекрасная Любовь съ позлащенными крылами, которая смѣсившись съ Хаосомѣ, родила весь мірѣ (28). Сіе подало случай къ сей Эмблемѣ, въ коей любовь представляется обладашелемѣ и Творцемѣ вселенныя съ длинною бородою, въ знакѣ ея древности (29); и по сей же причинѣ, Венера получила наименованіе матери природы, раздѣлительницы стихій (29.) Всѣ сіи изображенія означаютѣ единственно то, что согласіе и соединеніе между вещами одного

(27) *Aristoph. in Avib ver. 694.*

(28) Смотри Луціана *In Amor.*

(29) *En rerum naturae prisca parens; en elementorum or go initialis; en orbis totius alma Venus. Apul. Metam. Lib. 4.*

одного рода и однихъ свойствъ, были причиною бышя міра; такъ какъ вражда, или, какъ по Греки, называли *Zeis* была и могла еще бышь причиною его смѣшенія и разрушенія.

Какъ Египтяне и Финикіане въ разсужденіи начала міра держались системы Хаоса: по легко могло бышь, что и сосѣдственныя съ ними Іудеи приняли сіюжъ систему. Моисей наученный всей Египетской премудрости мнѣніе сіе явно подтверждаетъ (30) и хотя богословы толкуюшъ нынѣ Моисеевы книги различнымъ образомъ: однакожъ ничто такъ не ясно и неощущительно какъ сія истина.

И въ самомъ дѣлѣ понятіе, которое присоединяютъ къ слову *сопориъ*, т. е. *изпестъ изъ сопершеннаго ничто*, есть совсѣмъ новое, и нѣтъ такого выраженія ни на какомъ древнемъ языкѣ, ни на Еврейскомъ, ни на Греческомъ, ни на Латинскомъ. Слова сихъ языковъ, которыми нынѣ приписываемъ мы сей смыслъ, не имѣли сего значенія въ тогдашнія времена. Еврейское *Бар* есть то же, что руское *сдѣлаъ*, или *сопориъ* (31) Эвсевій въ своихъ Евангельскихъ при-

(30) Быш. 1. 2.

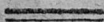
(31) Вашабъ и Гродій искуснѣйше толкователи говорятъ, что Еврейскому шексту точно соопвѣтствуютъ сія слова: *Quando Deus creavit coelum et Terram, materia erat informis.*

угошвленіяхъ книг. I. глав. 10. говоритъ : „
 „Финикійская богословія допускаетъ началомъ
 „всѣхъ вещей *духовный* воздухъ съ мрач-
 „нымъ хаосомъ, кои оба вѣчны и безконеч-
 „ны. Духъ сей, или духовный воздухъ,
 „смѣшавшииъ съ хаосомъ, изъ сего смѣше-
 „нія и соединенія произвелъ жидкость, (*li-*
 „*quor*) изъ коей всѣ швари произведены. „
 Изъ сихъ Эвсевіевыхъ словъ очевидно яв-
 спвуетъ, что Хаосъ существовалъ прежде
 сотворенія міра; и припомъ видно, что Фи-
 никійцы принимали также и *духъ*, содѣлав-
 шій Хаосъ плодоноснымъ, согрѣшимъ водъ,
 или влажноти. Отсюду научишься можно что
огонь и *вода* для того введены были въ
 брачные обряды, что древніе сіи двѣ вещи
 почитали за начала рожденія. Сіе открыва-
 етъ также намъ по какой причинѣ Егип-
 тяне и Финикійцы и шѣ, кои посвященъ
 были въ Бахусовы таинства, изображали
 міръ въ видѣ яйца. Наконецъ сіе убѣжда-
 етъ насъ признашь, что оный Финикійскій
 и Іудейскій *духъ* есть тоже, что и *Любошь*,
 (или Купидонъ) о кошоромъ говорящъ Греки
 такъ какъ ихъ *Эрепъ* и *Тартаръ* явно оз-
 начающа сими словами *тьма* и *бездна*. Изъ
 сегожъ слѣдуетъ, что либо Іудеи заимство-
 вали сіи понятія отъ Египтянъ и Финикі-
 янъ (Халдеевъ), либо они извлекли оныя
 изъ Моисеевыхъ книгъ.

Но все, что мы ни сказали о славномъ Хаосѣ древнихъ, не дастъ еще намъ яснаго и подробнаго понятія о маѣвнн ихъ въ разсужденіи начала міра. Можно сказать, что они о всемъ семъ говорили загадками, хотя знаніе о семъ и безъ того было весьма шемно, и они придали аллегорической покровѣ къ естественной мрачности вопроса, копорый они изъяснить предпринимали. — Ешлы что ясно понять можно изъ ихъ системы: по это то, что міръ никогда не былъ сотворенъ изъ ничего (32). Когда смѣшенныя стихіи раздѣлились, то матерія, изъ коей міръ созданъ, уже существовала, и не было еще тогда ничего *сотвореннаго*, т. е. ничего произведеннаго изъ точнаго *ничего*, кромѣ новой формы, въ копорую безобразная (*informis*, невидимая) матерія облеклася. Такимъ образомъ мы можемъ смѣло съ славнымъ Аглицаниномъ Бюрнепомъ увѣришь, что такое полкованіе, какъ вывъ полкуюшъ сотвореніе міра, было совсѣмъ неслыхано въ древности, не только между философами; но ниже въ копоромъ народѣ.

Напоследокъ мы можемъ за вѣрное утвердить, что въ древности большая часть принимали

(32) Сіе есть непремѣнное правило Лукреція.
Nullam rem e nihilo gigni divinitus unquam.

нимали міръ вѣчнымъ; всё же шѣ, кои полагаали, что міръ имѣлъ начало, допускали вообще преждебышіе машеріи; наконецъ они заключали, что міръ естѣ или чрезмѣрно древенъ, или время воспослѣдовавшее по сотвореніи его, исполнено полизкою шемношою и покрышо поль густымъ мракомъ, что совершенно невозможно ничего сказать извѣснаго о его началѣ.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

№ VII Ф-343

Handwritten text at the top left corner, possibly a page number or reference mark.

7
54

1785

v. 3

M/99